

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000027463416

ОБЕРТС

ЧЕРЧИЛЛЬ И ГИТЛЕР

ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

Title: Cherchill' i Gitler

Author: Roberts, Andrew

Эндрю Робертс

ЧЕРЧИЛЬ И ГИТЛЕР

АСТ
МОСКВА

УДК 94(410)(092)

ББК 63.3(0)62

P58

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена никаким методом без предварительного письменного разрешения владельцев авторских прав.

Оригинальное название:

HITLER AND CHURCHILL. SECRETS OF LEADERSHIP

by Andrew Roberts

Перевод с английского

Впервые опубликовано издательством

Weidenfeld & Nicolson в 2003, Лондон

Робертс, Эндрю

P58 Гитлер и Черчилль / Эндрю Робертс; пер. с англ. О.И. Сергеевой. – Москва : АСТ, 2015.– 319,[1] с.:ил. – (Тайны лидерства).

ISBN 978-5-17-086967-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-0-7538-1778-0 (англ.)

Адольф Гитлер и Уинстон Черчилль. Два правителя, стоявших у власти двух столь разных государств. Эпоха правления каждого из них – как бы ее ни оценивали – сыграла определяющую роль в дальнейшем развитии Германии и Великобритании – двух непримиримых противников во Второй мировой войне.

Что это были за личности? Какими были методы их правления? Какую роль они сыграли в истории своих стран и всего мира в целом?

На примере двух известнейших лидеров XX столетия британский историк Эндрю Робертс рассматривает проблему лидерства как феномен мировой истории.

УДК 94(410)(092)

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-086967-1
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-0-7538-1778-0 (англ.)

© 2003, Andrew Roberts
© ООО «Издательство АСТ»,
перевод на русский язык

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Гитлер и Черчилль к 1939	32
Гитлер и Черчилль после 1940	138
Заключение	264
Примечания	304
Библиография	307
Именной указатель	311

ВВЕДЕНИЕ

Возможно, я ошибаюсь, но держу свои глаза открытыми, и эта ситуация огорчает меня. Будущее непостижимо, но ужасно. Вы должны поддерживать меня. Когда я не смогу уже кого-то сдерживать и контролировать, я больше не способен быть лидером.

«Саврола», Уинстон Черчилль

«Как один человек может увлечь за собой сотню других?» Таков был один из вопросов на вступительных экзаменах в Кембриджском университете, и хотя он долго занимал меня, мне понадобилось целых двадцать лет, чтобы попытаться найти на него ответ. А ведь этот вопрос является главным в изучении истории и цивилизации. Если бы один человек не мог подчинить себе сотню других, в мире не было бы войн, но также не было бы соборов, космических исследований и филармонических оркестров. Способность одного человека заставить сотню других выполнять его распоряжения является основным элементом, лежащим в основе всех коллективных действий людей, хорошо это или плохо. Так как же это происходит?

Можно было бы справедливо предположить, что если за прошедшие столетия политика и общество претерпели столь значительные изменения, то же самое произошло и с природой лидерства. После того, как в западной цивилизации аграрные общества, в основе которых лежала феодальная зависимость, сменили демократии, основанные на институте представительства,

мы должны были бы начать руководствоваться совсем иными причинами к действию и повиноваться другим приказам. Поразительно, однако, то, что даже в век, считающийся искушенным и соответственно циничным, в минуты опасности боговдохновенное лидерство в значительной степени зависит от временной утраты доверия.

Об этом свидетельствует то, что язык лидерства за минувший период практически не претерпел изменений. Читая «Надгробную речь» Перикла, или речь Цицерона против узурпатора Катилины в 63 г. до н.э. «Находиться среди нас ты уже больше не можешь», или речь Джона Пима «Плач всей Англии», 1642 г., мы видим, что набор человеческих эмоций, к которым апеллируют лидеры, ограничен и удивительно постоянен. Если бы мы слушали этих ораторов сегодня, то, вероятно, были бы так же тронуты их речами, как и их тогдашняя аудитория. Этот набор эмоций можно позаимствовать, украсть, но главное, выучить. Целью этой книги является выяснить, как две абсолютно противоположных личности использовали этот небогатый лексикон, каждый по-своему, чтобы выиграть приз, который, как они оба прекрасно понимали, мог достаться только кому-то одному: победу во Второй мировой войне.

Когда в 1944 г. кинорежиссер Александр Корда захотел проиллюстрировать британский дух сопротивления нацизму, он пригласил Лоуренса Оливье на роль Генриха V в одноименной пьесе Шекспира. Речь короля перед штурмом Арфлера откровенно напоминала речи, произносимые в тот год Черчиллем, хотя их разделяло более трех веков. Истинный лидер увлекает нас на путь, глубоко впечатавшийся в гены и душах каждого из нас. Если бы основные факторы лидерства не оставались неизменными на протяжении столетий, возможно было бы выучить и применить уроки прошлого в ситуациях, к

счастью, не столь роковых, как те, с которыми пришлось столкнуться в 1939–1945 гг.?

Лидерство — как и смелость и даже искренность — находится вне понятия добра и зла. Адольф Гитлер был отважен и искренен, отстаивая свои убеждения, что не мешало им оставаться омерзительными. Изучать лидерские качества только тех людей, чьи действия вызывают одобрение, значит лишить себя возможности познакомиться с самыми влиятельными мировыми лидерами. Безусловно, величайший преступник современности, Осама бен Ладен, тем не менее, является лидером и заслуживает того, чтобы мы попытались выяснить, как ему удалось убедить такое множество людей нести вред и разрушения. Подобно фельдмаршалу Монтгомери, который во время кампании в пустыне возил с собой фотографию Эрвина Роммеля в рамке, мы должны постараться изучить лидерские приемы нашего врага, чтобы, в конце концов, победить его.

Наш мир еще хранит черты, которые он приобрел после объявления мира в 1945 г. Великие державы, позволившие России и странам Восточной Европы свергнуть коммунистические режимы в 1989–1991 гг., во многом остались такими же, какими были, когда в конце войны в Сан-Франциско была создана Организация Объединенных Наций. За исключением уменьшения границ Югославии — что не привело к каким-либо конфликтам за ее пределами — ни одна из европейских границ не претерпела изменений. Если считать действия ООН в Корее операцией по наведению порядка, то великие державы не вступали непосредственно ни в какие военные действия между собой, кроме войны между Китаем и Индией в 1962 г. Таким образом, за прошедшие шестьдесят лет Европа изменилась меньше, чем за тот же период на любом отрезке исторической шкалы, начи-

ная с эпохи раннего Средневековья. Процесс деколонизации начался еще до того, как Уинстон Черчилль подал в отставку в 1955 г., и вернись он сегодня на землю, начальники штабов незамедлительно учинили бы ему допрос о нынешнем состоянии планеты. Гитлер — Сатана, забыть о котором мы не можем забыть, — попросил бы объяснить произошедшее с Хиросимой и Нагасаки, но в остальном ему все было бы понятно. В конце концов, находясь в бункере, он предсказал, что главными победителями после его кончины станут Америка и Россия, и хотя известие об объединении Германии, возможно, ненадолго обрадовало бы его, тот факт, что оно прошло столь мирно и демократично, как водится, привел бы его в ярость. Уроки и наследие 1939–1945 гг. до сих пор оказывают влияние на наш мир. Продолжающееся влияние Гитлера и Черчилля на нашу жизнь неоспоримо. Если не брать во внимание Саддама, Запад сейчас наслаждается теми «широкими, залитыми солнцем высотами», которые Черчилль обещал нам и которые Гитлер так упорно старался разрушить.

О том, что Черчилль до сих пор считается воплощением смелого лидера, свидетельствуют неизгладимые последствия атак на США, предпринятых Аль-Каидой 11 сентября 2001 г. В час боли и испытаний американцы снова и снова обращались к его примеру, чтобы выразить переживаемое ими глубочайшее чувство потери, непримиримости и решимости. В ситуации, которую можно было бы назвать по заглавию одной из его книг, Черчилль снова предстал одной из крупнейших фигур. В 2001 г. в своем послании «О положении в стране» президент Джордж Буш, говоря о террористических актах в отношении Америки, сказал: «Мы не устанем, мы не будем колебаться, и мы не подведём». Это осознанное подражание обращению Черчилля к американским слушате-

лям, с которым он выступил по радио в феврале 1941 г.: «Мы не подведём и не закачаемся. Мы не ослабнем и не устанем». В своей речи, обращенной к выжившим после атаки на Пентагон 12 сентября, которую он произнес сразу после того, как погибли многие из их товарищей и коллег, министр обороны США Дональд Рамсфелд сказал: «В минуты величайшей опасности для своей страны Уинстон Черчилль говорил о самых славных моментах в ее истории. Вчера был нанесен удар по Америке и самой идее о человеческих свободах». Впоследствии Рамсфелд неоднократно возвращался к личности Черчилля и, выступая в августе следующего года перед тремя тысячами морских пехотинцев в Калифорнии, сказал, что между дипломатической изоляцией США, вызванной предстоящей войной с Ираком, и одиноким сопротивлением Черчилля попустительству Германии в 1930-х гг. есть прямые параллели. Все, что я читал о «годах пустынного одиночества», привело меня к мысли, что такие параллели действительно существуют

Когда президент Буш посетил в ходе своего визита в Лондон в 2001 г. «военный кабинет», он назвал Черчилля «по-настоящему обаятельным лидером» и обратился к британскому посольству в Вашингтоне с просьбой установить в Овальном кабинете его бронзовый бюст работы Эпштейна¹. (Рональд Рейган уже повесил портрет Черчилля в оперативном штабе Белого дома). Сегодня, даже спустя тридцать семь лет после смерти, Черчилль помогает найти нужные слова для обозначения духа открытого сопротивления, который Америка желает продемонстрировать остальному миру. «К Уинстону Черчиллю и его высказываниям постоянно обращаются, и они неизменно встречают одобрение», — писала «Boston Daily Record», а когда президент посетил эпицентр взрыва на Манхэттене, это вызвало сравнение с при-

званными поднять моральный дух посещениями премьер-министром Вест-Энда во время воздушных налетов. Во время подготовки войны в Ираке стало известно, что президент читает книгу под названием «Высшее командование: солдаты, политики и руководство в военное время» американского ученого Элиота Козна, одна из глав которой посвящена взаимоотношениям Черчилля с начальниками штабов². (На более приземленном уровне комик Джим Кэрри процитировал Черчилля, передавая в благотворительный фонд помощи семьям жертв терактов 11 сентября чек на миллион долларов).

На чрезвычайно трогательной церемонии, организованной с целью побудить нью-йоркских пожарных занять места их погибших коллег, мэр Джулиани процитировал Черчилля и заслужил от «Washington Post» прозвище «Черчилль в бейсболке». (На самом деле это сравнение не такое уж голословное, поскольку Черчилль любил носить эксцентричные и порой немного странные головные уборы). Когда он посетил Великобританию в феврале 2002 г., мэр Джулиани сказал Элис Томсон из «Daily Telegraph»: «Черчилль учит меня, как вернуть бодрость духа нации, переживающей не лучшие времена. После терактов я беседовал с ним. В самые трудные дни Битвы за Англию Черчилль ни разу не вышел из дома на Даунинг-стрит со словами: “Я не знаю что делать” или “Я растерян”. Он всегда появлялся, имея наготове указание или распоряжение, даже если ему приходилось лукавить»³.

«Даже если ему приходилось лукавить». Один из вопросов, рассматриваемых в этой книге, — необходимость для Черчилля большую часть времени между завершением эвакуации из Дюнкерка 3 июня 1940 г. и вторжением через год с небольшим Гитлера в Россию 22 июня 1941 г. регулярно делать хорошую мину при

плохой игре. Произнося в этот период свои вдохновенные речи, Черчилль на самом деле не знал, каким образом удастся победить Германию. Умение выдавать желаемое за действительное иногда является важной частью руководства, но как писал Св. Павел в своем первом послании к коринфянам: «Если сигнал трубы звучит неуверенно, кто станет готовиться к бою?» Уверенность Черчилля передавалась британскому народу, даже когда в 1940 г. сложно было понять, как выиграть эту войну.

Хотя до и особенно после войны Черчилль, находясь на том или ином государственном посту, предпринимал разочаровывающие шаги, в те роковые месяцы 1940–1941 гг. и до конца войны в 1945 г. он демонстрировал героические качества подлинного лидера нации. В основе этого лежала такая ошеломляющая своей смелостью уверенность, что, если бы его правота не подтвердилась последующими событиями, ему, возможно, грозил импичмент. (Конечно, если бы ситуация сложилась неблагоприятным образом, и Великобритания была бы завоевана, недовольство парламента было бы для него меньшим из зол.) Эта книга изучает добрые приемы по завоеванию доверия, а также злые, предпринимаемые его противником.

Классический пример лидерства

В истории немало примеров, доказывающих, что лидерам нетрудно найти людей, готовых умирать за них; гораздо сложнее найти тех, кто готов за них умереть. Люди, воспитанные в современных, атеистическо-христианских странах Запада, как правило, обычно требуют хотя бы минимальную гарантию выживания, но при этом в военное время добровольно участвуют в операциях или поступают в войска с ужасающе низким процентом выживаемо-

сти. В пьесе Шекспира выбор, предлагаемый Генрихом V солдатам, был: или вломиться в брешь в обороне Арфлера, или «трусами своих всю брешь завалим». Так и в обеих мировых войнах в XX в. люди были готовы смириться с колоссальными потерями, особенно среди пехотного офицерского состава во время Первой мировой войны и в бомбардировочной авиации во время Второй мировой. Это была благородная жертвенность, обратную сторону которой мир увидел 11 сентября 2001 г.

Когда Осама Бен Ладен призывал своих последователей стать смертниками, он использовал методы, которые, в сущности, ничем не отличались от тех, которые применяли средневековые ассасины или Махди и Халифа в Судане в 1880–1890-х гг. Они также очень напоминают техники подготовки японских *камикадзе* в 1944–1945 гг. Черчилль, воевавший с Халифой и присутствовавший при окончательном разгроме его армии в Омдурмане в 1898 г., немедленно распознал бы в Осаме типаж, который (в совершенно другом контексте) он назвал «факиром хорошо известного на Востоке типа». Природа подобного харизматичного псевдорелигиозного лидера — примером которого также может служить основатель религиозной общины Джим Джонс, убедивший более девятисот человек совершить самоубийство в Гайане в 1978 г., — на первый взгляд лежит за гранью современного западного понимания. Григорий Распутин и некоторые из предводителей первых Крестовых походов относятся к тому же типу, как и Гитлер, и если мы хотим победить угрозу, нависшую над Западом, нам следует разобраться в этом феномене.

Если природа лидерства Бен Ладена, в том что касается его высказываний и источников возникновения, по сути является гитлеровской, а Джордж Буш-младший и его старшие советники обращаются в поисках вдох-

новения к Черчиллю, не может ли война с терроризмом с полным основанием считаться продолжением Второй мировой войны? Я полагаю, такое вполне возможно, и противопоставление харизматичной техники Гитлера и поистине вдохновляющей техники Черчилля станет одной из центральных тем этой книги. Поскольку любой, кто интересуется историей и имеет склонность к ораторству, может вызубрить почти наизусть секреты обоих лидерских типов и использовать их с выгодой для себя.

Алан Буллок в написанной им книге о биографиях Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина, озаглавленной «Параллельные жизни», продемонстрировал, какое количество тоталитарных техник, использовавшихся нацистами, было позаимствовано у большевиков. Несомненно, дьявольский, хотя и бесспорный, талант Альберта Шпеера, Йозефа Геббельса и кинорежиссера Лени Рифеншталь делали нацистские сборища куда более впечатляющими, нежели парады на Красной площади, столь любимые советским Политбюро, но получившее широкое развитие при обоих режимах искусство организации массовых мероприятий мало чем отличалось от постановки эстрадного шоу с использованием микрофонов, световых эффектов, дыма и зеркал.

В красивом, тонко критикующем диктаторские приемы голливудском фильме 1939 г. «Волшебник страны Оз» прежде ужасный чародей оказывается обманщиком-коротышкой, прячущимся за внушительным фасадом и дергающим за рычаги, извергая таким образом огонь и издавая свирепые звуки. Создатели фильма хотели сказать, что Гитлер, Сталин, Муссолини и Франко на поверку оказались бы такими же шарлатанами, если бы у западных демократий хватило смелости, добропорядочности и ума дать им отпор. Несмотря на все, что мы знаем о личной неадекватности этих диктаторов, они от-

ветственны за массовое истребление такого громадного количества невинных людей, что двадцатый век навсегда останется «Веком бесчестия»⁴, как его назвал один из выдающихся историков. В реальной жизни вместо того, чтобы вернуться на воздушном шаре обратно в Канзас, волшебник должен был бы расстрелять Страшилу, Железного Дровосека, Трусливого Льва и Дороти (да и Тотошку в придачу).

«Не может человек более печальным образом засвидетельствовать свое собственное ничтожество, как выказывая неверие в великого человека», — писал Томас Карлейль в книге «О героях и героическом в истории», но не является ли обратное утверждение более правдивым? Нет ли пафоса в нашем постоянном поиске лидера, когда мы сами еще не научились как следует быть разумными последователями, скептически относящимися к наделению сверхчеловеческими качествами людей, которые, как нам прекрасно известно, всего лишь создания из плоти из крови, как и мы сами? Зрелая демократия должна испытывать отвращение к подобным периодическим приступам возвеличивания героев, как зрелая женщина испытывает смущение по поводу своей подростковой влюбленности в капитана школьной команды по лакроссу. «Одна из самых универсальных потребностей нашего времени, — писал американский политолог Джеймс МакГрегор Бёрнс, — это потребность в сильном и незаурядном лидере». Это стремление, которое снова и снова приводит к катастрофе, как это случилось с Францией, нуждавшейся в таком лидере, как Наполеон, в 1799 г., Россией, обратившейся к Ленину в 1917 г. и усугубившей свою ошибку, менее чем через десять лет сменив его на Сталина, а за Гитлера в 1932 г. голосовало не меньше 13 миллионов немцев. «Нас больше не обманут», — пели «The

Who» в одноименной политической песне. Но мы даем себя обмануть снова и снова.

Как подчеркивал последний и самый правдивый биограф Гитлера сэр Йан Кершоу в своей книге «Миф Гитлера» (1987 г.): «Готовность возложить все надежды на “лидера”, в лице “сильного человека”, сама по себе, конечно, не была необычна для Германии. Поддержка со стороны запуганной элиты и подчинение жаждущих сильного лидера масс, которым зачастую становится некая “харизматичная” личность, возникала (и до сих пор возникает) во многих обществах, в которых слабая плюралистическая система неспособна разрешить глубокие политические и идеологические разногласия и осознает, что оказалась в состоянии тяжелого кризиса». По мнению Карлейля, прославление лидера «великими людьми» далеко не всегда является показателем значимости — или отсутствия ничтожности, а может быть просто одним из признаков страны Третьего мира.

Анархистские и некоторые современные либертарианские философы с уверенностью утверждают, что основной проблемой является существование идеи лидерства само по себе, по крайней мере, в национальном масштабе. Против нее протестуют и антиглобалисты, нападающие на любой город, который оказывается достаточно смелым (или безрассудным), чтобы принять у себя саммит мировых лидеров». Если бы человечество было способно организовать себя таким образом, чтобы один человек не мог обладать абсолютной властью над сотней других, говорят они, мы жили бы лучше. Так же как истинные марксисты верят, что государство «отмерло» бы после краха капитализма в результате внутренних противоречий, так и анархисты, например, Пьер Прудон и Михаил Бакунин, утверждали, что однажды сама потребность в политических лидерах отпадет со-

всем. Хотя это утверждение в послевоенные годы получило некоторое подтверждение, особенно в Америке в 1960-х — начале 1970-х гг., оно по-прежнему является утопией.

Достаточно беглого взгляда на современный мир, чтобы увидеть, что повсеместное присутствие и визуальная доступность «мировых лидеров» являются сегодня, возможно, даже более заметными, чем когда-либо после 1945 г. Лидеры в общественном сознании стали олицетворять свои государства и даже в эпоху европейской интеграции привлекают к себе гораздо больше общественного внимания, чем можно было бы предположить каких-нибудь тридцать лет назад. Не похоже, чтобы в ближайшем будущем сила, под воздействием которой увеличилась значимость мировых лидеров — но необязательно их действительное могущество пошла на убыль. Это происходит в основном благодаря стремительному развитию информационных технологий, в результате которого, все больше людей в большем количестве мест могут гораздо быстрее узнавать о большем количестве событий, происходящих в настоящий момент. Будучи главными представителями своих стран, политические лидеры в полной мере используют все преимущества этого развития, чтобы повысить свою общую заметность.

Отнюдь не подразумевая, что мы более внимательно рассматриваем каждый вопрос, с тем чтобы более аргументированно обсуждать то, что происходит, революция в сфере коммуникаций и информации означает, что мы в растерянности передаем все больше и больше обязанностей по принятию решений нашим лидерам. В 2002 г. индийско-пакистанские переговоры по Кашмиру в международных средствах массовой информации свелись к разногласиям между премьер-министром Ваджпай

и президентом Мушаррафом, а вопрос о том, убит или все еще жив Осама Бен Ладен, был сочтен более важным, чем освобождение Афганистана от власти талибов. В 1780 г. премьер-министр вигов Джон Даннинг внес в Палату общин предложение, которое звучало следующим образом: «влияние короля усилилось, продолжает усиливаться и должно быть ослаблено». То же самое сегодня можно сказать о влиянии мировых лидеров.

Лидеры, по-видимому, еще больше проникнут в нашу повседневную жизнь, поскольку политику проще всего делать с помощью средств массовой информации, и в этом смысле проще всего сконцентрироваться на каком-то одном лидере или еще лучше на двух противниках. Эта потребность при общей тенденции обращаться фактически к самой интеллектуально неразвитой части электората — по крайней мере, среди тех, кто принимает участие в голосовании — неминуемо привела к общему снижению стандартов во всем, что касается речевого воздействия, — процесс, которому во многом способствуют сегодня сами политики.

Вот выдержка из речи Уильяма Гладстона, в которой он критикует представленный Бенджамином Дизраэли бюджет 1852 г. (а вместе с ним и все правительство тори):

Я с сожалением вспоминаю те дни, когда я был ближе ко многим моим почтенным друзьям, чем сейчас, и чувствую, что обязан использовать ту свободу слова, которую, я уверен, вы, как англичане, мне простите, и сказать вам, что если вы дадите свое согласие и разрешение на этот в высшей степени ошибочный и вредный закон, на котором основывается финансовая схема правительства, — вы можете не услышать мой призыв — то этим

окажете поддержку канцлеру казначейства; но я верю, что придет день, когда вы вспомните это голосование — последствия которого рано или поздно проявятся — и испытаете горькое, но запоздалое и бесполезное раскаяние.⁵

Это, возможно, была одна из самых длинных речей «великого старца», но можете ли вы представить кого-нибудь из современных политиков произносящим что-нибудь подобное? Безглагольные предложения из трех слов, умело подобранные цитаты, известные фразы из футбольных репортажей или мыльных опер — все это инструменты современной политической риторики.

Лексический запас политиков древности, включавший литературные и античные аллюзии, просто не подходит для современной жизни, поскольку снижение образовательных стандартов делает невозможным для большей части электората его понимание, даже если интеллектуальный уровень самого политика позволяет ему произносить речи нужного масштаба. Великий государственный деятель, один из лидеров партии вигов, лорд Брум говорил: «Образование помогает руководить людьми, но мешает манипулировать ими; помогает править, но не позволяет поработать». Страшно подумать, что может быть верно и обратное высказывание, о недостатке образования, которое вполне можно применить к избирателям ближайшего будущего.

Это не просто реакционный снобизм — я совсем не хочу быть похожим на принцессу Петипуа из романа Дизраэли «Конингсби», считавшую своим долгом «отомстить виновным в свержении династий и изгнании аристократии», — но факт остается фактом: Гладстон, Дизраэли, Розбери, Бальфур и лорд Солсбери рассматривали политику как процесс, способствующий прогрессу, и

намеренно стремились к тому, чтобы в их речах образовательной составляющей было не меньше, чем убеждающей. Немногие политические лидеры современности имеют столь же благую цель, а те, кто пытается сделать свои выступления поучительными, звучат педантично и самодовольно.

Теперь, когда, как и предсказывал Аристотель, демократия скатилась к демагогии, нет в мире более бесстыдной формы государства, чем абсолютная демократия, поскольку оно не способно допустить, что ее правитель, народ, может ошибаться. Сегодня политических лидеров обвиняют в социальных проблемах, которых при старых олигархиях практически не было. Наряду с этими обвинениями существует подсознательная уверенность в том, что государственным деятелям под силу изменить все, даже человеческую натуру. Это абсурдное предположение становится особенно очевидным во время встреч премьер-министра с народом, когда Тони Блэра периодически просят принять законы, которые в прежние времена по праву оставались священнослужителям, провозглашавшим их во время богослужения, или же, в некоторых случаях, доверяли святым с их божественным вмешательством. «Парламент может запросто издать закон о том, что все должны быть добрыми и хорошими, — писал лорд Солсбери в одной из своих статей для «Saturday Review» в 1860-х гг., — или что земное притяжение не должно больше заставлять мойщиков окон падать с подоконников, но вот воплотить его в жизнь будет куда сложнее».

Момент, в который современное политическое лидерство проявляется наиболее ярко в мирное время, наступает в период избирательных кампаний, предшествующих всеобщим выборам. Он неприятен для всех и каждого, даже при условии ослабления чувства че-

ловеческой гордости и достоинства. Парламентские выборы 1992 г. в Великобритании в этом смысле продемонстрировали особенное падение этих добродетелей, когда прения сторон свелись к упрекам в «двойном» повышении налогов, а правительство обвинило оппозицию во лжи.

Что бы на это сказал сэр Макс Бирбом? Обратимся к его лекции 1943 г., посвященной Литтону Стрейчи: «Говорят, что наступил век «простого человека». Мне нравится думать, что утром 1 января 2000 г. люди станут свободными и смогут расцепить руки, подняться с колен и поискать другую, возможно, более разумную форму веры». Сейчас этот рубеж нами преодолен, и нет никаких признаков того коленопреклонения. Если Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Конец истории и последний человек» верно предсказал распространение социальной демократии во всем мире, то его уже и не будет.

«Войны народов будут намного ужасней, чем войны королей», — предупреждал Черчилль в своей речи в Палате общин, посвященной бюджету вооруженных сил в 1901 г. Поскольку, как он писал в своем романе «Саврола»: «Рыцарское благородство не входит в число добродетелей деятельной демократии»⁶. Черчилль, рыцарь демократии, обозначил эту проблему, когда, туманным ноябрьским днем 1947 г., рисуя у себя в кабинете в поместье Чартвелл, задремал и увидел во сне своего отца. Возможно, судя по записанному им собственноручно рассказу об этом происшествии, это было видение: «Внезапно меня охватило странное чувство. Я обернулся с палитрой в руке и увидел в красном кожаном кресле с высокой спинкой отца», который вот уже пятьдесят два года как умер. В ходе «беседы» сын поведал отцу, являвшемуся создателем демократии тори, что: «После установления демократии нам осталось только воевать»⁷.

Демократия не только играла руководящую роль в самых кровавых войнах в истории человечества, но и была той целью, во имя которой велись некоторые из них, например, война во Вьетнаме и в Персидском заливе. Когда кто-то сражается за идею, а не за конкретный географический объект, например Силезию или Эльзас-Лотарингию, почти невозможно прийти к мирному соглашению. Войны за демократию становятся войнами не на жизнь, а на смерть; будучи современной светской религией, демократия требует безоговорочной капитуляции. Она презирует компромиссы подобно участникам восьми религиозных войн, которые раздирали Францию в период между 1562 и 1595 гг. Предъявляемое к Германии во время Второй мировой войны настойчивое требование о безоговорочной капитуляции привело к ее затягиванию, тогда как прежде, в восемнадцатом столетии, войны ограничивались династическими столкновениями, которые, как правило, исчерпывались, когда очередная провинция была захвачена и можно было подписывать мирный договор. Черчилль осознал эту проблему и смог лишь предотвратить войну с франкистской Испанией, произнеся в Палате общин речь, в которой подчеркнул: «Следует делать различие между человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал...». Если бы «холодная война» 1946–1989 гг. перешла в прямое военное противостояние мировых супердержав, то оно, вероятно, окончилось бы только после массированного уничтожения сил противника, поскольку демократия, как выразился лорд Солсбери о воинствующем христианстве, сталкиваясь с решительным сопротивлением, теряет способность следовать по умеренному пути.

Живший в XIII в. сиенский священник Св. Пелегрино Лациози, исцеливший себя молитвой от болезни является покровителем желающих исцелиться от рака. Так что, возможно, он наблюдает за увеличением числа

специалистов по связям с общественностью, вцепляющихся в британское политическое тело с тем, чтобы удержать лидеров, насколько это возможно, дальше от народа, который они возглавляют. Мистер Уортон в романе Э. Троллопа «Премьер-министр» представлял собой «тори старой школы, ненавидевшего компромиссы и в душе презиравшего класс политиков, для которых политика была скорее профессией, нежели мировоззрением». Сегодня лидеры в Британии и Америке — любых партий — все больше и больше приходят в политику как в профессию, а не из искреннего чувства общественного долга, и все меньшее их число имеет свой «хинтерлэнд», современное сленговое обозначение интересов, лежащих вне политической сферы.

Этот процесс негативно сказался на руководящих качествах, поскольку современные политические деятели почти неспособны отказаться от принципиальных разногласий или мелких нарушений из-за того, что вся их жизнь заключена в политике. Когда в июле 1954 г. сэр Томас Дагдейл, министр сельского хозяйства в послевоенном правительстве Черчилля, подал в отставку из-за дела о принудительном отчуждении земли в Кричел Даун прежде, чем кто-либо заговорил об этом, и вернулся к традиционным сельским занятиям, едва ли он испытывал сожаления по поводу своей испорченной карьеры. Сегодня министры держатся за свои места, пока над ними не нависает угроза отставки. Это один из наименее поучительных примеров в политике, подрывающих уважение народа к своим лидерам.

Не будем утверждать, что в прошлом лидеры были менее амбициозны, чем сейчас, поскольку это не так. Как писал в своей биографии британский премьер-министр лорд Розбери о своем друге и политическом противнике лорде Рэндольфе Черчилле: «Честолюбец, спо-

собный без раздражения наблюдать за возвышением или успехом кого-то из его современников, встречается намного реже, чем черный лебедь»⁸. Легко говорить, что лидеры прошлого понимали, когда их время заканчивалось, и уходили, что совсем не свойственно таким политикам, как Дэвид Меллор и Стивен Байерс, которые расставались со своими креслами долго и мучительно. В пятом веке до нашей эры Конфуций сказал: «Нет зрелища более приятного, чем видеть, как старый друг падает с высокой крыши», но тайное злорадство, которое затянувшаяся отставка этих двоих породила во многих политиках — особенно в членах их собственных партий, не могло не вызвать отвращения в обществе.

Политики долго шли к тому, чтобы начать ценить высокие должности сами по себе, независимо от того, к чему это могло привести. Когда в июле 1834 г. лорд Мельбурн раздумывал над тем, стоит ли принять предложенный королем Вильгельмом IV пост премьер-министра, его личный секретарь Том Янг, известный своими откровенными высказываниями, воскликнул: «Да черт возьми, ни один грек или римлянин не занимал такой должности; и даже если вы пробудете премьер-министром Англии всего три месяца, это того стоит». «Ей-богу, это правда, — ответил Мельбурн, — я соглашусь». Так он и сделал и пробыл премьер-министром без малого семь лет. Честолюбие само по себе неплохое качество для лидера, пока оно является дополнением к истинному таланту, как это было в случае с Мельбурном. Но как отозвался бывший казначей партии тори Алистер Маккалпайн о Консервативной партии Джона Мейджора: «В жизни чересчур амбициозных людей нет места ни сантиментам, ни каким-либо принципам».

Джон Адаир, который первым в мире занялся изучением лидерства, кратко сформулировал важность

времени и места для появления лидера, сказав: «Трудно быть великим лидером в Люксембурге в мирное время». Чтобы достигнуть высших вершин власти, Наполеону понадобился террор, Цезарю — галльские войны, а Черчиллю — фашисты. (Что касается Черчилля, то тут нужно сказать, что даже если бы он умер в апреле 1940 г., не успев занять пост премьер-министра, то все равно считался бы одной из значительных фигур в политике двадцатого века.) Один из персонажей романа Э. Н. Уилсона «Хроники Лампита» кратко подчеркивает важность благоприятного с точки зрения истории стечения обстоятельств, когда оглядывается на свою растраченную понапрасну жизнь: «Я никогда ничего не «делал»: после Суэца трудно представить, чтобы кто-нибудь что-нибудь делал, даже обладай он моральной стойкостью основоположников империи»⁹. Энох Пауэлл лучше всего сформулировал это почти нигилистическое с точки зрения политики чувство, когда после Суэца утверждал, что империя лишилась смысла и что Содружество наций не является ее логической заменой.

В 1927 г. американский журналист Хейвуд Броун писал, что как «любое убеждение начинается как каприз, так и каждый освободитель делает свои первые шаги как эксцентричный чудака. Фанатик — это великий лидер, только входящий в комнату»¹⁰. Лидеры могут появиться прежде, чем наступило их время, и если мир не готов к их появлению, они будут забыты, и неважно, какими харизматичными или вдохновляющими они могли бы стать. Лидерам нужен собственный Иоанн Креститель больше, чем они сами, их сторонники или история готовы признать. Оливеру Кромвелю нужен был Джон Пим, генерал Франко нуждался в генерале Мола, Гамаль Абдель Насер зависел от генерала Наги-

ба, а Рональду Рейгану, чтобы проложить путь к власти, понадобился Барри Голдуотер. У Тони Блэра имелось сразу два Иоанна Крестителя — что было невиданной роскошью: Нил Киннок и Джон Смит, благодаря чему его идеи становились более привлекательными, а путь более гладким.

Исполняющему роль Святого Иоанна часто приходилось тяжело, так же как и самому Крестителю. Они редко получали заслуженное признание и зачастую напоминали аббатису дель Пилар из романа Торнтон Уайлдера, которая «была из тех людей, кто позволяет загубить свою жизнь, влюбившись в идею... прежде, чем она займет свое место в истории». «Тот, кто опережает свое время», часто является не политиком, а интеллектуалом, чьи мысли позволяют лидеру говорить и делать то, что даже на полпоколения раньше казалось невозможным. Маргарет Тэтчер, например, нуждалась в экономических теориях Фридриха фон Хайека, Милтона Фридмана, сэра Кита Джозефа и Эноха Пауэлла, получивших широкое распространение перед началом осуществления в 1980-х гг. реформ, направленных на создание свободного рынка. Она не скупилась на выражение признательности за эти интеллектуальные одолжения, но часто лидерам нравится делать вид, будто они являются единственными авторами своих идеологий. Как высказался Гейне в «Истории религии и философии в Германии»: «Имейте это в виду, вы, гордые люди действия. Вы не больше, чем подсознательные подручные людей мысли... Максимилиан Робеспьер всего лишь рука Жан-Жака Руссо, кровавая рука, вырвавшая из утробы Времени тело, для которого Руссо создал душу». Ни Гитлеру, ни Черчиллю не предшествовало появление Иоанна Крестителя; они не были ничьими подсознательными помощниками.

Гитлер и Черчилль: их актуальная значимость

Чтобы оценить непрекращающееся воздействие, которое Вторая мировая война оказывает на нас, я собрал вырезки из печатных изданий за две недели марта 2000 г. (отрезок времени был выбран наугад), вырезая все, что имело отношение к шестилетнему периоду, закончившемуся 55 лет назад. В течение этих 14 дней в Израиле опубликовали дневники Адольфа Эйхмана; в ходе судебного процесса Дэвид Ирвинг против Деборы Липшадт и «Penguin Books» по делу об обвинении в клевете в отношении Холокоста начались заключительные слушания сторон; потенциальный австрийский фюрер Йорг Хайдер в конце концов с большой неохотой назвал Гитлера самым большим злодеем прошедшего столетия, — место, которое он до сих пор берег для Черчилля и Сталина; прозвучало предложение установить на пустующем четвертом постаменте на Трафальгарской площади скульптурную композицию «Женщины на войне»; требования по возмещению или реституции предметов искусства, захваченных нацистами, были оценены в сумму от 800 миллионов до 2,5 миллиарда фунтов стерлингов; сообщалось, что 97-летняя Лени Рифеншталь выжила при крушении вертолета в Судане и что в биографическом фильме ее будет играть Джоди Фостер; сделанные от руки записи одной из речей Гитлера, произнесенных им в рейхстаге в 1939 г., на аукционе были оценены в 11 800 фунтов стерлингов; Невиль Лоуренс, отец убитого темнокожего подростка Стивена Лоуренса, сравнил условия, с которыми сталкиваются в Британии черные подростки, с теми, в которых жила Анна Франк; человек в костюме Гитлера был задержан при попытке проникнуть на бал в Венской опере; появилось

пять некрологов, сообщающих о кончине Гарольда Хобдея, пробравшегося на плотину на реке Эдер с «прыгающей» бомбой, и Доминика Брюса, офицера ВВС Великобритании, совершившего не менее 70 попыток сбежать из немецких лагерей для военнопленных, в том числе Колдица; большой интерес СМИ вызвала относящаяся к военному времени переписка королевы-матери, касавшаяся герцога и герцогини Виндзорских; был опубликован план нацистского вторжения в Британию, разработанный в 1940 г. генералом СС Вальтером Шелленбергом, который включал список 2820 лиц, подлежащих аресту. Таким образом, тема Второй мировой войны, даже спустя более полувека с момента ее окончания, продолжает почти ежедневно мелькать в заголовках.

Отчасти это объясняется тем, что 1939–1945 гг., и особенно отрезок с июня 1940 по июнь 1941 гг., играет важнейшую роль в процессе самосознания Британии как нации. В нем есть аспекты, привлекательные как для правых, так и для левых. Для правых эти 386 дней, когда мы «были одни», пускай и при бесценной поддержке со стороны Британской империи и Содружества, означают высшее выражение суверенитета, доказывающее неопределимые преимущества национальной независимости.

Для левых это было время, когда фашизм, как идея, а не просто как государства Германия и Италия, был побежден силами демократии, представленными, как ее окрестил Черчилль, «Большой коалицией», куда входила и Лейбористская партия Клементы Эттли. Майкл Фут однажды сказал, что 1940 г. был слишком значимым символом, чтобы позволить правым присвоить его себе, и это отчасти так, поскольку обе стороны политического спектра черпают идеологическую поддержку в событиях этого года, наш великий *annus mirabilis* продолжает оставаться столь мощным тотемом. Как писала

«Times» в передовице 5 июня 1990 г.: «Многие страны отмечают день, когда была завоевана их независимость или свергнут *ancient regime*. Чего нельзя сказать о Британии, стране, не имеющей собственного национального дня... Британия хранит в памяти национальный год... В их [британцев] сознании символы 1940 г. неразделимы с символами Британии».

В Восточной Африке есть племя, в котором основной обязанностью колдуна является предугадывать, что прежний великий вождь предпринял бы в тех или иных обстоятельствах, и обе стороны, участвующие в дебатах по поводу степени интеграции Британии в Европейский союз, черпают огромное вдохновение, обращаясь к Уинстону Черчиллю. Стронники федерализации Европы, скажем, Майкл Хезелтайн, любят цитировать Черчилля, который якобы поддерживал идею европейского союза, забывая при этом добавить, что в действительности этот лидер военной эпохи был против того, чтобы Британия становилась его участником. Сэр Эдвард Хит также с удовольствием размышляет о том, что объединение континентальной Европы нужно для того, чтобы не допустить в будущем повторения войн наподобие тех, в которых участвовал он сам. Точно так же и те, кто выступает против Маастрихтского договора о создании Европейского союза, например, член британского парламента Билл Кэш и историк Норман Стоун — отцы обоих погибли на войне, — напоминают о катастрофических последствиях, к которым могут привести попытки заставить Британию вступить в него против ее доброй воли.

В поисках причин, по которым британцы гордятся своей родиной, всегда необходимо возвращаться к 1940–1941 гг. Есть множество вещей, которые они действительно делают очень хорошо, но всегда найдутся другие страны, в которых то же самое делают еще лучше. Труд-

но представить, что британцы гордятся своей страной церемониальных торжеств, автогонок, поп-индустрии или создания Государственной службы здравоохранения, хотя бы потому, что в Германии государственная система медицинского страхования появилась гораздо раньше. Должно быть нечто большее, и для многих это нечто то, что Британия совершила более 60 лет назад. В отличие от другой супердержавы, Британская империя находилась на поле битвы с самого начала — за исключением первых двух дней немецкого вторжения в Польшу — и до момента, когда День победы над Японией возвестил об окончании войны, и это повод для огромной и вполне заслуженной гордости.

Эмоциональное напряжение, порожденное годами войны, было настолько сильным, что все, происходящее впоследствии, автоматически воспринималось как нечто менее значимое, менее ужасное, менее внушительное. Послевоенный период в Британии неизбежно стал постгероической эпохой. Британия 1970-х гг. Гарольда Вильсона, Эдварда Хита и Джереми Торпа не смела даже надеяться сравниться по очарованию и романтике с Британией Черчилля, Идена и Монтгомери начала 1940-х гг. Но, несмотря на все тяготы, обрушивавшиеся на послевоенную Британию: развал империи, периодическая девальвация фунта стерлингов, массовый приток иммигрантов из стран Нового Содружества, Суэцкий кризис, обращение в Международный валютный фонд, проблемы с *British Leyland* и «зима недовольства» 1978–1979 гг. — память о событиях 1940–1941 гг. всегда служила утешением и напоминанием о величии нации.

Многие государства переживали «золотой век», в определенный момент играя ключевую роль в истории и притягивая к себе взгляды всего мира. Главной трагедией нашего, послевоенного, поколения является то, что звезд-

ный час Британии пробил совсем недавно. Понимание того, что шансов вновь пережить то героическое время нет никаких, почти неизбежно ведет к нигилизму. Точно так же, как греки до сих пор гордятся славой, которую Афины снискали в V в., французы испытывают восторг, когда смотрят на Триумфальную арку (хотя она и символизирует победы в битвах, которые Франция на самом деле проиграла), американцы чтут отцов-основателей, а монголы благоговеют (вопреки строгому распоряжению правительства) перед памятью Чингисхана, так и мы не в состоянии забыть год, в который, как писал Т. С. Эллиот в своей поэме 1941 г. «Литтл Гиддинг», «История ныне и Англия».

Мало что говорит о том, что интерес к войне снижается только из-за того, что ее участники покидают сцену, так же как интерес к Парфенону в Греции, Наполеону во Франции или конституции в Америке не исчез со смертью главных действующих лиц и творцов. В первой четверти XXI в. нам предстоит наблюдать, как покидают поле битвы — теперь уже навсегда — ветераны Второй мировой войны, но восхищение их подвигом не умрет вместе с ними. Еще долго после того, как все личные связи прервутся, персонажи, события и уроки 1939–1945 гг. будут храниться в памяти будущих поколений. Возобновление традиции двухминутного молчания в День перемирия свидетельствует о возрождении интереса и уважения к тому времени. Когда я рассказываю о войне в школах, учителя неизменно отмечают, что этот исторический период, безусловно, вызывает наибольший интерес их учеников.

Некоторые полагают, что одержимость британцев войной является проявлением инфантильности и даже вредит процессу формирования Британии как нормального европейского государства. Они утверждают, что раны уже зажили и открываются, только когда на между-

народных футбольных матчах хулиганы начинают петь на мотив «The Dambusters "March"» песни ксенофобного содержания. Хотя заголовки, пестревшие на страницах газет в те две недели в марте 2000 г., должны были бы их урезонить. Как писал в своей поэме Т. С. Элиот:

«Мы умираем с теми, кто умирает; глядите –
Они уходят и нас уводят с собой.
Мы рождаемся с теми, кто умер: глядите –
Они приходят и нас приводят с собой».

Требуют ли евреи через суд компенсации от швейцарских банков, преклоняются ли американские школьники перед Гитлером, а потом развязывают террор в колумбийской средней школе, или зрители толпами валят на такие фильмы Спилберга, как «Список Шиндлера» или «Спасти рядового Райана», эхо войны с гитлеризмом будет раздаваться вновь и вновь, и сегодня мы, вероятно, даже не можем предугадать, каким именно образом оно проявится в будущем.

* * *

Многие факторы привели к окончательной победе союзников и поражению Германии во Второй мировой войне: не в последнюю очередь благодаря огромному преимуществу в численности и материальном обеспечении. Но лидерские качества Гитлера и Черчилля также сыграли в этом важную роль. Уроки, которые мы можем извлечь из их поведения в период между 1939 и 1945 гг., помогут нам правильно подойти к решению куда менее значительных проблем нашего времени. Какие секреты лидерства Гитлер использовал, чтобы загипнотизировать целый народ? Если сегодня мы видим его насквозь, что в свое время помешало немцам увидеть истинное лицо своего лидера? Почему предостережения его главного оппонента, Уинстона Черчилля, когда тот точно

предсказывал следующий шаг Гитлера, не были услышаны? Он почти всегда оказывался прав, и эта Фемистоклова способность предвидения является квинтэссенцией лидерства. В отличие от Гитлера Черчилль учился быть лидером с самого рождения, хотя и получил возможность на деле продемонстрировать свои лидерские качества, только когда чуть не стало слишком поздно. Почему?

Я полагаю, что нам необходимо понять, как именно работает механизм лидерства, как он используется и почему так часто это делается неправильно. Нам нужно не только узнать, что делает кого-то хорошим лидером, но и научиться разгадывать те трюки, к которым прибегают лидеры, чтобы заручиться нашим доверием и поддержкой. Необходимо научиться распознавать будущих фюреров, поскольку в одном можно быть уверенными наверняка: в следующий раз они точно не явятся к нам в пресловутых высоких сапогах и с повязкой на рукаве.

ГИТЛЕР И ЧЕРЧИЛЛЬ К 1939

Вы знаете, что я могу казаться очень свирепым, но я свиреп только по отношению к одному человеку — Гитлеру.

Слова Черчилля, обращенные к его личному секретарю Джону Мартину

Все мы видели кадры кинохроники, на которых восторженные толпы приветствуют Гитлера во время его многочисленных поездок по Третьему рейху в 1930-х гг. Конечно, все это постановочные съемки, но обожание на лицах обычных немцев было как правило совершенно искренним. Как мог такой непривлекательный субъект — с его абсурдными усиками, скрипучим голосом и выпученными глазами — вызывать столь фанатичную преданность?

Почти не встречавшийся прежде, кроме как в религиозном контексте, феномен Адольфа Гитлера заставлял вполне здравомыслящих людей подавлять деятельность той части мозга, которая отвечает за рациональность мышления. Министр обороны Германии фельдмаршал Вернер фон Бломберг заявлял, что сердечное рукопожатие фюрера могло излечить его от насморка. Фельдмаршал Герман Геринг рассказывал: «Если Гитлер говорил вам, что вы женщина, вы покидали здание уверенным, что так и есть». Существует бесчисленное количество примеров того, как разумные люди — как мужчины, так и женщины — попадали под очарование Гитлера. Один из его старших офицеров, генерал Вальтер Варлимонт, вспоминал, что «едва ли кто-то из крупных командующих фронтом, вызванных в штаб для доклада, был способен не прийти в трепет в присутствии Гитлера»¹.

Черчилль, наоборот, казалось, никогда не имел подобной, почти мистической, власти над другими людьми. Если Гитлер обладал харизмой, то у Черчилля она отсутствовала. Почему же Гитлер вызывал больший трепет и восхищение, нежели Черчилль? И почему, несмотря на это, Черчилль в конце концов оказался более успешным лидером? Что сделало Гитлера и Черчилля лидерами, и какие особые навыки и приемы они использовали, чтобы заставить миллионы людей следовать за ними?

Попытки сравнить Гитлера и Черчилля предпринимались неоднократно. Как выразился один из историков семьи Черчилль Джон Пирсон:

Во многих отношениях, как неприятно это ни звучит, Черчилль и Гитлер были похожи. Оба были жестокими людьми, стремящимися к военному превосходству и свято уверенными в собственном особом предназначении. Оба были самоучками, яркими националистами и вели себя крайне агрессивно по отношению к оппозиции. К тому же оба были чрезвычайно эгоцентричны, являлись превосходными ораторами, подлинными актерами и завораживающими рассказчиками, без труда способными поводить теми, кто оказался во власти их чар. Оба ... [находили] вдохновение в занятиях живописью, мысленных монологах и ночных просмотрах любимых кинофильмов. Их сверхъестественное сходство проявилось даже в том, что они оба описали свой путь к власти в своих чрезвычайно автобиографических сочинениях, Черчилль в [романе] «Саврола», а Гитлер в «Mein Kampf» («Моя борьба»)².

К сожалению, все полезные наблюдения, которые могли содержаться в этом отрывке, сводились на нет,

когда автор переходил к утверждению, что Черчилль на пути к власти «вполне мог бы» действовать точно так же, как Гитлер, тогда как сама мысль о Черчилле, прокладывающем дорогу к своей «бабочке» в горошек через реки крови своих политических врагов, представляется абсурдной. Самые могущественные лидеры — и, конечно, не только Гитлер и Черчилль — это «эгоцентричные натуры», ведущие себя «крайне агрессивно по отношению к оппозиции», но там, где Черчилль разбивал своих противников в пух и прах в словесных дебатах и побеждал их, набирая большинство голосов в парламенте, Гитлер расстреливал оппонентов в «ночь длинных ножей», а от остальных избавлялся, отправляя их в Дахау и другие концлагеря. Черчилль никогда бы не подумал прибегать к подобным методам, даже если бы в его собственной стране возникла та напряженная обстановка, которая царил в Германии в 1920-х гг. Да, в 1940 г. он действительно отправлял британцев в лагеря согласно директиве 18В, но он всегда считал это, по его же собственным словам, «в высшей степени гнусным» и отдал приказ об освобождении, как только позволила обстановка. Он собирался использовать газ, когда — и если — немцы вторгнутся на территорию Британских островов, но не как средство геноцида в отношении гражданского населения.

Национализм Черчилля несомненно был более глубоким и явно выраженным, но он никогда не носил того параноидального и жуткого характера, какой был присущ национализму Гитлера. На самом деле отличительной особенностью Черчилля был не «спекулятивный монолог», а стремление к диалогу и остроумие; он бы быстро устал от покорной, бессловесной, преклоняющейся перед ним толпы, которая так нравилась фюреру. Черчилль был озабочен военной мощью только

во время войны; просто так случилось, что период его нахождения у власти совпал с двумя самыми ужасными войнами в истории человечества. В мирное время он сосредоточился на создании законодательства, запрещающего работу в шахтах мальчиков, не достигших четырнадцатилетнего возраста, ввел систему государственного страхования и дал всем трудящимся один выходной в неделю. Кроме того, занятие живописью служило Черчиллю для отдыха и удовольствия; Гитлер же писал дома, чтобы заработать на жизнь, и как только необходимость в этом отпала, тут же забросил это занятие.

Попытка сравнить «Мую борьбу» Гитлера с романом Черчилля «Саврола» была, возможно, самой абсурдной из идей Пирсона. Если первая книга представляет собой план поиска для нацистской Германии *Lebensraum* (жизненного пространства) на Востоке и трактат о превосходстве арийской расы над славянами, «Саврола» — это легкая романтическая мелодрама о любви между женой президента маленькой западноевропейской республики и лидером оппозиции, по имени которого и названо это произведение. Написанный в 1897 г. и опубликованный в 1900 г. роман «Саврола» содержит несколько ссылок на политику, в том числе некоторые неодарвинистские размышления о выживании наиболее хорошо приспособленных наций, отражавшие евгенистические идеи того времени, которые были близки Черчиллю, но он не имеет ничего общего с «Моей борьбой». Это определенно не автобиографическое повествование о восхождении Черчилля к вершинам власти, хотя бы потому, что Саврола поддерживает политику умиротворения диктатора Молары, покидает страну, когда начинается революция, и не добивается власти в Лаурании до самого эпилога, после чего все живут долго и счастливо.

В отличие от «Моей борьбы», «Саврола» не имел коммерческого успеха, а сам Черчилль признавался: «Я упорно уговаривал друзей воздержаться от чтения романа». Причину понять легко — абсурдный сюжет, плоские образы и устойчивые клише. Крысы бегут с тонущего корабля, народ покоряется завоевателю, злодеи попадают в собственную ловушку, героиня целует землю, по которой шагает герой, время приходит и «в любви и на войне все средства хороши». Книга также изобилует политически некорректными замечаниями, вполне обычными для того времени: у короля Эфиопии было «черное, но живое» лицо, женщина — это сплошное отречение и уступчивость, а о единственном в романе представителе рабочего класса мы «больше не будем читать, поскольку истории такие персонажи неинтересны». Главный герой, Саврола, — 32-летний философ, астролог-любитель и политический деятель, больше руководствующийся собственными амбициями, нежели заботой о благе народа.

Не могло быть двух людей, более непохожих друг на друга во всех личностных аспектах, нежели Гитлер и Черчилль. Последний был гедонистом, отличавшимся завидным аппетитом. Например, направляясь в 1943 г. на Квебекскую конференцию на борту «Queen Mary», Черчилль лакомился «устрицами, консоме, тюрбо, жареной индейкой, мороженым с дыней, сыром стилтон и разнообразными фруктами, *petit fours* и т.д., все это заливалось большим количеством шампанского (Mump 1929) и превосходного «Liebfraumilch», и наконец бренди 1870 г.».

Вопрос об отношении Черчилля к спиртному очень важен. Сам он обычно говорил, что алкоголь дает ему больше, чем отбирает, но в этом уверены все пьющие люди. Однако в данном случае бычья комплекция Черчилля, не подводившая его до 90 лет, делает это утверж-

дение правдивым. Хотя Гитлер верил в то, что Черчилль был безнадежным алкоголиком, факты свидетельствуют об ином. Черчилль безусловно шутил, когда отказывался от чашки чая якобы по медицинским показаниям, утверждая: «Врач не велел мне употреблять безалкогольные напитки между завтраком и ужином». На самом деле, как он писал в своей автобиографии «Мои ранние годы»: «Я рос и воспитывался в величайшем презрении к пьющим людям». Его друг, профессор Фредерик Линдемэнн, однажды подсчитал, что Черчилль за свою жизнь выпил столько шампанского, что его хватило бы наполнить половину железнодорожного вагона, но на это у него ушло больше полувека.³ «Профессор был мастер в том, что сегодня назвали бы политической некорректностью, однажды он спросил у одного чиновника: «Что за дурацкое предложение “покончить с голодом”?».

Обвинения в алкоголизме, выдвинутые бывшим историком Дэвидом Ирвингом в его многотомной биографии Черчилля, представляющей собой гимн ненависти, который был бы написан, если бы победа во Второй мировой войне досталась бы противной стороне, бессмысленное повторение нацистской пропаганды. К счастью, однако, мистер Ирвинг приводит в своей книге достаточно доказательств, позволяющих нам опровергнуть его утверждения. Так, утверждая, что в августе 1941 г. за один уик-энд в Чекерсе было выпито следующее количество алкогольных напитков (не красного вина) — две бутылки шампанского, одна бутылка портвейна, полбутылки бренди, одна бутылка белого вина, одна — шерри и две — виски, он также сообщает нам, сколько человек участвовало в их употреблении. Только на воскресном обеде присутствовали леди Горация Сеймур, лорд и леди Крэнборн, лорд и леди Бессбороу, Ротшильд с супругой, офицер ВВС и (известный своей трезвостью) канадский

премьер-министр Уильям Лайон Макензи Кинг. Если разделить все выпитое на число членов семьи и присутствующих гостей (в данном случае их как минимум 9) и учесть количество подаваемых блюд, цифра не покажется такой уж большой, особенно если принять во внимание обширную программу развлечений, принятую в то время в больших загородных поместьях⁴. Следовательно, по данным самого Ирвинга, Черчилля нельзя обвинить в алкоголизме, если только не предположить, что он один выпил весь запас алкоголя в Чекерсе. Как нам известно из свидетельств нескольких его личных секретарей, смешивавших для него напитки, Черчилль предпочитал пить бренди и виски, щедро разбавленные водой и содовой.

Автор Клайв Понтинг также жаловался, что Черчилль и Иден вместе пили дорогой коньяк 1865 г. в ноябре 1940 г., но тут можно задать справедливый вопрос: если они не заслужили роскошь пить выдержанное бренди, ведя битву за спасение цивилизации, то кто заслужил? Написанная мистером Понтингом биография Черчилля и его книга «1940: Миф и реальность», в которой упорно отвергается героизм Британии в ее звездный час, делают его похожим на лысеющих клерков из стихотворения Джона Бетджемена «Слау», которые «на небо не глядели».

Между тем Гитлера можно обвинить — и действительно признать виновным — в том, что он был некурящим и непьющим вегетарианцем. Он не был абсолютным трезвенником, поскольку, по его же собственным словам, он иногда «делал глоток воды или пива, чтобы промочить горло», как следовало из его свидетельских показаний на суде по так называемому Пивному путчу в 1924 г. Позднее баварская пивоварня «Holzkirchen» варила для него особое темное пиво с безнадежно низким

содержанием алкоголя всего в каких-то два процента. Во время Второй мировой войны Гитлер однажды заметил, что мало что можно сделать, чтобы за короткое время изменить пристрастия людей в еде и питье, но после войны он «решит проблему». После победы истинных арийцев ждала жутковатая перспектива жить в безалкогольном и безхолестериновом рейхе.

В частной жизни Гитлер был одним из тех лицемерных вегетарианцев, из-за которых эта система иногда удостаивается нелестных отзывов. В 1920-х гг., когда одна из его подруг, Мими Райтер, заказала венский шницель, он скривился и произнес: «Давай ешь, но я не понимаю, как можно это хотеть. Не думаю, что тебе нравится глотать труп... плоть мертвых животных. Мертвечину!» Бульон он называл «трупным чаем» и рассказывал смешную, по его мнению, историю об умершей бабушке, чьи родственники бросили тело в ручей, чтобы наловить таким образом раков себе на ужин. Гостю, который ел копченого угря, он однажды заявил, что угрей откармливают дохлыми кошками, а дамам, лакомившимся молочным поросенком, сказал: «Для меня это точно зажаренный младенец». Даже не говоря о грубости по отношению к гостям и больном воображении, абсолютная неуместность Адольфа Гитлера, читающего другим нотации об аморальной эстетике трупов и смерти, выглядит просто прелестно.

Рыбаки с острова Гельголанд однажды подарили Гитлеру лобстера, но он хотел запретить употреблять в пищу таких «безобразных и дорогих» животных и не желал, чтобы его видели поглощающим деликатесы. В первые месяцы после прихода к власти он подписал не менее трех законов, обеспечивающих защиту и надлежащее обращение с животными, а в январе 1936 г. его правительство издало указ, согласно которому «кра-

бов, лобстеров и других ракообразных следует убивать, быстро бросая их в кипящую воду. Когда есть возможность, это следует проделывать с каждым животным индивидуально», поскольку в результате многочисленных дебатов на самом высшем уровне было решено, что это самый гуманный способ лишать их жизни.

Гитлер также любил икру, пока не узнал, сколько денег на нее тратится, после чего перешел на молоку, поскольку образ поглощающего деликатесы лидера был несовместим с его собственным видением себя. Черчилль относился к людям такого сорта совершенно определенным образом, что видно из записки, написанной в июле 1940 г. лорду Вултону из Министерства продовольствия: «Почти все вкусовые извращения, которых я когда-либо знал, поедатели орехов и им подобные, умерли молодыми после длительного периода старческого угасания... Верный способ проиграть войну — это попытаться заставить британский народ сесть на диету из молока, овсянки, картошки и т.д., по праздникам запивая их глоточком лаймового сока».

Гитлер был почти начисто лишен какого бы то ни было, кроме самого черного, чувства юмора, и до последних часов своей жизни оставался холостяком, неспособным испытывать эмоциональную привязанность к другому человеческому существу. Черчилль, наоборот, был человеком семейным, сострадательным и по праву славящимся своим остроумием. Их художественные вкусы также были диаметрально противоположны. Гитлер был больше знаком с классической музыкой в целом и в частности находил вдохновение в сочинениях Рихарда Вагнера. Черчилль предпочитал военные марши, Гилберта и Салливана, комика из мюзик-холла Гарри Лодера и школьные песни, которые он пел в Харроу и нежно хранил в памяти всю жизнь. Диана Мосли, кузина со

стороны жены Черчилля Клементины вспоминает, как, будучи ребенком, видела его, распеваящим «Солдаты королевы» и другие баллады дней его юности и отбивающим такт своей красивой белой рукой»⁵. Когда Черчилль присутствовал на Квебекской конференции, он «заставил нескольких человек из своего окружения, в том числе утонченного [постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Александра] Кадогана хором исполнять старые эстрадные песенки»⁶. Черчилль своим примером подтверждал справедливость остроумного замечания о силе легкой музыки, сделанного Ноэлем Кауардом в пьесе «Частные жизни»; он не мог слушать сентиментальную песню «Keep Right in to the End of the Road», поскольку она заставляла его плакать.

Многое могло вызвать слезы на глазах у Черчилля. В то время как современные лидеры прикладывают колоссальные усилия, пытаясь продемонстрировать искренние эмоции, Черчилля — который в том, что касалось открытого проявления чувств, был человеком эпохи Регентства — они просто переполняли. Если бы в период «войны против терроризма» Джордж Буш-младший или Тони Блэр заплакали на публике, это вполне могло бы лишить мужества многих людей, но Черчилль был так естественен в своей скорби, что казалось, будто он провел в слезах большую часть Второй мировой войны. «Знаете, я страшный плакса, — сказал он как-то, уже после войны, своему личному секретарю Энтони Монтегю-Брауну. — Вам придется привыкнуть к этому». Вскоре он так и сделал, в частности, слезы катились по лицу премьер-министра, пока он читал список погибших в войне в лондонском клубе «Будлз» на Сент-Джеймс-стрит. Прежний личный секретарь Черчилля сэр Джон («Джок») Колвилл пояснял, что поскольку это «было частью его природы, он не боялся проявлять свои эмоции».

Черчилль плакал, узнав, что лондонцам во время бомбежек приходится стоять в очередях за птичьим кормом, чтобы накормить своих канареек; после произнесения своей речи «Кровь, пот и слезы»; на церемонии крещения внука, названного в его честь Уинстоном; во время радостного ликования, вызванного его объявлением в Палате общин о нападении на французский флот в Оране; в ходе поездки на Ближний Восток во время бомбежек Лондона в сентябре 1940 г.; в конце визита в Великобританию американского посланника Гарри Гопкинса; услышав о страданиях населения оккупированной Франции в июне 1941 г.⁷; во время просмотра фильма Александра Корды «Леди Гамильтон» на пути в бухту Плацентия; во время молебна на военном корабле «Prince of Wales»⁸; во время торжественного марша после сражения при Эль-Аламейне; после получения результатов всеобщих выборов в 1945 г.⁹; во время ответной речи Джона Фримена при открытии сессии парламента в августе 1945-го; на первой встрече солдат, потерявших зрение в сражении при Аламейне, которая проходила в Королевском Альберт-холле¹⁰; на похоронах сэра Стаффорда Криппса и по многим другим поводам. Герцог Виндзорский писал герцогине во время похорон короля Георга VI в 1952 г.: «Надеюсь снова увидеть Плаксу до отплытия», и пояснял: «Никто не плакал в моем присутствии. Только, как обычно, Уинстон». Для аристократа XIX в. не уметь скрывать свои чувства было как-то не по-английски, но зато в духе прежних времен и несомненно по-черчиллевски.

Энтони Монтегю-Браун преданно служил Черчиллю до самой смерти последнего в 1965 г., в ущерб своей карьере в Министерстве иностранных дел. Именно он регистрировал смерть в ратуше Кенсингтона, написав в графе «занятие покойного» «государственный деятель»

вместо «в отставке». Когда гроб еще стоял открытым, рыжий кот Джок, которого Черчилль обожал, вошел в спальню, вспрыгнул на грудь покойного, посмотрел в неподвижное лицо хозяина и ушел, чтобы никогда больше не заходить в эту комнату. Монтегю-Браун был единственным, кто кроме членов семьи шел за катафалком во время похорон, устроенных по высшему государственному разряду. Он вспоминал, как в конце длинного дня он возвращался с кладбища в Блейдоне, в Оксфордхилле, «захлестываемый волнами мучительной скорби, вызываемой мыслями о стремительном упадке Британии, которому [Черчилль] тщетно противостоял». Когда он вернулся в свою квартиру в Итон-плейс, то обнаружил, что его ограбили. Отличная метафора современной Британии.

Хотя трудно представить себе двух более непохожих людей, чем Гитлер и Черчилль, как лидеры они имели гораздо больше общего, чем можно подумать. Главной чертой, присущей им обоим, являлась почти сверхчеловеческая стойкость в достижении цели, которую они сохраняли на протяжении долгих лет трудностей и неудач. Ранние годы Гитлера сулили мало хорошего. Тюрьма Ландсберг в Баварии, куда Гитлер был помещен в 1923 г., была жутким местом, хотя с ним там обращались довольно мягко. Он просто попытался захватить власть, но вместо этого его Пивной путч бесславно провалился. На самом деле, до 40 лет Адольф Гитлер почти ни в чем не мог добиться успеха. В 1920-х гг. основанной им партией НСДАП (прозванной нацистской) мало чего удалось добиться. Например, на выборах 1928 г. она набрала всего лишь 2,6% голосов. В то время большинство людей считало Гитлера шуточным лидером шуточной партии, к счастью, лишенной какой-либо политической силы.

Черчилль прекрасно понимал, через что пришлось пройти Гитлеру в годы «пустынного одиночества» в Германии. В 1937 г. в книге «Великие современники» он привел свою статью, написанную в 1935 г., в которой говорилось, что история «борьбы [Гитлера] не может быть прочитана без восхищения смелостью, упорством и жизненной силой, которые позволили ему бросить вызов, сопротивляться, склонить на свою сторону или подавить власти или несогласных, стоявших у него на пути» в деле, которое Черчилль назвал «долгим, изматывающим сражением за сердце Германии». С похвальной демонстративностью Черчилль даже сохранил эти — и другие — хвалебные слова о Гитлере в переиздании 1941 г.

В отличие от Гитлера — в жизни которого имелись все мыслимые преграды, столь необходимые для достижения успеха — Черчилль обладал привилегиями, которые столь часто являются предвестниками будущей посредственности. Он родился в Бленхеймском дворце, на вершине политического Олимпа; его отец, лорд Рэндольф Черчилль, стал канцлером казначейства, когда Уинстон посещал приготовительную школу. Благодаря положению он имел куда более легкий старт в жизни, нежели Гитлер, отцом которого был простой таможенный служащий. Внук герцога, чьим предполагаемым наследником он являлся до десяти лет, Черчилль начал многообещающую карьеру с поста министра внутренних дел, а когда разразилась катастрофа Первой мировой войны, был назначен первым лордом адмиралтейства. Когда в результате военных просчетов и несчастного стечения обстоятельств его детище, кампания при Галлиполи, обернулась провалом, дорого стоившим Англии, он с позором вынужден был покинуть кабинет министров. Его жена Клементина всегда вспоминала это время как

самый мрачный момент в жизни своего мужа, когда он даже, по общему мнению, подумывал о самоубийстве, правда недолго.

Однако он отказался сдаваться. Политика так глубоко проникла в его кровь, что он говорил о ней с Ллойдом Джорджем в ризнице во время своего бракосочетания, в ожидании момента, когда нужно будет расписаться в церковной книге, и вовсе не собирался покидать этот мир. К 1924 г. Черчилль уже сам был канцлером казначейства и, пробыв на этом высоком посту пять лет, снова сделал выбор в пользу политической изоляции, когда вышел из «теневого кабинета», чтобы предпринять долгую, мучительную и в конце концов потерпевшую фиаско кампанию против независимости Индии. Его призывы к интервенции в Россию, в которой тогда бушевала Гражданская война, и чрезмерное раздражение во время Всеобщей стачки не добавили ему популярности; наоборот, это наряду с его эксцентричной и кажущейся своекорыстной поддержкой, которую он оказывал королю Эдуарду VIII во время его вынужденного отречения от престола, сделало его в глазах большинства британцев похожим на безнадежно реакционного империалистического милитариста и политика, не принадлежащего ни к одной из партий. Лишь один голос спас его от возможности неперезабвения. Складывалось ощущение, что после того как он на протяжении долгого времени столько раз предостерегал о надвигающейся катастрофе, к тому времени, как он собирался известить об угрожающей численности люфтваффе, Черчилля уже никто не воспринимал всерьез. Сам он писал об этом феномене в «Савроле», когда описывал направленные против режима Молары публикации в прессе и то, как «худший результат использования сильных выражений без необходимости — это когда нечто особенное действительно

происходит, а способов привлечь к этому внимание нет... Они так часто и так красочно сравнивали главу государства с Нероном и Искаротом, во многом в пользу последних, что трудно представить, какими же эпитетами они наградят его теперь»¹¹.

В 1930-х гг., если не считать нескольких месяцев, казалось, что с Черчиллем покончено. Писатель Кристофер Сайкс назвал его «опасным пережитком прошлого», и даже его друг, канадский газетный магнат барон Макс Бивербрук отозвался о его усилиях, как о «напрасных». В 1931 г. вышла в свет книга под названием «Трагедия Уинстона Черчилля». На протяжении десятка лет он вынужден был большую часть времени проводить в своем доме в Чартуэлле, в графстве Кент, занимаясь живописью, строительством и написанием биографии своего великого предка Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. Когда в 1937 г. член парламента от партии тори леди Астор посетила Иосифа Сталина, советский лидер спросил ее о политических перспективах своего давнего недруга. «О, с ним покончено», — был ее ответ, который подхватило большинство политических комментаторов того времени.

Однако, как и Гитлер, Черчилль твердо придерживался своих убеждений, главным из которых было то, что он избран Провидением спасти свою страну. Несмотря на всеобщую враждебность и насмешки, он продолжал предупреждать о нацистской угрозе. Черчилль рано забил тревогу; в марте 1933 г. он указывал на «разгул свирепости и военные настроения», бушевавшие в нацистской Германии. Когда Гитлер занимал должность канцлера всего два месяца, он обращал внимание на «жестокое обращение с меньшинствами» в Германии и на то, как она «отказывается от своих свобод ради наращивания мощи». В частности, он подчеркивал стре-

мительное увеличение численности и боеспособности люфтваффе и слабость по сравнению с ними тогдашних британских ВВС. Когда же Черчилль нарисовал картину «бессчетных пожаров», которые могут вспыхнуть в результате сбрасывания на Лондон зажигательных бомб, британский премьер-министр Стенли Болдуин обвинил его в паникерстве.

Отчасти проблема заключалась в том, что Черчилль не подходил для подчиненных должностей. Его беспокойство и неудовлетворенность, порождаемые непригодностью для других ролей, заставили почти всех усомниться в его лидерских способностях, но кое-кто из его коллег распознали их довольно рано. Министр иностранных дел времен начала Первой мировой войны сэр Эдвард Грей как-то заметил, что: «Уинстон по складу ума очень скоро не сможет быть в кабинете никем иным кроме премьер-министра». Решительность Черчилля являлась важным качеством, необходимым для того, чтобы стать национальным лидером, но он не подходил ни для одной из должностей, кроме как главы правительства. Когда он в тот или иной период своей карьеры занимал подчиненные должности, его энергичность, напористость и энциклопедический ум отталкивали от него сослуживцев и начальство. Многие из его коллег, в 1940 г. наблюдая за его переездом в резиденцию премьер-министра, были напуганы и встревожены. Один из членов кабинета военного времени сэр Иэн Джейкоб годы спустя писал о том, что: «им не хватало опыта и воображения понять разницу между энергичной человеческой динамо-машиной, гудящей где-то на периферии и ею же движущейся к центру».

Хотя в 1930-х гг. Черчилль мечтал занять этот высокий пост, впоследствии он испытывал огромное облегчение, что тот не был ему предложен, поскольку теперь

никто не мог упрекнуть его в причастности к политике попустительства, которую проводило национальное правительство. «Надо мной словно бились невидимые крылья», — писал он позднее. На протяжении всей жизни Черчилль верил, что был особо избран судьбой для великих свершений, и это было основной причиной его напористости. Однажды, во время Первой мировой войны, когда всего через несколько секунд после того, как он покинул землянку, в нее угодила осколочно-фугасная граната, он сказал, что у него было «явное ощущение, будто чья-то рука в нужный момент вывела меня из опасного места». Черчилль верил, и эта вера не имела ничего общего с христианской традицией, что некое провидение хранит его для будущих свершений, хотя в «Савроле» он выступил с порицанием этой идеи, когда его герой говорит героине: «Я всегда поражался наглости человека, думающего, что Верховная сила должна объявить на небесах о подробностях его скверного будущего и что сведения о его женитьбе, о его несчастьях и преступлениях должны быть записаны золотыми буквами на фоне бесконечного пространства. Мы всего лишь крошечные существа... Я понимаю свою незначительность, но я философски настроенное насекомое. И это доставляет мне какое-то удовольствие». Как выразился как-то Черчилль: «Все мы — букашки. Но я, как мне кажется, светлячок».

После того как в 1931 г. его сбил на Пятой авеню американец итальянского происхождения, он сказал: «Был момент... мир, полный ослепительного света, объятый ужасом человек... Не понимаю, почему я не разбился как яйцо или не был раздавлен как крыжовник». В то время он еще не понимал, но подозревал, что судьбой ему предназначено спасти свою страну. Поэтому он при каждой возможности продолжал предупреждать об

угрозе нацистской агрессии. В 1944 г. в ответ на высказывание Вилли Галахера, единственного представителя коммунистов в Палате общин, он сказал: «Я 11 лет был отшельником в этой палате и терпеливо шел своей дорогой, и потому должна быть надежда на уважаемого члена».

В одной из не менее чем семисот статей, которые он написал, освещая в них самые разные темы, от замороженной воды и кукурузных початков до Муссолини и создания люфтваффе, для самых разных изданий, таких, как журнал «Cosmopolitan» и «Pall Mall Gazette», Черчилль поместил очерк о Моисее, не оставлявший у читателей сомнений по поводу того, кто, по его мнению, поведет свой народ в Землю обетованную. «Каждый пророк выходит из цивилизации, но каждый пророк уходит в пустыню, — писал он. — Он проникается множеством впечатлений и погружается на время в изоляцию и медитацию. Так создается психический динамит». В 1932 г. подобные размышления о самом себе многим должны были казаться немного раздражающими и нелепыми, но восемь лет спустя, когда заряд — духовный и физический — уже был взорван, дело обстояло совсем иначе. Если в то время для него и существовал образец политического деятеля, то им был Клемансо, о котором он написал в своем (несомненно наполовину автобиографическом) сборнике «Мои великие современники»: «Он терпит поражение на выборах в департаменте Вар и покидает его под насмешки и оскорбления толпы. Редко, когда общественный деятель в мирное время подвергался более беспощадной травле и преследованиям. В самом деле, тяжелые времена, и злобный триумф некогда растоптанных врагов». Но через несколько лет, в 1917 г.: «Это произошло в тот момент... когда свирепый старик был призван французской диктатурой. Он вернулся к

власти так же, как Марий Гай вернулся в Рим; у многих вызывающий сомнения, всем внушающий страх, но посланный судьбой и неотвратимый как она сама». Находясь у власти, Черчилль писал о Клемансо (размышляя, однако, о самом себе): «Он был похож на дикого зверя, вышагивающего туда-сюда за прутьями решетки, рыча и бросая свирепые взгляды; собравшаяся вокруг него толпа, которая бы сделала все что угодно, чтобы он там не оказался, но вынужденная поместить его туда, чувствовала, что должна подчиниться». Едва ли можно было придумать лучшее описание британской консервативной партии в мае 1940 г.

Хотя дочь Черчилля, Мэри Сомс, совершенно верно писала, что ее отец «подспудно верил в божественное провидение», она также отмечала, что «он не был религиозным человеком в традиционном смысле — и уж конечно не являлся ревностным прихожанином»¹². Первостепенной обязанностью всемогущей Божественной сущности, в которую верил Черчилль, но которой он редко выказывал свое почтение, по-видимому, было заботиться о физическом здоровье Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля. Однажды, когда один из священнослужителей чересчур великодушно отозвался о нем, как о «столпе церкви», Черчилль ответил: «Что ж, не думаю, что обо мне можно так сказать. Но мне нравится думать о себе, как о подпорной арке». Он любил гимны, внешне вел себя как англиканец, как делало большинство консерваторов того времени, одобрял тогдашнюю роль церкви как оплота социальной стабильности и приветствовал ее вклад в развитие государства. Кроме того, в политической борьбе с большевиками он использовал против них их же атеизм, и хотя, как утверждал его друг сэр Дэсмонд Мортон, он «не верил в то, что Христос был Богом... он признавал, что тот был лучшим из людей,

когда-либо живших на этом свете». Особенно его восхищала смелость, с которой Христос встретил смерть, эта составляющая человеческого характера всегда много значила для Черчилля.

Отчасти он был серьезен, когда писал матери из Индии в 1897 г.: «Я так самодоволен, я не верю, что боги стали бы создавать столь могучее существо, как я, ради такого скучного конца», как смерть в перестрелке на Северо-Западной границе. Когда думаешь, как часто за свою долгую жизнь Черчилль был на волосок от смерти, трудно становится сомневаться в том, что вполне мог наступить момент (правда, несколько нечестивый), когда ему казалось, что над ним бьются «невидимые крылья». К чему страховка человеку, прожившему такую жизнь, как у него, и в конце концов умершему в возрасте 90 лет? Посмотрим, что могло случиться. Он родился на два месяца раньше срока, после того как его мать упала на охоте в поместье Бленхейм и была доставлена во дворец на «бешено скачущем пони». Ни лондонский акушер, ни его оксфордский ассистент не смогли добраться туда вовремя, чтобы успеть на роды. В одиннадцать лет Черчилль, который тогда учился в приготовительной школе в Брайтоне, чуть не умер от пневмонии, болезни, возвращавшейся к нему во время и после Второй мировой войны. Его сын Рэндольф писал, что тогда, в 1886 г., Черчилль был «ближе к смерти, чем когда-либо за всю свою долгую и полную опасностей жизнь». Следующая встреча со смертью была в большей степени спровоцирована им самим, когда в возрасте 18 лет он спрыгнул с моста, играя в догонялки с братом и кузеном в поместье своей тети леди Уимборн недалеко от Борнмута. Он упал с 8-метровой высоты на твердую землю и 3 дня пробыл без сознания, порвав почку. «Целый год я был сторонним наблюдателем про-

исходящего», — вспоминал он. После чего чуть не утонул в Женевском озере.

Истории о его подвигах на Кубе, где он в качестве корреспондента освещал действия испанской армии, на северо-западной границе в Индии в составе Малакландской действующей армии, в ходе атаки 21-го уланского полка в сражении при Омдурмане, а также во время побега из лагеря для военнопленных в Претории в англо-бурскую войну должным образом документированы; на самом деле, девиз 17/21 уланского полка «Слава или смерть» точно отражает то, как видел Черчилль возможность проявить себя в период между 1895 и 1900 гг. Хотя это кажущееся пренебрежение к смерти он демонстрировал и когда ему было уже за двадцать. Он даже побывал в авиакатастрофе.

После вынужденной отставки с поста канцлера герцогства Ланкастерского в результате провала Галлиполийской кампании в Первую мировую войну Черчилль принял командование 6-м батальоном Королевского шотландского фузилерного полка во Франции. Осуществлять руководство, находясь вдали от активных боевых действий, как делали многие офицеры союзных войск, было не для него. Иногда, когда он инспектировал окопы или укрытия, немецкие фугасные снаряды попадали именно в то место, где он только был или куда вот-вот должен был приехать.

Хотя в отношении Черчилля никогда не совершались попытки покушения — удивительное упущение в такой богатой на события жизни, — он, конечно, часто играл со смертью во время бомбежек Лондона, поднимаясь на крышу Адмиралтейства, чтобы понаблюдать на воздушным боем, несмотря на постоянную опасность погибнуть от пули, фугасной бомбы, осколков или при падении сбитого самолета. Он был наверху и в сентябре

1940 г., в том же месяце, когда бомба угодила прямым в внутренний двор Букингемского дворца, расположенного всего лишь на другом конце улицы Мэлл. Черчилль, увлекавшийся охотой и бравший летные уроки, вел жизнь, которая раз двадцать могла оборваться до того, как была одержана победа во Второй мировой войне. Вера в собственную путеводную звезду, в то, что он называл «хранителем» или «руководящей дланью», была необходима лидеру, который хотел вести ту деятельную жизнь, какую избрал для себя Черчилль.

Историк Пол Эдисон охарактеризовал религиозность Черчилля как «смесь честолюбия, исторических мифов и остатков религиозного убеждения». Если именно она помогла ему сохранить веру в себя в месяцы сомнений и отчаяния после катастрофы в Дарданеллах, кто посмеет поставить это ему в вину? Как бы там ни было, но в вопросе о религиозности Черчилля остается много неясного. На одном из заседаний «теневых кабинетов» в июне 1950 г. он упомянул о том, что «Сам» придет к нему на помощь, и пояснил позднее, что имел в виду Бога, однако тремя годами позже, перенеся удар, он говорил врачам, что не верит в бессмертие души и что смерть — это «чернота — вечный сон». То, что полвека назад он описал в «Савроле», в сцене, когда президент Лаурании оказался перед со смертью и «дальше не оставалось ничего», полное уничтожение, бесконечная черная ночь»¹³.

Существует, однако, также предположение, что в нескольких своих письмах Черчилль ведет речь о Небесах, в частности, в трогательном послании к Клементине, которое должно было быть отослано ей в случае, если он погибнет в окопах, где он писал: «Не печалься обо мне слишком сильно. Смерть — это всего лишь случай, и не самый важный из тех, что происходят с нами в

этой жизни... Если существует иной мир, я буду искать тебя». В своей книге 1932 г. «Размышления и приключения» он также писал: «Когда я попаду на Небеса, я собираюсь потратить значительную часть моего первого миллиона лет на живопись и добраться-таки до сути».

Поскольку Черчилль, по его же собственным словам, «не отличался религиозностью» — и утратил те зачатки англиканской веры, которые могли сформироваться у него к 23 годам, он выработал для себя простую, почти языческую веру в Судьбу и Жребий, напоминавшую ту, которой придерживался Наполеон. Но не Гитлер. Поскольку Гитлер все больше воспринимал себя как Высшее существо, способное контролировать Провидение, что было абсолютно чуждо мировоззрению (правда, тоже крайне эгоцентричному) Черчилля. Пожалуй, Гитлер даже еще более твердо верил в судьбу и был уверен в своей способности самому управлять ею. Он полагал, что именно по воле Судьбы ему выпало родиться в Браунау-на-Инне, недалеко от границы с Германией, и был уверен, что отправить его в Вену, чтобы он разделил там страдания народных масс, было ни много, ни мало Божьим промыслом; и, конечно, его — так же как и Черчилля — хранила невидимая рука, позволившая ему уцелеть в окопах в годы Первой мировой войны, когда погибло столько его товарищей.

Все это, убеждал Гитлер, должно было делаться ради какой-то цели, конечно же, великой. К лету 1937 г. он возомнил себя абсолютно непогрешимым, заявляя: «Когда я оглядываюсь на пять прошедших лет, то могу сказать, что все это дело не только рук человеческих». Представьте, каким несокрушимым эгоизмом нужно было обладать, чтобы заявить немецкому народу: «Это чудо наших дней, что вы нашли меня среди стольких миллионов. А то, что я нашел вас, — это счастье Герма-

нии». В этом его поощряла Нацистская партия: к примеру, сравнения Адольфа Гитлера с Иисусом, по мнению группенфюрера Шульца из Померании, были уничтожительны для фюрера, поскольку у Христа было всего 12 учеников, а у Гитлера 70 миллионов¹⁴.

Гитлер также апеллировал к *Schicksal* (Судьбе) и *Vorsehung* (Провидению), когда просто хотел избежать принятия решения. На самом деле принимать решения он мог, только когда его вынуждали к этому обстоятельства или противники; в противном случае, как утверждал историк Карл Дитрих Брахер, его вера в Судьбу являлась частью оправдания его инстинктивного нежелания предпринимать какие-либо действия. «Даже если вся партия попытается заставить меня действовать, я не буду; я буду ждать, что бы ни случилось. Но если зазвучит голос, я буду знать что пришло время действовать». Вера в голоса, звучащие в голове, является одним из симптомов шизофрении. Если восприятие Гитлера как национального Мессии стало новой верой для нацистской Германии, тогда он сам был самым горячим ее апологетом.

Подход «все или ничего», который Гитлер и Черчилль демонстрировали в свои «годы пустынного одиночества», являлся результатом отсутствия собственных средств, по крайней мере, до того момента, пока успех написанных ими книг — «Моя борьба» Гитлера и «Вторая мировая война» Черчилля — не принес им финансовой стабильности. Хотя в свои «дикие годы» Черчилль никогда не был так же беден, как Гитлер, он многие годы балансировал на грани банкротства. Люди думали, что, поскольку Черчилль был внуком герцога и появился на свет во дворце, он тоже был богат, но на самом деле все обстояло иначе. На протяжении всей жизни и, несомненно, до публикации в 1948 г. военных мемуаров Черчилль испытывал недостаток в средствах. Расходы

на роскошную жизнь съедали почти все, что он зарабатывал журналистикой и на министерском посту. Его финансовое положение летом и осенью 1918 г., когда Клементина была беременна четвертым ребенком, было таким шатким, что она, по некоторым свидетельствам, даже предлагала отдать младенца, когда тот родится, на усыновление супруге генерала Яна Гамильтона.

В мае 1915 г., когда фиаско Галлипольской кампании вынудило Черчилля уйти в отставку, он лишился министерской зарплаты в пять тысяч фунтов в год, и до тех пор, пока Ллойд Джордж не назначил его в июле 1917 г. министром военного снабжения, ему приходилось выживать на жалованья армейского офицера и рядового члена парламента, которые в те дни были очень скромными. Клементина не являлась наследницей и мало что могла добавить к семейному бюджету. В 1918 г. они были так стеснены в средствах, что, когда истек срок аренды на их лондонский дом на Экклестон-сквер, им пришлось переехать в дом тетушки Черчилля на Тентерден-стрит в конце Оксфорд-стрит. В конце того же года ситуация стала еще хуже, когда из Министерства сельского хозяйства пришло письмо, в котором Черчилля упрекали в том, что земли вокруг его поместья Лалленден в Суссексе не обрабатываются в полном объеме в то время, когда производство продуктов питания являлось гражданским долгом каждого британского землевладельца. Чиновник Морис Хэнки вспоминал, как в 1917 г. «прогуливался по прекрасному, но запущенному поместью» Черчилля во время вечернего чая. В своем ответе министерству Черчилль вынужден был признать, что не имеет финансовой возможности приобрести сельскохозяйственные машины, необходимые для обработки земли.

Хотя впоследствии занятие журналистикой обеспечивало ему значительный доход, в Первую мировую

войну он писал сравнительно мало, и прошло несколько лет, прежде чем рассказ о ней, изложенный в книге «Мировой кризис», начал приносить какую-то прибыль. Серьезно подмочив репутацию в результате провала Галлипольской кампании, он также лишился возможности обращаться за помощью к богатым друзьям, которые время от времени поддерживали его в «годы пустынного одиночества» в период 1931–1939 гг. и однажды подарили ему на день рождения «Даймлер». Несмотря на всю свою гениальность в других вопросах, Черчилль был никудышным финансовым спекулянтom, в один день потевявшим во время биржевого краха 1929 г. сумму, равную в эквиваленте 2002 г. четверти миллиона фунтов.

Таким образом, Гитлеру и Черчиллю в равной мере были знакомы трудные времена, хотя здесь вряд ли уместны сравнения, поскольку у Гитлера не было друзей, способных подарить ему «Даймлер». Однако им обоим было присуще упорство и непоколебимая вера в свое предназначение, что бы кто о них ни говорил, и это в значительной степени обеспечило им поддержку сторонников, как только политическая ситуация изменилась. Сегодня мы считаем Гитлера и Черчилля сильными лидерами, но часто забываем о том, насколько людям в то время казался невероятным их приход к власти. Их обоих преследовали неудачи — Гитлера в 1920-х гг., а Черчилля в 1930-х. Так как же им за столь короткое время удалось встать во главе своих государств?

Создание национального мифа

Гитлер потратил время, проведенное в тюрьме Ландсберг, на написание книги, вернее, он диктовал ее своим последователям Рудольфу Гессу и Эмилю Морису, которые также отбывали тюремный срок за участие в

Пивном путче. Читая книгу, складывается впечатление, что она надиктована человеком, меряющим шагами тесное пространство камеры и выплескивающим свое отчаяние в бессвязных злобных выкриках. «Моя борьба» ужасна во всех отношениях: искаженная, путаная смесь маниакального гипернационализма, извращенного дарвинизма и отвратительного антисемитизма. Вслед за Карлом Марксом, который свел всю историю человечества к проблеме классовой борьбы, Гитлер ограничился расовой борьбой, а все мировые беды свалил на еврейско-большевистский заговор. Порабощение якобы неполноценных народов, таких, как славяне, предлагается в качестве средства для спасения Германии. При этом «Моя борьба» также содержит секрет ошеломляющего вознесения Гитлера на пост фюрера Германии.

Создание всеобъемлющей национальной легенды служит центральным элементом в создании современного политического движения. Для Гитлера таковой являлся *die Dolchstoßlegende* (тезис об «ударе ножом в спину»). Согласно этому утверждению, поражение Германии в Первой мировой войне, капитуляция в ноябре 1918 г. явилось не результатом невосполнимых потерь на полях сражений и тем более плохого руководства военачальников, например Гинденбурга или Людендорфа, или даже некомпетентности кайзера, а зловещего заговора социалистов и евреев, исподтишка нанесших честному, храброму немецкому *Volk* (народу) удар в спину. Подобную теорию, не имеющую под собой, по общему мнению историков, никакой исторической доказательной базы, нацисты вдалбливали немцам при каждом удобном случае.

Иногда Гитлер обращался к немецкой истории времен Арминия, вождя германского племени, бросившего вызов Римской империи, императора Барбароссы и Фри-

дриха Великого, создавая мифическое героическое прошлое всей Германии, которое он затем эффектно сравнивал с тем унижительным положением, в котором она оказалась по Версальскому договору и которое, как он утверждал, являлось результатом того самого «удара ножом в спину». На самом же деле поражение в войне объяснялось ударом, нанесенным германской армии английской, французской, американской и канадской армиями, а не пресловутым предательством евреев.

Даже те, кто не разделял нацистскую идеологию, поверили в теорию о *Dolchstoßlegende*, учитывая, что она явилась подлинным психологическим бальзамом, пролившимся на раны гордой нации, страдавшей от поражения. В биографии, опубликованной в 2002 г., сообщается, что в 1920-х гг. отец князя Плесского, одного из представителей высшей немецкой аристократии, как-то рассказал ему о том, что накануне вечером он ужинал на Парижской площади в Берлине с богатой светской львицей фрау фон Фридлянд, еврейкой по происхождению, которая якобы поведала ему следующее:

Вы, возможно, не понимаете, что были близки к победе в войне благодаря нашей поддержке по всему миру, и в том, что потом все обернулось для вас очень плохо, тоже виноваты мы, евреи. Если помните, в 1917 г. Бальфур опубликовал свою знаменитую «Декларацию», в которой содержалось обещание создать «в Палестине национальный дом для еврейского народа». До того момента мы были на вашей стороне, поскольку кайзер ранее также говорил о создании сионистского государства, но после декларации Бальфура было решено, что мы должны бросить все наши силы на поддержку союзников.

Мы так и сделали, и все усилия нашей международной организации были задействованы в этом направлении. Вы, конечно, не осознаете, какую ошибку совершили здесь в Германии и Австрии, позволив евреям получать заказы от армии, поскольку это дало нам возможность собирать информацию на всех уровнях, вплоть до генерального штаба, и получать представление о том, как работает ваша военная машина, что при других условиях было бы невозможно. Эту информацию мы передавали союзникам. Таким образом они заблаговременно узнавали обо всех ваших планах и о том, где и когда планируется предпринять следующие военные действия.

Князь Плесский вспоминал, что «мой отец очень расстроился. Он никак не мог поверить в то, что его еврейские знакомые, которых он много лет знал до войны и которые казались верными подданными Германии и преданными друзьями и сторонниками кайзера, на самом деле все это время готовились нанести ему удар, в случае если поступит такой приказ от их политических лидеров»¹⁵. Если просвещенные аристократы могли поверить такой нелепой лжи и теориям о тайном заговоре, то насколько легче было убедить в этом менее образованные народные массы?

Какими бы омерзительными ни казались нам убеждения Гитлера, в «Моей борьбе» он ясно высказывает свою идею о Германском рейхе (империи), который однажды подчинит себе всю Европу. Для людей, считавших себя жертвой злонамеренных действий — сколь абсурдными ни были бы теории, лежавшие в основе этой уверенности, — тому приводились неопровержимые доказательства. В своей книге Гитлер писал:

Если наш немецкий народ ныне столь невозможным образом сжат на крошечной территории и вынужден поэтому, идти навстречу столь тяжелому будущему, то из этого вовсе не вытекает, что мы должны примириться с судьбой... Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же, чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь.¹⁶

В то время мало кто воспринимал подобные заявления всерьез. Однако Гитлер обладал столь несокрушимой верой в себя, что его ничто не могло остановить. Он был глубоко убежден в собственном особом предназначении. «9 ноября 1918 г. не пройдет евреям даром, — сказал он министру иностранных дел Чехословакии Франтишеку Хвалковскому в январе 1939 г. — День расплаты настанет». Эту извращенную, параноидальную теорию заговора большинство современных психиатров диагностировало бы как первичные симптомы психопатии. Однако мало кто узнал бы о том, что он психопат, если бы не кризис капитализма, известный как «крах на Уолл-стрит».

Резкие перемены в судьбе Гитлера наступили, когда в октябре 1929 г. в Нью-Йорке рухнула американская фондовая биржа. Вскоре за этим на Европу обрушилась Великая депрессия, принеся с собой безработицу для миллионов трудящихся и вызвав всеобщее недовольство масс. В мае 1928 г. нацисты получили всего 2,6% голосов и только с десятков мест в парламенте, но к сентябрю 1930 г. — когда число безработных в Германии достигло

пяти миллионов человек — у них было уже 18,3% голосов избирателей и более сотни мест в Рейхстаге. Через месяц после Лозаннской конференции, состоявшейся в июне 1932 г., на которой Германия согласилась с окончательной суммой репараций по Версальскому договору, нацисты выиграли 37,4% голосов. На этих выборах антидемократические партии получили большинство голосов избирателей; впервые в истории крупное современное государство намеренно голосовало против демократии. Теперь, когда кризис привел к расколу Германии, Гитлер внезапно приобрел то, в чем нуждается каждый успешный лидер: сторонников.

Черчилль также имел крепкую, непоколебимую веру в могущественную Британскую империю, основанную на ценностях цивилизованного мира. В 1930-х гг. в своем кабинете в поместье Чартвелл, графство Кент, он написал много речей, предупреждая об опасности, которую нацисты представляли для Британии и всего мира. Вот выдержка из речи, которую он написал для выступления в «Сити-Карлтон Клубе» в сентябре 1935 г., когда итальянская угроза Абиссинии (современной Эфиопии) стала еще более зловещей, а в Германии были приняты Нюрнбергские законы, по которым евреи лишались гражданства, а на государственном флаге появилось изображение свастики:

Перевооружение Германии осуществляется огромными темпами и в гигантских масштабах. Вся сила и мощь фашизма направлена на военные приготовления на земле, море и в воздухе. В этом году Германия, при диктаторском режиме герра Гитлера, потратила на армию, флот и воздушные силы, по крайней мере, в шесть раз больше, чем мы. Большая часть немецких финансов пущена на военный

бюджет. Я восхищаюсь великим немецким народом, но перевооружение Германии, организованное и осуществляемое в том виде, как оно есть сейчас, должно казаться любому, кто обладает чувством меры, самым чрезвычайным и тревожным фактом на сегодняшний день¹⁷.

Осознавая, что экспансионистская внешняя политика Гитлера должна в конце концов привести к войне, Черчилль снова и снова призывал Британию приступить к масштабной программе перевооружения. Его мало кто слушал. Какими только эпитетами его не награждали — «бретёр и милитарист», «дикий слон» или — в газете «Daily Express» за октябрь 1938 г. — «человеком, которому не дают покоя лавры [1-го герцога] Мальборо»¹⁸. В том же месяце правительство Чемберлена приняло решение не вступать в войну с Германией из-за планов Гитлера по разделу Чехословакии, что вызвало у большинства британцев бурный восторг. Совершенно очевидно, что на тот момент голос Черчилля выбивался из общего хора.

Только 15 марта 1939 г., после того как нацисты вошли на территорию оставшихся в составе Чехословакии земель и оккупировали их, до британского народа стало постепенно доходить, что Черчилль, возможно, был прав в отношении истинных намерений Гитлера. Люди осознали, как, используя нерешительность Англии и Франции, Германия постепенно заняла господствующее положение в Европе. Наконец, после примерно пяти лет предупреждений, все больше и больше людей начинало разделять убежденность Черчилля в необходимости создания могущественного союза, готового защищать общую свободу.

Таким образом, Гитлер и Черчилль приобрели сторонников благодаря идее о мироустройстве, которой они

оставались верны, несмотря ни на что. Наличие подобной идеи — залог успеха настоящего лидера, особенно если он не отказывается от него в трудных ситуациях, как это делали Гитлер и Черчилль.

Лидеры дают людям общую цель, к которой они от всего сердца могут присоединиться. Управленцы не обладают такого рода направляющим образом. Как выразился Рональд Рейган: «Умение ухватить и удержать идею очень важно для успешного лидерства — не только на съемочной площадке, где я этому учился, но и во всех областях».

Конечно, образ миропорядка, созданный Гитлером, был невероятно зловещим, но в то время люди в Германии не воспринимали его таким. В то время как для нас его идеи кажутся отвратительными, многие немцы верили в то, что он действительно предлагает им сверкающий образ лучшего будущего. В основном он, конечно, определялся тем, против чего он [Гитлер] выступал, нежели чем он отстаивал. А он выступал против социализма, большевизма, Версальского договора, либерализма, евреев, крупного бизнеса, демократии и старомодного аристократического консерватизма эпохи Вильгельма. В политике сформулировать свои «против» гораздо легче (и зачастую гораздо эффективней), чем «за», и Гитлер вывел эту истину на новый уровень.

Ораторское искусство

«Испокон веков лишь волшебная сила устного слова была тем фактором, который приводил в движение великие исторические лавины как религиозного, так и политического характера», — писал Гитлер. Для него слова являлись «ударами молота», которые «раскрывают ворота к сердцам народа». Он восхищался страстным красноречи-

ем британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа, заявляя: «Речи этого англичанина [так в оригинале] были превосходны, были образцовы и говорили о совершенно изумительном понимании души широких масс народа». Когда дело дошло до пропаганды, нацисты первыми внедрились массу новых идей и подходов. Например, они придумали то, что сегодня называется «фотосессией», и выступления Гитлера на митингах безусловно являли собой впечатляющие спектакли, в которых принимали участие тысячи человек, марширующих идеальным строем. Однако, несмотря на всю необычайную зрелищность этих сборищ, их ключевым моментом были речи Гитлера, и он понимал, что должен быть на высоте.

В конце он, так же как и Черчилль, сам писал свои речи, больше никому не доверяя это дело. Ни один из них не прибегал к услугам спичрайтеров, которых так любят сегодняшние политики.

В своих публичных выступлениях Гитлер использовал старый артистический трюк, заставляя публику ждать, отчего при его появлении и даже когда он уже стоял на трибуне она приходила в состояние неистового восторга. Прежде чем заговорить, он секунд 30 внимательным взглядом оглядывал собравшихся, держась за свой армейский ремень, на пряжке которого был выбит девиз: «Gott Mit Uns» (С нами Бог). В начале выступления он говорил сравнительно медленно, низким, глубоким голосом и только в конце переходил на крик и даже визг, знакомые нам по кадрам кинохроники. Он также продолжал говорить, как только начинали стихать аплодисменты, и заканчивал свою речь более короткими и рублеными фразами. Многие из этих приемов, разительно отличавшиеся от тех, что использовались в западных демократиях в тридцатых годах, широко применяются в политике.

Однако одни только упорство и харизма не превратили бы Гитлера в фюрера Германии. Ему все еще необходимо было продать себя и свою мечту-образ. Чтобы добиться успеха, лидерам необходимо уметь преподать себя и свое послание публике, и основным способом сделать это всегда была — и, вероятно, всегда будет — детально спланированная политическая речь. Несмотря на всю проникающую способность письменного слова, графического, текстового и видеопослания, ничто не имеет такой политической убедительности, как речь, обращенная напрямую к аудитории. Даже сегодня, несмотря на все современные приемы пиара, предлагаемые телевидением, радио, всемирной компьютерной сетью и мультимедиа, мы до сих пор судим о наших лидерах преимущественно по их способности тронуть нас своей речью. Политики, являющиеся плохими ораторами, редко становятся великими лидерами.

И Гитлер, и Черчилль по праву вошли в историю как чрезвычайно убедительные ораторы, но достаточно удивительно, что умение выступать перед публикой не было им дано от природы. Хотя в конце концов они оба продемонстрировали этот талант, им пришлось немало потрудиться, чтобы его развить. Гитлер любил прибегать к разогреву публики, чтобы к моменту его появления она находилась в состоянии крайнего возбуждения.

Во время выступления перед рабочими завода динамомашин братьев Сименс 10 ноября 1933 г. в Берлине эту задачу взял на себя министр пропаганды Йозеф Геббельс. Речь, произнесенная всего через 9 месяцев после того, как Гитлер стал канцлером, служит прекрасной иллюстрацией того, как этот низкий, но мастерский прием помогал Гитлеру создать ощущение общности между ним самим и его аудиторией. Стоит поподробнее рассмотреть различные методы, которые он использовал, что-

бы играть на чувствах своих слушателей, которые вовсе не обязательно были положительно настроены по отношению к нему.

«Соотечественники, труженики Германии, — начал Гитлер, — если сегодня я обращаюсь к вам и миллионам других германских рабочих, я имею больше прав делать это, чем кто-либо еще». Он понимал, что значительная часть рабочей аудитории может иметь левые убеждения, но уже через минуту ему удалось завоевать их симпатии благодаря упоминанию о времени, проведенном в окопах Первой мировой, — опыте, знакомом многим из присутствующих не понаслышке. «Когда-то я стоял среди вас. Четыре с половиной военных года я был одним из вас. Но благодаря усердию, учению — и, должен признать, голоду — я постепенно прокладывал себе путь наверх. Глубоко в душе я всегда помню, кем я был прежде». Упоминание о нехватке продовольствия, которую остро испытывала Германия в 1918–1919 гг., было хитрым ходом, одним из нескольких содержащихся в этой речи.

Он продолжал: «Но я не был среди тех, кто действовал против интересов своего народа. Я был убежден, что судьба государства должна воплотиться в истории. Я был убежден, что рок неумолимо постигнет нацию и приведет к катастрофическим разрушениям. Раньше или позже, но это обязательно произойдет. Это отличает меня от остальных». Затем пришло время критики Версальского договора. Ограничив вооруженные силы Германии сотысячной армией, лишив ее танков или самолетов и запретив иметь боевые корабли водоизмещением свыше 10 000 тонн, союзники пытались защитить себя от возродившейся после Первой мировой войны Германии¹⁹. Условия договора не были столь суровыми, как те, что Германия планировала применить в отношении остальной Европы в случае своей победы в войне, но

предполагали роспуск германского Генерального штаба, оккупацию территорий, прилегающих к Рейну, до тех пор, пока условия договора не будут исполнены, требовали выплаты финансовых репараций и содержали статью, обвиняющую Германию в преднамеренном развязывании войны. Хотя все требования были совершенно оправданными сами по себе, весь Версальский договор в целом являлся лучшим (и по сути единственным) разумным политическим аргументом Гитлера. Как он заявил в своем выступлении перед рабочими завода Сименс: «Теория о том, что победитель и побежденный должны вечно оставаться в своем правовом статусе, ведет к новому витку ненависти в мире, беспорядку, неопределенности, недоверию с одной стороны и гневу с другой». В течение следующих десяти лет Гитлер пытался сделать все, что в его силах, чтобы разжечь, а потом дать волю тем самым ненависти и гневу, о которых он говорил.

Гитлер плохо разбирался в экономике, но понимал, что его слушатели сведущи в ней еще меньше. Поэтому он перешел к рассмотрению финансовых аспектов Версальского договора:

Спокойствие в мире не было восстановлено, как утверждалось в то время, наоборот, мир был ввергнут во все новые споры и разногласия. И второй тезис был столь же безумен: что вы также должны разрушить экономику побежденных, чтобы улучшить экономическое положение победителя. Безумная теория, но она красной нитью проходит через весь Версальский договор и в конце концов приводит к... десяти годам, на протяжении которых они пытались, с одной стороны, возложить на экономику великого народа непосильный груз, а с другой — разрушить ее насколько это возможно,

лишив ее всякого потенциала. Последствия этого мы испытали на себе — положение, когда Германии для того, чтобы выполнить свои экономические обязательства, приходилось на любых условиях все в большей степени выходить на экспортный рынок, положение, при котором здесь началась международная конкурентная борьба, а политический долг постепенно превратился в долги экономические.

С экономической точки зрения это была бессмыслица, хотя бы потому, что Союзники почти сразу начали уменьшать долговое бремя Германии, которое значительно сократилось также в результате Великой депрессии. Однако на словах это звучало убедительно, как и все, что представляло интерес для Гитлера, и он перешел к следующей популярной теме: евреям. Главной целью выступления было добиться поддержки перевооружения, невзирая на международные ограничения. Было очевидно, что это могло повредить положению Германии в мире, но Гитлер ясно дал понять, на кого он собирается возложить вину:

Конфликты между народами, их ненависть друг к другу подогревается определенными заинтересованными лицами. Это маленькая безродная международная клика, которая натравливает людей друг на друга и не хочет, чтобы они жили в мире. Эти люди везде как дома, но нигде не чувствуют себя на родине. Они не привязаны к местам, где выросли. Сегодня они живут в Берлине, завтра в Брюсселе, потом в Париже, Праге, Вене или Лондоне, и везде им одинаково хорошо.

В этом месте в зале раздался выкрик: «Евреи!» Не останавливаясь, Гитлер продолжал: «В отношении этих

людей можно использовать только термин «международный», поскольку они ведут свою деятельность повсюду, но никуда не могут привести... О тех, кто сегодня агитирует против Германии, об этой международной клике, которая клеветает на германский народ, я знаю только одно: ни один из них никогда не бывал под пулями». На самом деле евреи, конечно же, доблестно сражались в окопах Первой мировой войны, что вынуждены были признать даже в СС, когда в 1942 г. на Ванзейской конференции, целью которой была выработка «окончательного решения еврейского вопроса», Рейнхард Гейдрих распорядился: «евреи-инвалиды войны и кавалеры военных орденов (Железного креста I степени) будут посланы в еврейские гетто, а не «этапированы на Восток»²⁰.

Во время своей речи на заводе Сименс Гитлер ни разу не произнес слово «евреи», но всем было очевидно, кого именно он имел в виду.

Все было ясно и без того идиотского выкрика. Гитлер однажды заметил, что если бы евреев не существовало: «Нам пришлось бы их придумать. Важно иметь настоящего, реального, а не просто какого-то абстрактного врага»²¹. В нацистском государстве все социальные классы должны были объединяться в так называемые Volksgemeinschaft (народные общины). Ничто так не способствует единству, как наличие общего врага; таким образом, ненависть к евреям стала основой власти Гитлера. Не называя евреев открыто в своей речи, Гитлер создавал еще одну ниточку, связывавшую его с его слушателями, негласно вовлекая их в свой заговор.

Выступление на заводе продолжались, и теперь он уже перешел на крик:

Они должны понять, что мои слова — это не речь канцлера, за ней, как один человек, стоит весь

народ. Сегодня немецкий народ сам является главной объединяющей силой. Столетиями считалось, что его судьба — враждовать с самим собой, со всеми вытекающими из этого ужасными последствиями. Я считаю, что пришло время найти нашу судьбу в единстве, попытаться понять, что наше будущее в объединенном обществе, в котором нет места розни. И я ручаюсь, что в Германии такое общество не станет обществом избранных. Вы знаете меня как человека, который стоит вне классов и вне каст, который выше всего этого. Все, что у меня есть, это связь с немецким народом.

Это заявление о бесклассовости лидера и его приверженности идее народного единения было встречено одобрительными возгласами под звуки «Песни Хорста Весселя», гимна национал-социалистической партии.

Немецкий народ, подчеркивал Гитлер, не имеет с евреями ничего общего. Передать это ощущение «инаковости», «не немецкости» было так же важно, как подчеркнуть индивидуальность арийской расы²². Британский философ Бертран Рассел считал, что «мало кого делает счастливым ненависть к другому человеку, народу или идее», так почему же Гитлер ненавидел евреев? Это довольно простой вопрос, являющийся к тому же одним из основных в истории двадцатого века, но тем не менее на него не существует ответа. Приводилось множество различных теорий, начиная с того, что он подхватил сифилис от еврейской проститутки, был обманут врачом-евреем Эдуардом Блохом, лечившим мать Гитлера от рака груди, и, наконец, что еврей-профессора якобы не допустили его в венскую Академию изобразительных искусств. Мог ли существовать более страшный ответ на интересующий нас вопрос, чем эти наивные частные

попытки разобраться в причине? Возможно, дело было в том, что в действительности у Гитлера не было никаких личных претензий к евреям, просто он правильно рассчитал, что если их демонизировать, это может стать удачным политическим шагом?

В вышедшей недавно революционной книге под названием: «Гитлер в Вене: Годы учебы диктатора» историк Бригитта Гаманн даже утверждает, что Гитлер в возрасте от девятнадцати до двадцати четырех лет действительно находился в добрых приятельских отношениях с несколькими евреями. Автор в своих исследованиях заглянула буквально под каждый камень на венской мостовой, уделив внимание каждой мелочи — от бухгалтерских книг доктора Блоха до расовой принадлежности экзаменаторов в Академии изобразительных искусств. В итоге ей удалось глубоко проникнуть в психопатологию будущего фюрера, добившись при этом потрясающих результатов.

Многое из того, что Гитлер написал в «Моей борьбе» о годах, проведенных в Вене, оказывается преувеличением или выдумкой. Однако не подлежит сомнению тот факт, что хотя в годы нужды Гитлер, художник и страстный поклонник оперы, был знаком и жил среди евреев, они относились к нему по-доброму, а он не выказывал по отношению к ним явных признаков враждебности. Во время бесконечных, занудных монологов, произносимых им впоследствии о безрадостных днях, проведенных им в Вене, Гитлер никогда не упоминал об отрицательном опыте общения с евреями. Можно даже утверждать, что некоторые из лучших друзей Гитлера были евреями, например Йозеф Нейман и Зигфрид Лёффнер. Вряд ли антисемитизм сформировался под влиянием жестокого отца-алкоголика или провинциального австрийского прошлого; Гитлер стал проявлять его го-

раздо позже, вероятно, в качестве циничной попытки подкрепить свои политические притязания после Первой мировой войны. Бедный, пугливый, бездарный, совершенно асексуальный, замкнутый, завистливый и страдающий мономанией, юный Гитлер, по выражению Альберта Шпеера, был в Вене «чужим в большом городе». Вместо того чтобы попытаться приспособиться, как сделало бы большинство нормальных людей, Гитлер все больше уходил в себя и обвинял венцев в том, что те его недооценивают.

Именно обида, скопившаяся в нем за все время, проведенное в австрийской столице, легла в основу многих идей, в конце концов нашедших свое воплощение в нацизме. Чтобы создать благоприятную почву для его вредоносных идей, нужно было, чтобы вспыхнула война, которая бы затронула всю Европу. Как по заказу, всего через год после того, как Гитлер покинул Вену, в августе 1914 г., разразилась катастрофа. Диктатор получил свои уроки, и как только антисемитизм цинично превратился в его кредо, он почувствовал себя готовым ступить на тропу войны. В общем-то, нет никакой разницы, что лежало в основе антисемитизма Гитлера — личная неприязнь, мнимые обиды или политический оппортунизм, — но последнее кажется наиболее вероятным.

Писатель Фредерик Рафаэль высказывает новую интересную теорию, согласно которой предположение о том, что врач-еврей, лечивший мать Гитлера, прибегнул к обману и/или поставил неверный диагноз, привело к психологическому приему замещения. Согласно этой теории:

Если доктор Блох не смог излечить фрау Гитлер от рака, маловероятно — если не сказать невозможно — что в то время это удалось бы кому-то

другому. Не считал так и Гитлер. «Ади», несомненно, любил свою мать; как и Пруст, который в своей знаменитой статье в «Фигаро», тем не менее, оправдывал матереубийство, на том основании, что, в конце концов, каждый иногда испытывает острое желание убить свою мать. Таким ли уж надуманным выглядит предположение, что Гитлер, глядя на страдания матери, захотел (вполне по-человечески) положить им конец, но, когда это произошло и мать умерла, он ощутил такое чувство вины, что переложил свое постыдное желание на врача-еврея, сделав из того козла отпущения?²³

Вероятно, это предположение действительно является слишком «надуманным», хотя бы потому, что Гитлер вполне мог быть одним из нас, то есть одним из миллионов нормальных людей, которые никогда не хотели причинить вред своим матерям, но оно, тем не менее, не более фантастично, чем многие другие моноказуальные теории, которыми пытаются объяснить Холокост.

Существует мнение, что не только не важно, но и аморально слишком пристально изучать вопрос о том, где Гитлер приобрел свой антисемитизм. Якобы это играет на руку людям, которые, подобно Дэвиду Ирвингу, придерживаются противоположной точки зрения. Как пронизательно подметил писатель и критик Джонатан Мидс:

Школа шарлатанства, чьи переругивающиеся адепты пытаются объяснить феномен Гитлера, избредая, или веря, в фольклорные истории о психо-сексуальных травмах: мать Гитлера якобы неправильно лечил или диагностировал врач-еврей и в результате она умерла; Гитлер мог заразиться сифилисом от

проститутки-еврейки — подобные домыслы отвратительны, поскольку они являются попыткой выставить какого-то одного еврея виновным в чудовищных бедствиях, которые пришлось пережить всему народу. Существуют, разумеется, теории об одном яйце и одержимости дьяволом. А также нелепая история о том, что ребенком Гитлер был укушен за пенис козлом, которому он пытался пописать в рот²⁴.

Эта последняя теория, окажется она правдой, могла бы объяснить многое в поведении Гитлера, но явно не его антисемитизм. И даже если Гитлер страдал монорхизмом, это не объясняет, почему тринадцать миллионов немцев в 1932 г. проголосовали за НСДАП, им ведь не сказали, что у него не хватает одного яичка (а это не так). Вопрос не в том, что двигало Гитлером, а в том, что заставило немецкий народ добровольно отказаться от демократии и поддержать лидера, о чьем реваншизме громко кричали при каждом удобном случае.

В своей речи на заводе Сименс Гитлер впадал в хорошо продуманную и отрепетированную ярость только в тщательно определенные моменты.

В основном же во время произнесения речей Гитлер не брызгал слюной и не переходил на крик, несмотря на тот факт, что в большинстве виденных нами кинохроник он ведет себя именно так. Рейнхард Шпитци, личный секретарь министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, вспоминал, как однажды после хорошего обеда с Гитлером и его приближенными слуга вошел в комнату с докладом о том, что прибыл английский дипломат:

Гитлер в волнении вскочил. «Gott im Himmel!
Не выпускайте его — я все еще в хорошем настрое-

нии». На глазах у присутствующих он надел на себя маску притворной ярости — лицо потемнело, дыхание стало тяжелым, а глаза горели. Затем он вышел за дверь и разыграл перед несчастным англичанином такую громкую сцену, что за обеденным столом было слышно каждое слово. Через десять минут он возвратился, лоб его был покрыт испариной. Он тщательно прикрыл за собой дверь и сказал, посмеиваясь: «Джентльмены, я должен выпить чаю. Он думает, что я в бешенстве!»²⁵

Лидеры должны уметь лицедействовать, и Адольф Гитлер хорошо это понимал, даже если сам он был плохим актером. В ранние годы он изучал приемы баварского комика Вайса Фердля, чтобы понять, как увлечь публику. Как всякий актер, Гитлер часами репетировал позы и жесты, стоя перед зеркалом в своей жалкой комнатенке на мюнхенской Тиршштрассе. Он продолжал делать это и потом, о чем свидетельствуют фотографии. В начале карьеры Гитлер пробовал себя в качестве политического агитатора на улицах и в пивных Мюнхена, иногда обращаясь к аудитории, насчитывающей не более десятка слушателей. Там он понял, насколько сила его воздействия на публику зависит от тщательного предварительного планирования выступления и подготовки материала. Каждый, кто пытается выступить перед аудиторией в Уголке ораторов в лондонском Гайд-парке, узнает, как быстро такой опыт закаляет человека интеллектуально и эмоционально, особенно если приходится иметь дело с любителями задавать каверзные вопросы и откровенными противниками.

Гитлер лично проверял акустику в помещениях пивных, чтобы подобрать соответствующие высоту и тональность голоса. Однажды он ошибся, взявшись про-

износить речь в воскресное утро. Публика была, как он позже описывал, «холодна как лед». С тех пор он предпочитал планировать выступления по вечерам, когда слушатели были более восприимчивы к его посланию. Как он писал в «Моей борьбе»: «Кажется, что по утрам и в течение дня человеческий мозг восстает против любой попытки навязать ему чье-либо мнение или желание. Однако вечером он легко поддается воздействию более сильной воли». (Профессиональные актеры подтверждают это высказывание; почему-то публика более восприимчива во время вечерних, нежели дневных представлений. Нужно было обладать таким складом ума, как у Гитлера, чтобы использовать этот феномен в политике.)

Театральные приемы, такие, как военные марши, море флагов, бесконечные ряды бойцов штурмовых отрядов и особенно световое оформление — иногда с использованием военных прожекторов, а иногда зажженных факелов, — использовались при организации митингов и фашистских сборищ с целью еще больше усилить восприимчивость публики. Нацисты первыми освоили пропагандистские методы, которые сейчас широко используются на современной политической арене.

Отличие от Черчилля не может быть более разительным. Он очень мало выступал на митингах и не использовал политтехнологии или специальные приемы. Больше всего он любил выступать в Палате общин или по радио, где число физически присутствующих слушателей было сравнительно невелико. Он полагался на силу устного слова и убедительность хорошего аргумента. Величайшим оратором двадцатого столетия ему помогли стать не демагогические приемы, а его исключительное владение английским языком. Как он писал в «Моих ранних годах»: «Я убежден в том, что все молодые люди должны изучать английский язык. Особенно

умные могут продолжить совершенствоваться в латинском для почета и в греческом для удовольствия. Но единственное, за что бы я их порол, так это за незнание английского языка. Причем здорово порол бы».

Черчилль не был прирожденным оратором; таких мало. После провального опыта выступления в Палате общин, когда он, ему тогда было тридцать, попытался произнести речь по памяти, он отказался от подобной практики.

Вместо этого он иногда тратил по десять-четырнадцать часов на подготовку одной речи, иногда под аккомпанемент граммофона, игравшего военные марши, сочиня и переделывая ее до тех пор, пока она не начинала казаться ему идеальной. Как пошутил его друг лорд Биркенхед: «Уинстон потратил лучшие годы своей жизни на подготовку импровизированных речей». Черчилль говорил, что лучший совет относительно выступлений в парламенте он получил от члена партии тори и бывшего министра-члена кабинета Генри Чаплина, который сказал ему: «Не торопись. Изложи свою мысль. Если тебе есть что сказать, палата выслушает тебя». Этот совет помог Черчиллю добиться отличных, а иногда даже поразительных результатов.

В «Савроле» Черчилль описывал работу героя над речью, которую тому предстояло произнести в ратуше Лауралии. Отрывок, посвященный процессу создания политической речи, настолько автобиографичен, что заслуживает быть приведенным здесь полностью:

Ему предстояло выступить с речью. Он уже выступал много раз и знал, что никакое благо не может быть достигнуто без усилий. Так называемые неподготовленные шедевры ораторского искусства существовали только в умах слушателей;

цветы риторики были тепличными растениями. Что он должен был сказать? Он механически выкуривал одну сигарету за другой. Окруженный сигаретным дымом, он представил себе свою речь, которая должна была проникнуть глубоко в сердца людей, собравшихся в толпу. Она должна была изобиловать возвышенными мыслями, красочными сравнениями, выраженными доступным языком, понятным даже самым неграмотным и интересным для самых простых людей. Их мысли должны оторваться от материальных жизненных забот, и в душе должны были пробудиться высокие чувства. Его идеи начали формироваться в слова, из которых складывались предложения. Он проговаривал их про себя, ритм его собственных фраз вдохновлял Савролу, и инстинктивно он использовал аллитерацию. Идеи возникали одна за другой и неслись, словно стремительные потоки воды, обласканные солнечным светом. Он схватил листок бумаги и начал торопливо писать карандашом. Надо было выделить главную мысль, ее можно было подчеркнуть с помощью тавтологии. Он записал предложение на черновике, зачеркнул его, усовершенствовал и записал снова. Звук его голоса будет приятен для их ушей, их чувства станут светлее и души — более возвышенными. Какое это было великое дело! В его мозгу были заложены карты, в которые он должен был играть, в то время как на карту была поставлена вся его жизнь.

Пока он работал, неумолимо проходило время. Домоправительница вошла и принесла ему завтрак, застав Савролу молчаливым и занятым; она и раньше видела его в таком состоянии и не осмеливалась надоедать ему. Нетронутая пища остыла,

оставшись на столе, в то время как стрелки часов медленно вращались, отмечая поступь времени. Наконец он встал и, полностью отдавшись своим мыслям и языку, начал ходить взад и вперед по комнате стремительными шагами. При этом он что-то произносил низким голосом, громко выделяя отдельные фразы. Вдруг он остановился, и рука его резко опустилась на стол. Это был конец речи²⁶.

«Ораторский талант, — писал Черчилль, — нельзя ни купить за деньги, ни получить в дар, его можно только развить». Он был в большей степени перфекционистом, нежели прирожденным оратором, и результат, продемонстрированный им в 1940–1941 гг., оказался превосходным. С точки зрения интонации речи, произносимые Черчиллем в тот год, в основном являлись плодом многих часов, проведенных им, молодым гусарским офицером, в Индии за изучением исторических трудов Гиббона и Маколея. Черчилль выработал собственную манеру речи, объединяющую в себе высокопарные, плавно перетекавшие одно в другое предложения первого и едкие остроумные фразы последнего. На него, как на оратора, также оказала влияние риторика Уильяма Гладстона, американского политика ирландского происхождения Бурка Кокрана и его собственного отца лорда Рэндольфа Черчилля, являвшегося лучшим оратором своего времени.

Высокопарный, старомодный стиль Черчилля нравился не всем, одни находили его неискренним, другие напыщенным, а третьи высмеивали его манеру выступления как нечто среднее между потугами бездарного актера и эстрадными номерами. Однажды в 1930-х гг. в момент конституционного кризиса члены Палаты общин даже заставили его криками прервать свою речь, когда

он призвал их поддержать короля Эдуарда VIII. Только в 1940 г., когда пробили час решающего испытания для всего британского народа, ораторское искусство Черчилля действительно стало сопоставимо с грозившими миру опасностями, что нашло свое воплощение в великолепном слоге его лучших речей военного времени. Поражение на Западном фронте, эвакуация из Дюнкерка, падение Франции, Битва за Британию, «Блиц», угроза вторжения — все это стало поводом для появления речей и фраз, которые будут жить до тех пор, пока будет существовать английский язык.

Летом 1940 г. речи Черчилля были практически единственным, что позволяло народу Британии выстоять. После того как Гитлер получил контроль над всей континентальной Европой, от Бреста до Варшавы, даже начальники штабов не имели четкого плана, как победить. Пока Россия и Америка воздерживались от вступления в войну, все, что оставалось Британии, — это ждать и мрачно уповать на положительный исход дела. Говоря о своей уверенности в конечной победе, Черчилль не мог обращаться к разуму своих слушателей и потому взывал к их сердцам.

Не имея в запасе, чем поддержать или подбодрить британский народ, Черчилль пошел на политический риск и вместо этого намеренно сделал упор на грозящих опасностях. Всего через три дня после вступления в должность премьер-министра он заявил в Палате общин: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота». Он не пытался приуменьшить серьезность стоявшей впереди задачи, произнося слова, знаменовавшие собой окончание десяти лет умиротворения, сомнений и пораженчества, которые он назвал «давними мрачными, ползучими тенями самотека и капитуляции». Он без колебаний перенес сложившуюся

ситуацию на суровую почву манихейской борьбы добра и зла, правды и лжи, света и тьмы. Это было именно то, что страстно желали слышать британцы. Покинув Палату общин, он заметил своему другу Дэсмонду Мортону: «По-моему, зацепило, как ты считаешь?»²⁷

Результат был действительно поразительный. Как сказала своему мужу, министру по делам информации Гарольду Никольсону, писательница Вита Саквилл-Уэст: «Одна из причин, почему его елизаветинские фразы так волнуют, это то, что за ними чувствуются сила и решительность, мощные, словно крепость: это не просто слова ради слов». Упоминание о елизаветинском английском очень показательно, поскольку Черчилль обращался в поисках средств, способных поддержать моральный дух британцев, призывая призраки Дрейка и Нельсона, с тем чтобы напомнить людям, что Британия и прежде сталкивалась с подобными опасностями и выходила победительницей. Подсознательный посыл заключался в том, что они снова смогут все преодолеть. Он никогда не пренебрегал возможностью использовать в своих речах удачный пассаж, как собственный, так и принадлежащий кому-то еще; например, его знаменитая фраза о вкладе английских летчиков в успешное завершение Битвы за Британию, возможно, отчасти позаимствована из объявления Джона Мура о взятии Корсики: «Никогда столь многое не было сделано силами столь немногих».

Исайя Берлин в своей книге «Черчилль в 1940 году» из всех сил старался показать, как Черчилль использовал «исторические образы, такие мощные, такие всеобъемлющие, чтобы заключить будущее и настоящее в рамку богатого и многоцветного прошлого». От своих слушателей Черчилль ожидал наличия хотя бы общего представления об английской истории; он никогда не го-

ворил с ними свысока или снисходительно, адаптируя свой стиль к кажущимся требованиям современной массовой аудитории. Как выразился Берлин: «Архаизмы, к которым нас приучили военные речи Черчилля, являются важной частью возвышенного стиля, того языка официальной хроники, которого требовала серьезность происходящего».

11 сентября 1940 г. Черчилль выступил по радио с обращением к нации по поводу возможного немецкого вторжения, в котором говорилось:

Мы не знаем, когда именно нацисты на это решатся; мы даже не уверены, что они вообще на это решатся; но нельзя обманывать себя и игнорировать очевидные приготовления врага к мощному наступлению на наш остров; немцы копят силы для броска со свойственной им тщательностью и педантичностью, и целью этого броска в любой момент может стать Англия, Шотландия или Ирландия, а то и все наши земли сразу.

Эта речь транслировалась по радио из «военного кабинета», подземного бомбоубежища, в котором разместились множество служебных кабинетов и личных комнат, на Уайтхолл. Оно было построено прямо перед войной, и сюда в случае воздушных налетов на Лондон должно было переместиться правительство и военное командование. Черчилль выступил с этой речью вскоре после первых бомбежек Лондона, понимая, что, даже если Гитлер решил не осуществлять вторжение, немецкие бомбардировщики скорее всего продолжат терроризировать крупные английские города.

Вот как он выразил уверенность, что Англия сможет выстоять, что бы ни случилось:

Поэтому следующая неделя и несколько следующих недель могут стать решающим эпизодом нашей истории, сопоставимым по значимости с теми днями, когда Непобедимая армада приближалась к Ла-Маншу, а Дрейк невозмутимо оканчивал очередную партию в шары или когда наступлению на наш остров Великой армии Наполеона, разместившейся в Булони, не препятствовало ничего, кроме эскадры Нельсона. Все мы читали об этих событиях в учебниках по истории, но разворачивающееся на наших глазах противостояние имеет куда больший масштаб и может привести к намного более серьезным последствиям для нашего народа, а также для будущего всего мира и всей человеческой цивилизации, чем вышеупомянутые великие драмы прошлого.

Черчилль давал людям почувствовать, что они не одиноки в этой борьбе; что они являются частью истории. Сам будучи историком, он имел прекрасную возможность найти в историческом контексте моменты, сопоставимые с тогдашним трагическим положением Британии. На людей, изучавших в школе подвиги Дрейка и Нельсона, это оказывало ободряющее воздействие. Черчилль уже требовал от британского народа проявить героизм, когда обращался в будущее тысячелетие со словами: «Так давайте же засучим рукава и примемся за работу для того, чтобы, даже если Британская империя и Содружество просуществуют еще тысячу лет, люди все равно продолжали помнить нас и говорить об этом времени: «То был их звездный час!» Сейчас он обращался к тысячелетию ушедшему, сравнивая нынешнюю ситуацию с той, которая сложилась в 1588 г., когда у берегов Англии стояла Непобедимая армада, и в 1804 г.,

когда над ней нависла угроза наполеоновского вторжения. Будучи премьер-министром, он однажды написал Р. А. Батлеру из Министерства образования: «Знаете, как повысить патриотизм среди детей? Расскажите им, как Вольф взял Квебек». Это срабатывало не только с детьми; призывая на помощь английскую историю, он побуждал людей думать о себе как о части исторического процесса, что, как показывает огромный интерес к книгам о наполеоновских войнах в период Второй мировой войны, было большим успехом.

В контексте современного общества и политики большая часть аргументов и выражений, в которых они формулировались, были, конечно, абсолютно неполиткорректны. Клайв Понтинг обвиняет Черчилля в том, что тот постоянно ссылается на «нашу английскую жизнь и долгую историю наших учреждений и Империи», вместо того, чтобы «предложить взгляд в будущее, ориентированный на современную демократию». Это происходило потому, что Черчилль понимал, что английский народ в первую очередь сражается за собственную самобытность и дальнейшее существование, нежели за утопические идеи о добропорядочности и демократии, не говоря уже о равенстве и братстве. Поэтому он апеллировал к древней вере британского народа в самого себя, которая преимущественно основывалась на памяти о деяниях предков и гордости за подвиги, свершенные под имперским флагом. Теперь политики уже больше не могут обращаться к этому источнику, но тогда он нам действительно помог.

Есть те, кто, подобно покойному лорду Хейлшему, избравшему в качестве площадки для обсуждения своей теории программу «Пластинки на необитаемом острове» на Радио 4, считал, появление Уинстона Черчилля в качестве премьер-министра в мае 1940 г., в час, когда Гитлер начал свой «блицкриг» на Запад, доказатель-

ством существования Бога. Не будучи богословом, я предпочитаю присоединиться к мнению американского диктора Эдда Мурроу относительно феномена Черчилля в 1940 г.: «Он призвал на службу английский язык и послал его в бой». В напечатанном виде эти речи, конечно, не производят должного впечатления. Чтобы ощутить холодок, пробегающий по спине, нужно услышать слова Черчилля в записи. Только она может передать гром, внезапный львиный рык, лирические нотки, голос, охрипший от сигар и бренди, прямой призыв, идущий из самого сердца, не сдаваться в войне не на жизнь, а на смерть.

Черчилль страдал легким заиканием и шепелявостью, мешавшими его публичным выступлениям. Как и его отцу, ему всю жизнь трудно давалась буква «с». В юности он пытался справиться с этой проблемой, повторяя затейливые скороговорки вроде: «The Spanish ships I cannot see, for they are not in sight». Позднее, когда он отправился с лекциями в Америку, он начал справляться с шепелявостью и теми затруднениями, которые она ему доставляла. Хотя он много работал над тем, чтобы справиться с дефектами речи, ему так и не удалось избавиться от них до конца. «Те, кто слышал его в среднем и пожилом возрасте, могли бы сказать, что он справлялся с затруднениями лучше, чем с их причиной», — шутил позднее его сын Рэндольф. Шепелявость Черчилля была заметна даже в его самых знаменитых речах, которые вдохновляли народ в годы войны, давая клеветникам повод считать — ошибочно, — что он произносит слова невнятно, будучи нетрезвым²⁸.

Прием, использованный Гитлером во время выступления на заводе Сименса, когда он отказался прямо называть своих врагов, также иногда использовал и Черчилль, который в ноябре 1934 г. выступил по радио с речью о

возможных причинах будущей войны, в которой предупредал о том, что «всего за несколько часов до Британии могут долететь боевые самолеты из страны, где живут почти 70 миллионов самых высокообразованных, трудолюбивых, умных и дисциплинированных людей в мире, которых с детства приучают к мысли о том, что нет дела более достойного, чем завоевательные походы, и нет участи благороднее, чем смерть на поле боя», явно, но не напрямую намекая на нацистскую Германию. Однако всякий раз, когда он чувствовал, что может прямо указать на своих врагов, он делал это с огромным удовольствием. Оценки, данные им в военное время Риббентропу и Муссолини, были особенно грубыми, сочетая в себе откровенное презрение и юмор на грани приличия. Муссолини он называл «побитым шакалом», «лакеем и рабом, послушно выполняющим волю хозяина». То, как он произносил само слово *Nazis*, характерно его растягивая, так, что в его устах оно звучало, как *Nahgzzees*, свидетельствовало о его презрении к ним. «Каждый человек имеет право произносить иностранные имена, как ему заблагорассудится» — таков был его грубоватый афоризм²⁹.

Шутки, объектом которых часто бывал он сам, являлись важной составляющей речей Черчилля. Мне известен только один случай, когда Черчилль не смог оценить шутку во время обсуждения экстравагантной манеры Монтгомери рекламировать самого себя Джек Колвилл, его личный секретарь, вставил замечание, что генерал запретил оркестру Восьмой армии исполнять марш «Британский гренадер». На вопрос Черчилля почему, Колвилл ответил, что все дело в первой строчке: «Some talk of Alexander...» (генерал Гарольд Александер был соперником Монти во время операции в пустыне). Остальные гости, собравшиеся за обеденным столом, одобрительно рассме-

ялись, но на следующее утро, к своему ужасу, Колвилл обнаружил, что Черчилль воспринял эту историю всерьез и продиктовал начальнику Имперского генерального штаба записку с распоряжением немедленно отметить приказ Монтгомери. Колвилл вспоминал: «Когда я смущенно объяснил, что всего лишь хотел пошутить, его это совсем не позабавило». За исключением этого единственного и соответственно только подтверждающего правило исключения, Черчилль был человеком, в чьей жизни юмор играл важную роль. Он также имел склонность к поразительным и забавным сравнениям, таким, например, как: «Наказывать Китай — все равно что пороть медузу». Шутливые замечания отличались подлинным остроумием — характерным, скажем, для Оскара Уайльда, Джорджа Бернарда Шоу и Ноэля Кауарда, даже если на самом деле они их не произносили, и Черчилль, несомненно, пользовался этим.

Хотя в домашней обстановке, среди друзей, Гитлер якобы был известен своим талантом имитатора, он почти никогда не шутил на публике. Имитация, как никак, один из приемов в арсенале публичной женщины, в целом же юмор его был недобрым. Особенно он веселился, когда другие попадали в неловкое положение. После войны Альберт Шпеер вспоминал злую шутку, которую Гитлер с Геббельсом сыграли с пресс-секретарем НСДАП Эрнстом (Путци) Ханфштенглем, чьи личные тесные связи с фюрером тревожили Геббельса, пышно именовавшегося министром народного просвещения и пропаганды. Гитлер был многим обязан Ханфштенглю. Они дружили с 1923 г., когда последний одолжил Гитлеру 1000 долларов, на которые нацисты начали выпускать ежедневную газету «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель»). На первых порах знакомство с Ханфштенглем, который был выпускником Гарварда,

придавало Гитлеру в глазах светского общества некую респектабельность. Однако все это не могло защитить Ханфштенгля от ненависти Геббельса,

который стал клеветать на Ханфштенгля, представляя его хапугой, человеком сомнительной честности. Однажды он принес пластинку с записью какой-то английской песни и попытался доказать, что мелодию популярного марша Ханфштенгль не сочинил, а украл. Ханфштенгль оказался под подозрением еще во времена гражданской войны в Испании, когда Геббельс за обедом заявил, что начальник отдела иностранной прессы отпускал недопустимые замечания о боевом духе сражавшихся в Испании немецких солдат. Гитлер пришел в ярость и заявил, что этому трусу, не имеющему никакого права судить о храбрости других, следует преподать урок. Через несколько дней Ханфштенглю сообщили, что он должен лететь на самолете с поручением, и передали запечатанный конверт с приказом Гитлера, который можно вскрыть только после взлета. Оказавшись в воздухе, Ханфштенгль с ужасом прочитал, что его сбросят над «красной» территорией Испании, где он будет работать тайным агентом Франко. Геббельс рассказал Гитлеру мельчайшие детали: как Ханфштенгль молил пилота повернуть назад; как настаивал на том, что все это недоразумение. Однако самолет часами кружил в облаках над немецкой территорией. Несчастному пассажиру сообщали фальшивые координаты, и он свято верил, что приближается к Испании. В конце концов пилот объявил о вынужденной посадке и благополучно посадил самолет в Лейпцигском аэропорту. Только тогда Ханфштенгль понял, что

стал жертвой злой шутки, уверился в покушении на свою жизнь и вскоре бесследно исчез. Все вышеизложенное вызвало бурное веселье за обедом, тем более что в этом случае Гитлер планировал шутку наравне с Геббельсом.³⁰

Едва ли стоит удивляться, что вскоре после этого случая Ханфштенгль покинул Германию и оказался в Америке, где время от времени выступал в качестве советника Рузвельта, когда у президента возникало желание проникнуть в мысли своего главного противника.

Но этот пример далеко не единственный: Геббельс знал, как обратить себе на пользу чувство юмора фюрера и его любовь к подобным злым шуткам и оттеснить на второй план возможных соперников. Тот, кто обладает подлинным талантом лидера, обычно понимает, что им кто-то манипулирует, но Гитлер, по-видимому, не замечал ничего подобного со стороны Геббельса, который был самым интеллектуальным из нацистов Третьего рейха. Когда старый член партии Ойген Хадамовски продемонстрировал свое желание руководить всей Reichsrundfunk (имперской системой радиовещания), Геббельс решил сыграть другую коварную шутку. У него был свой кандидат на эту должность, но он боялся, что Гитлер может отдать предпочтение Хадамовски, который заслужил благодарность нацистов тем, что до их прихода к власти организовал очень эффективную трансляцию всех выступлений, проходивших в рамках предвыборной кампании.

Альберт Шпеер так описывал дьявольский план Геббельса по устранению его *bete noire*:

По поручению Геббельса статс-секретарь министерства пропаганды Ханке послал за Хадамов-

ски и официально сообщил, будто Гитлер только что назначил его рейхсинтендантом (генеральным директором) радио. За обедом Гитлеру рассказали о дикой радости, обуявшей Хадамовски, намеренно сгустив краски, так что Гитлер воспринял все происшедшее как отличную шутку. На следующий день Геббельс приказал напечатать несколько экземпляров одной газеты с сообщением о фальшивом назначении и нелепыми похвалами в адрес якобы вновь назначенного. Статью он пересказал Гитлеру и красочно расписал восторг Хадамовски, читавшего все эти восхваления. И Гитлер, и все присутствовавшие за обедом корчились от смеха. В тот же день Ханке попросил вновь назначенного рейхсинтенданта произнести речь в неподключенный микрофон, что послужило новым поводом для застольного веселья в рейхсканцелярии.

После того, как Хадамовски был дискредитирован (вероятно, совершенно безосновательно), Геббельс получил возможность назначить на все еще вакантную должность своего человека. Шпеер признавал: «С одной стороны, Гитлера можно было считать жертвой этих интриг. Насколько я видел, Гитлер в подобных делах не мог тягаться с Геббельсом... С другой стороны, напрашивался вопрос, почему Гитлер поддерживал и даже провоцировал грязную игру. Одно слово неодобрения — и ничего подобного впредь не произошло бы»³¹.

Подобные злые шутки вряд ли можно назвать тонким юмором, а тот факт, что Гитлер принимал участие в унижении преданных соратников исключительно в силу своей сверхамбициозности, говорит о его презрении к человеческой расе в целом. Сравните это с в высшей степени остроумными замечаниями и блестящими шут-

ками Уинстона Черчилля, и дихотомия станет очевидна. Корни, вероятно, самой известной шутки Черчилля, соль которой заключена во фразе: «А вы, мадам, уродливы, но завтра я протрезвею», можно отыскать в «Савроле», где он пишет о жене президента Молары, Люсиль: «Очень трудно, почти невозможно нанести оскорбление красивой женщине; красота все равно побеждает, а пренебрежение отбрасывается».³²

Многие из шуток Черчилля слишком хорошо известны, чтобы вновь повторять их здесь, но есть одна, которая по некоторым причинам не включена в антологию принадлежащих ему афоризмов и остроумных выражений «Правила Черчилля» (возможно, из-за ее недостоверности). Когда он в тридцатых годах выступал в Америке с лекциями, посвященными разнообразным положительным аспектам сотрудничества с Британской империей, агрессивно настроенная представительница американских антиимпериалистических кругов обратилась к нему с пространством вопросом о политике Британии в отношении возглавляемого Махатмой Ганди движения за независимость Индии, закончив его словами: «Так что же, мистер Черчилль, вы намереваетесь делать с вашими индийцами?». «По крайней мере, мадам, — отвечал этот великий политик, — не то, что вы сделали с вашими».

Гитлер избегает Черчилля

Именно «Путци» Ханфштенгль чуть было не организовал встречу Гитлера и Черчилля в августе 1932 г., когда последний находился в Германии, путешествуя по местам боевой славы герцога Мальборо в процессе работы над биографией своего великого предка.

Месяцем раньше сын Черчилля, Рэндольф, освещал для газеты «Sunday Graphic» предвыборную кампанию

Гитлера и даже якобы летал в личном самолете фюрера от одного места встречи с избирателями до другого, и он очень хотел, чтобы отец встретился с человеком, которого тогда обвиняли в том, что он «не замедлит» втянуть Европу в войну, раз уж он создал вполне боеспособную армию³³. Ханфштенгль был знаком с Рэндольфом, благодаря своим связям с зарубежной прессой, и они с Черчиллем ужинали в отеле, где тот остановился.

За ужином Ханфштенгль говорил о Гитлере «как зачарованный» — до его «задания» в «Красной Испании» оставалось еще несколько лет — и поведал Черчиллю, что поскольку Гитлер каждый день появляется в этом отеле во время вечернего чая, он без труда может устроить встречу с ним. Судя по воспоминаниям Ханфштенгля, которые были написаны после того, как он покинул Германию и потому вполне мог быть настроен предвзято, Гитлер был не в восторге от перспективы встречи с кем-то, «кто, как ему было известно, обладал равным ему политическим потенциалом», добавив: «В любом случае, говорят, что этот ваш Черчилль — оголтелый франкофил». Это указывает на то, что Гитлер, как минимум, знал, кто такой Черчилль, а его последнее замечание ясно говорит о том, что он к тому же читал если не все, то, по крайней мере, некоторые из автобиографических сочинений Черчилля.

Ханфштенгль не оставлял надежду на то, что в один из дней или вечеров Гитлер — который недавно отказался от поста вице-канцлера, заявив, что он ждет, когда ему будет предложено место канцлера, — возможно, проявит достаточный интерес к человеку, занимавшему кресло первого лорда Адмиралтейства в годы Первой мировой войны, и придет в отель, чтобы выпить кофе с Черчиллем, его дочерью Сарой, Рэндольфом, владельцем «Daily Telegraph», и профессором Линдемманом. В тот вечер, за

ужином, Черчилль, говоря о «широкой занятости» евреев в Германии, сказал Ханфштенглю: «Передайте от меня вашему боссу, что антисемитизм, возможно, хороший спусковой крючок, но паршивый ярлык».

Черчиллю так и не представился шанс высказаться напрямую, поскольку Гитлер в отеле не появился. Но на следующий день Ханфштенгль предпринял последнюю попытку убедить нацистского лидера встретиться с человеком, который, в конце концов, оказался его главным противником. Гитлер совершил ту же ошибку, что многие британские политики того времени. Он сбросил Черчилля со счетов, заявив Ханфштенглю: «Что он за фигура, этот Черчилль? Он в оппозиции и никто принимает его во внимание».

Шутливое замечание Ханфштенгля: «Как и вас», не смогло изменить его мнения. Через два дня Черчилль со своими спутниками покинули город и возвратились в Англию, и до самого их отъезда Гитлер держался в стороне.

Одна из самых значимых встреч в истории так и не состоялась, возможно, из-за комплекса неполноценности, которым страдал Гитлер, но, что гораздо более вероятно, это произошло скорее из-за того, что Гитлер поверил распространенному мнению о том, что Черчилль «неудачник» и на него не стоит тратить время. Если это так, то эту ошибку стоит добавить в перечень серьезных просчетов Гитлера. Конечно, мы можем только гадать, что было бы, если бы эти два человека встретились, но если бы Черчилль не удержался и высказал свое отношение к антисемитизму, то встреча вряд ли продлилась бы долго или не привела бы к общему согласию, учитывая, что оба ее участника не владели иностранными языками. Скорее она походила бы на взвешивание борцов перед состязанием. В худшем случае она стала бы одним

из величайших разочарований в истории — формальный и неискренний обмен дипломатическими любезностями и общими фразами об участии в Первой мировой войне. Так что, может быть, и хорошо, что эта встреча так и не состоялась.

Харизма

Если Черчилль никогда не обладал особенной харизмой, то Гитлер буквально излучал ее. Черчиллю была присуща властность, и многие ошибочно принимали ее за харизму, но харизма — это совсем другое. Харизматичное лидерство основывается на почти мистических качествах, которые последователи приписывают своим лидерам. Эта форма власти не зиждется на традициях или на существующей системе государственного устройства; она не признает конституций и не имеет ничего общего с властью избранного государственного деятеля в демократических обществах. Никто не собирался пожизненно наделять Черчилля диктаторской властью, так же как и Гитлера. Черчилль являл собой образец вдохновляющего лидера, но его не воспринимали как сверхчеловека, посланца с небес или кого-то, кто существует на ином по сравнению с остальным человечеством уровне. Не все согласны с такой оценкой: молодой ученый Р. В. Джонс, которого в июне 1940 г. пригласили в «военный кабинет», чтобы он объяснил Черчиллю использовавшуюся люфтваффе систему наведения по радиолучу, находил, что «каждый раз, когда мы встречались во время войны, я чувствовал, как подзаряжаюсь от источника жизненной силы»³⁴.

Можно привести бесчисленное количество примеров того, как Гитлер очаровывал людей. Как ему это удавалось? Во-первых, Гитлер довольно рано обнаружил,

что способен смущать и подавлять других людей, просто пристально глядя на них, не мигая. Это производило впечатление решимости и непоколебимой уверенности. Как в детской игре в «гляделки», Гитлер редко мигал, когда смотрел на того, на кого хотел произвести впечатление. Ничего не подозревающих людей это приводило в страшное замешательство. Альберт Шпеер вспоминал, как однажды за ужином у него состоялась «игра в «гляделки» с Гитлером. Когда Гитлер в упор уставился на него, Шпеер решил попробовать выдержать его взгляд. Гитлер продолжал смотреть на Шпеера, ожидая, когда тот сдастся. По выражению Шпеера: «Кто знает, какие примитивные инстинкты задействуются в подобных зрительных дуэлях... в тот раз мне пришлось прилагать почти нечеловеческие усилия, чтобы не поддаться все возрастающему желанию отвести взгляд»³⁵. К счастью, в тот момент Гитлера отвлекла женщина, сидевшая рядом с ним за столом, и ему пришлось прекратить дуэль.

К тому же от матери Гитлер унаследовал необычный светло-голубой с зеленовато-серым оттенком цвет глаз. Существует масса свидетельств того, какое гипнотическое воздействие оказывали глаза Гитлера на людей. Французскому послу Роберу Кулондру казалось, будто их взгляд пригвождает его к месту, а драматург Герхарт Хауптман описывал момент, когда он посмотрел в глаза Гитлеру, как величайший в своей жизни. Марта Додд, дочь американского посла, уверяла, что его глаза были «поражительными и незабываемыми». Сестра Ницше, Элизабет, сказала о них: «Их взгляд... проникал внутрь меня все глубже и глубже». Чуть навывкате и почти лишённые ресниц глаза фюрера оказывали удивительное гипнотическое воздействие, или, по крайней мере, в это заставляла верить нацистская пропаганда. Не последнюю роль в создании харизмы играет самовнушение, так

если бы Кулондр, Хауптман и Додд не были заранее слышаны о силе гитлеровского взгляда, возможно, они бы и не обратили на него внимания.

Конечно, здесь дело больше в гитлеровской харизме, нежели просто во взгляде. Большинство людей верит, что харизма — это природное человеческое качество, которое либо есть, либо его нет. На самом деле это приобретенная особенность, и отчасти мошенничество. Именно наше собственное восприятие наделяет лидера харизмой; в конце концов, никто не обладает харизмой от рождения. Никто из тех, кто знал Гитлера в бытность его солдатом в окопах Первой мировой или неудачливым художником в Вене, не помнит, чтобы он обладал харизмой и проявлял склонность к лидерству. Он обрел харизму только благодаря своему успеху как политика и неустанным усилиям по созданию собственного культа личности. Гитлер умышленно поддерживал свой статус непогрешимого сверхчеловека до тех пор, пока миллионы демонстрировали желание соглашаться с его возмутительно раздутой самооценкой. Биограф Гитлера, Йан Кершоу, описывает его душевное состояние к 1936 г., как «нарциссическое самовосхваление»³⁶.

Когда мы наделяем лидера неоспоримым авторитетом, он (или иногда она) автоматически обретает харизму, что по-гречески означает «духовное начало». Харизмой иногда обладают — по крайней мере, в глазах последователей — религиозные лидеры, поскольку их власть основывается на вере. Нацизм, как светская религия, имел мало отличий. Историк Майкл Бёрли показывает, как много нацистская идеология имела общего с религиозным культом, и прежде всего в том, что касалось обожествления фигуры Мессии³⁷. Авторитет фюрера не вызывал сомнений, и Гитлер намеренно подчеркивал приобретенную им харизму, поддерживая свой статус сверхчеловека. Он старался избегать всего, что

могло выглядеть непопулярным или заставить его казаться способным на ошибки. Он редко демонстрировал свои чувства и умышленно старался избегать ситуаций, требующих проявления обычных человеческих чувств.

Почти все, кто был знаком с Гитлером лично, подтверждают, что в его присутствии трудно было чувствовать себя спокойно. Хотя фильм, снятый его любовницей Евой Браун, свидетельствует о том, что на светских мероприятиях он, как правило, держался дружелюбно и вежливо, тем не менее, ему не были присущи подлинная теплота и душевность. Вместо этого Гитлер предпочитал напускать на себя неприступный вид. Он никогда не вступал в искренние личные отношения с другими людьми; в действительности его самым близким другом была овчарка Блонди.

Гитлер женился всего за несколько часов до своего самоубийства. Еву Браун скрывали от общественности, и о ней было известно только самым близким фюреру людям. Все источники согласны с тем, что Гитлер никогда не выказывал к ней настоящего интереса; она была достаточно привлекательна для того, чтобы в ее обществе приятно было находиться, и так оно и было до тех пор, пока не стали очевидны ее безусловная храбрость и искренняя решимость оставаться с ним до конца. Она хотела умереть как добропорядочная женщина, законная немецкая жена, пускай и вступившая в брак в бункере, и он оказал ей эту честь в награду за желание умереть вместе с ним. После этого они, вероятно, поссорились, поскольку она никак не подтвердила свое намерение присоединиться к нему в путешествии через Стикс.

Отношения с людьми

Гитлер любил фотографироваться с детьми и животными, детей он при этом никогда не целовал, но под-

вергался всем прочим пошлым приемам современной политической фотографии. Йозеф Геббельс старался представить Гитлера в образе «народного канцлера», подчеркивая его непритязательность во вкусах и близость к простым людям. В то время как многие немцы воспринимали партийных функционеров как важных персон, которых они окрестили «золотыми фазанами», фюрер оставался в их глазах «одним из них». Подобный пропагандистский прием используется многими современными лидерами.

(Сегодня мало кто из американских политиков не снимает пиджак, встречаясь с избирателями.)

Несмотря на близорукость, Гитлер никогда не появлялся в очках на публике. Секретари, печатая для него текст речи, специально использовали крупный шрифт, поскольку ему казалось, что очки могут повредить его имиджу сверхчеловека³⁸. Он также избегал фотографироваться, выполняя какие-либо упражнения, требующие большой физической нагрузки. И даже перед своим камердинером он появлялся, только будучи полностью одетым. Однажды, когда, к большому неудовольствию Гитлера Муссолини сфотографировался в купальном костюме, фюрер заявил, что сам он никогда не допустит подобного. Он, в самом деле, боялся, что «какой-нибудь ловкий мошенник приделает мою голову к телу в купальных трусах!»³⁹. Он стеснялся раздеваться в присутствии врача и никогда бы не согласился на рентген своего чувствительного желудка. Он также отказывался завести массажиста, которого ему советовал глава СС Генрих Гиммлер. Он предпочитал всегда оставаться полностью одетым и даже в самую жаркую погоду носил длинное белое нижнее белье. Об этом стало известно теплым летним днем 20 июля 1944 г., когда в результате взрыва подложенной

заговорщиками бомбы мундир на Гитлере превратился в ключья.

Черчилль же, наоборот, вообще не заботился о том, как он выглядит. Он почти никогда не боялся потерять достоинство, хотя всегда осознавал ту степень уважения, которое должно оказываться человеку его положения, или, как он это называл, «первому министру короля». Когда в 1944 г., находясь в Марокко, Черчилль заболел, двое слуг тащили его на пикник в Атласских горах, используя скатерть в качестве импровизированного гамака. То, что при подобном способе транспортировки невозможно сохранять достоинство, его мало заботило. За работой он часто бывал одет в домашний халат и тапочки. Порой он без всякого смущения раздевался или принимал ванну в присутствии своих коллег или подчиненных. Однажды он даже встретил потрясенного президента Рузвельта, который застал его выходящим из ванны, шуткой: «Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов». Черчилль также питал довольно странное пристрастие к канотье и форменной одежде. Он был единственным премьер-министром, включая даже самого герцога Веллингтона, постоянно носившим военную форму. На одной из фотографий, где он снят вместе с Рузвельтом, Черчилль облачен в форму почетного командора авиации, а на другой — в форму полковника 4-го/5-го батальона (Пяти портов) Королевского Суссекского полка. Хотя большинство людей сочтут подобный эксцентричный вкус в одежде чрезвычайно привлекательным, в данном случае Черчилль, по-видимому, хотел заставить Рузвельта почувствовать свое превосходство. В «Савроле» Черчилль продемонстрировал свою осведомленность о преимуществах, которые дает простота в одежде, пускай даже сам он не следовал сво-

ему совету. Он описывает появление главного героя на правительственном балу: «Он был облачен в строгий вечерний костюм без всяких украшений, орденов или звезд. Он казался мрачной фигурой среди ярких цветов и великолепных униформ. Но, напоминая железного герцога из Парижа, выглядел как всеобщий лидер, спокойный, уверенный и сдержанный»⁴⁰.

К тому времени, как Черчилль занял пост премьер-министра, он, безусловно, производил впечатление человека, мало заботящегося о своей манере одеваться. В 1940 г. он придумал, как он его называл, «костюм-сирену», походивший на комбинезон каменщика, но только сшитый из бархата и сверху донизу застегивающийся на молнию. Хотя подчиненные и посмеивались над его «детским комбинезоном», Черчилль надевал его даже на официальные мероприятия, посещая войска или принимая высокопоставленных иностранных гостей. Подобный стиль не нашел одобрения в Кремле, о чем Черчилль высказался следующим образом: «Им кажется, что в своем стремлении к демократии я зашел слишком далеко». Это подтверждает истину, которая уже была известна Гитлеру: одеваясь неформально, лидер становится более, а не менее заметным.

Нацисты, несомненно, обожали пышные наряды. Трудно представить себе нечто более грандиозное, нежели парадный мундир Генриха Гиммлера, пока не увидишь форму Германа Геринга. Он любил медали и даже придумал несколько новых, зная, что станет первым кандидатом на их получение.

Однако форму самого Адольфа Гитлера не украшали ни золотые галуны, ни эполеты, ни нагрудные знаки, ни орденские ленты или ордена, только Железный Крест простого, но смелого солдата Первой мировой войны, партийный знак НСДАП и какой-нибудь еще небольшой

значок. Гитлер поощрял манеру других нацистских лидеров одеваться кричаще, тогда как сам намеренно предпочитал простой стиль. Это была часть его популистского имиджа «народного канцлера». Он как бы говорил людям, что в отличие от других лидеров обладает такой властью, что не нуждается в каких-то специальных знаках отличия, чтобы подчеркнуть это.

Когда в 1938 г. Гитлер отправился в Рим, чтобы встретиться с Муссолини, он распорядился, чтобы для всех сопровождающих его лиц была сшита особая форма. Поручение было дано Бенно фон Аренту, главному театральному художнику Третьего рейха и Рейхскомиссару по моде, которого Альберт Шпеер за талант, проявленный при создании медалей, прозвал «оловянных дел мастером». Арент был известен более всего как создатель декораций к операм и опереттам, и члены дипломатической делегации в результате оказались облаченными в сюртуки, щедро украшенные золотыми позументами. Только фюрер, как обычно, был одет в простое платье. Он говорил: «Мое окружение должно выглядеть роскошно. Тогда моя простота оказывает поразительный эффект».

Личное пространство

Целиком и полностью выстроенная харизма Гитлера отчасти являлась результатом тщательно выстроенных фотосессий, на которых он представал человеком, любящим простоту и естественность. А для этого необходимо было иметь идеально подобранное место вдали от города и возможность уединения. Лидерам нужно было время от времени демонстрировать физическую недоступность для того, чтобы подчеркнуть свою власть над событиями, и Гитлер прекрасно это понимал. Городок Берхтесгаден

в Баварских Альпах был неразрывно связан с именем Адольфа Гитлера, чье поместье Бергхоф располагалось прямо в горах чуть выше местечка Оберзальцберг. Гитлер очень гордился своими давними связями с этим регионом, которые зародились, когда он перед Пивным путчем инкогнито приехал сюда навестить соратника по политической борьбе, активиста нацистского движения Дитриха Эккарта. Бывая здесь, он останавливался в нескольких гостиницах и, в конце концов, купил дом, ставший центром громадного комплекса, включавшего дома для некоторых высокопоставленных нацистов. Мартин Борман, Герман Геринг и Альберт Шпеер построили свои дома на склоне горы, главным образом, для того, чтобы обеспечить личный доступ к фюреру, что было крайне важно. В толще горы до сих пор сохранились построенные для них бетонные бункеры площадью около 3000 метров, хотя большая часть была взорвана американцами в 1945 г. с тем, чтобы не дать превратить это место в объект паломничества неонацистов. (Это было правильное решение; гостиница на вершине Гран-Сассо в регионе Абруццо в Италии, из которой Муссолини был освобожден в ходе смелой операции, осуществленной батальоном парашютистов, включает музей, хранящий ностальгические воспоминания о действиях десантных сил СС.)

«Да, меня многое связывает с Оберзальцбергом, — вспоминал Гитлер в кругу друзей в январе 1942 года. — Столько идей там родилось и было воплощено в жизнь. Я провел там лучшие часы своей жизни. Там задумывались и доводились до конца все мои великие проекты. Сколько прекрасных часов и чудесных друзей было у меня в те дни!» Если бы призрак Гитлера и бродил где-то, то не в безликом, приглаженном районе Вильгельмштрассе в Берлине, где располагался его бункер, а в Баварских Альпах.

Бергхоф не был архитектурным шедевром, как полагал Гитлер. Фюрер почему-то не любил лакированную мебель, предпочитая обычную сосновую. Биограф Норманн Стоун описывал его, как «здание, подходящее для какого-нибудь злодея из романа Яна Флеминга. Поместье было отделано огромными плитами красного мрамора; на стенах висели трофейные картины; на полу лежал гигантский, толстый ковер; в камине пылало гигантское пламя; громадные кресла располагались на большом расстоянии друг от друга, так, что гостям приходилось почти кричать, обмениваясь общими фразами в сгущающихся сумерках под аккомпанемент вылетающих из камина искр»⁴¹. В честь пятидесятилетия нацистская партия подарила Гитлеру строительное чудо «Орлиное гнездо», каменное сооружение, расположенное на высоте около 1830 м, на вершине горы, откуда он мог любоваться на весь регион, в том числе и на свой любимый Зальцберг.

Однако захватывающая панорама не приносила умиротворения его душе. Парадоксально, но эти прекрасные виды, казалось, наоборот, вдохновляли его на принятие самых крутых решений. Именно здесь, в Оберзальцберге, он замыслил захватить абсолютную власть в Германии, довел до конца свой позорный план по разделу Чехословакии и вторжению в Россию. Йозеф Геббельс, регулярно навещавший Гитлера, постоянно жаловался на страницах дневника на то, сколько времени тот проводит в Оберзальцберге, однако то, что «уединенность гор» подстегивала фюрера к еще более фанатичным действиям, вызывало у него одобрение. В конце марта 1933 г., находясь в Оберзальцберге, Гитлер принял решение о бойкотировании всех еврейских коммерсантов, юристов и врачей по всему Рейху. Потрясающие своей красотой виды явно действовали на Гитлера не

так, как на других людей. Вместо того, чтобы смягчать и успокаивать, они, наоборот, ожесточали его сердце и наполняли его мечтами о расовом господстве. По легенде под одной из высочайших вершин горного хребта Берхтесгаден, Унтерсберг, спит вечным сном император Барбаросса, и потому то, что план вторжения в Россию получил название «Операция Барбаросса», не было случайным совпадением.

Летом 1933 г. Оберзальцберг стал местом паломничества для многих немцев. Как писал Йан Кершоу: «Желающих хоть одним глазком взглянуть на рейхсканцлера скопилось столько, что Гиммлер, как командующий политической полицией, вынужден был ввести в регионе Берхтесгаден особые правила дорожного движения и запретить охотникам следить «за каждым движением народного канцлера» использовать для этого бинокли. В конце концов, дело дошло до того, что, когда днем Гитлер выходил на прогулку, вокруг поместья приходилось выставлять оцепление, дабы оградить фюрера от навязчивого любопытства зевак.

Так возникла традиция ежедневного торжественного марша, когда «до двух тысяч человек всех возрастов со всех концов Германии чувство глубокого поклонения заставляло добираться по крутым горным тропам до Оберзальцберга, зачастую часами томиться в ожидании, и затем, по сигналу одного из адъютантов, молчаливой колонной следовать за Гитлером». По мнению одного из наиболее приближенных к нему адъютантов, Фрица Видемана, подобное неумеренное преклонение было сродни обожествлению и вне всяких сомнений еще больше убеждало Гитлера в том, что он обладает почти сверхчеловеческими способностями.

Кроме того, именно там, среди Баварских Альп, создавались образы, использовавшиеся затем в пропа-

гандистских целях. Сохранилось множество фотографий того периода: фюрер в традиционном баварском костюме — ледерхозен — стоит, прислонившись к дереву; фюрер с улыбающимися, восторженными белокурыми детьми; фюрер гладит свою немецкую овчарку Блонди; фюрер изучает архитектурные чертежи городов, которые он намеревался построить; счастливый, беззаботный фюрер пьет чай с Евой Браун; фюрер в образе отца арийского народа; фюрер в плаще принимает в Бергофе таких высокопоставленных гостей, как Дэвид Ллойд Джордж и герцог Виндзорский; государственный деятель — за работой, подбадривающий стариков, гуляющий по заснеженным склонам.

Иметь место вдали от города, где он мог бы размышлять, писать и отдыхать, было немаловажным также и для Черчилля. Поместье Чартвелл, в графстве Кент, было куплено им в сентябре 1922 г. всего за 5000 фунтов. Столь низкая стоимость объяснялась обветшалостью здания и тем, что оно выставялось на аукцион за 6500 фунтов, но ни одной заявки так и не поступило. Черчилль смог позволить себе это приобретение только благодаря наследству, оставленному дальним родственником, лордом Гербертом Вейн-Темпестом, погибшим при крушении поезда в Уэльсе как раз в то время, когда Черчилль был назначен министром по делам колоний.

Сверх того в течение последующих полутора лет Черчилль потратил почти двадцать тысяч фунтов на восстановление дома, который еще многие годы требовал постоянных денежных вложений, так что Клементина постоянно жаловалась на то, что, в конце концов, он их разорит. И, тем не менее, это было как раз то убежище, какое было нужно человеку, периодически страдавшему от приступов уныния и тоски, — только открывающиеся

оттуда великолепные виды на кентский Уилд способны были вновь поднять настроение.

Если Оберзальцберг по духу был самым вагнеровским и тевтонским уголком в Центральной Европе, то графство Кент было самым английским из английских графств. Так же как географическое положение и внешний вид Бергхофа располагали Гитлера к мечтам о завоеваниях, так и кентский Уилд укреплял Черчилля в решимости противостоять им.

Архитектура

Гитлер был одержим архитектурными проектами, призванными подчеркнуть недавно обретенное величие Германии и его самого. Он, сам того не подозревая, полностью разделял пронизательное замечание Черчилля о том, что: «Сначала мы формируем здания, а потом они формируют нас». Градостроительные планы Гитлера в отношении Берлина отражали его манию величия. Пока Геббельс организовывал масштабные шествия в честь псевдорелигиозного культа личности фюрера, Шпеер получил от Гитлера приказ возвести новое здание рейхсканцелярии, которое должно было одновременно поражать и подавлять посетителей, всего в нескольких метрах от Потсдамской площади. Сегодня от здания не осталось и следа; на его месте сейчас располагается жилой комплекс и — что символично — детский сад. На планах видно, что новая канцелярия Гитлера в двадцать раз превосходила по размерам старую. Дата строительства новой рейхсканцелярии — 1938 год — чрезвычайно важна, поскольку именно в этот год Гитлер объявил о присоединении к Германии Австрии — в марте, и Судетской области — в октябре, добившись, таким образом, достижения двух важнейших внешнеполитических целей, не прибегая при этом к войне.

Строя грандиозные планы по расширению территории на Восток в целях создания *Lebensraum* (жизненного пространства) для германского народа, Гитлер стремился произвести на зарубежных гостей как можно большее впечатление. Шпееру, которого он произвел в архитекторы своей новой столицы, «Германии», Гитлер объяснял: «В скором времени мне предстоит провести очень важные конференции. Для них мне понадобятся большие залы, которые произведут впечатление на людей, особенно на наименее значимых из них». Новое здание рейхсканцелярии имело в длину 400 метров. Хотя формально она располагалась по адресу Фоссштрассе, 2-6, вход в нее находился в другом месте. Шпеер умышленно расположил его, на первый взгляд, в совершенно нелогичном месте — в торце здания со стороны Вильгельмштрассе. Это означает, что прибывающие высокопоставленные гости прежде, чем попасть в кабинет фюрера, должны были пройти по располагающейся в центре величественной Мраморной галерее длиной почти триста метров мимо залов, из которых каждый последующий был роскошнее предыдущего. Гитлер с восторгом воспринял идею Шпеера: «Проделав долгий путь от входа до приемной, они получают представление о могуществе и величии Третьего рейха!»

Кабинет Гитлера представлял собой громадное помещение площадью 360 квадратных метров, украшенное массивными люстрами и колоссальных размеров ковром пастельных тонов. На передних панелях гигантского рабочего стола фюрера помещались фризы с изображением голов трех мифических существ, одной из которых была голова Медузы с извивающимися вокруг нее змеями. В античной мифологии любой, кто видел Медузу, немедленно попадал под действие ее чар и обращался в камень. Гитлер редко работал в этом кабинете;

он служил единственно для приема посетителей и призван был повергать их в трепет перед харизмой фюрера и могуществом Германии.

А теперь давайте сравним все это с резиденцией премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, обычным домом ленточной застройки в районе Уайтхолла, который несколько не выделяется ни своими размерами, ни стилем, по крайней мере, снаружи. Рой Дженкинс описывал его, как «один из самых ветхих домов в Лондоне, построенных в начале восемнадцатого века, — период, славящийся сооружением непрочных построек». Резиденция премьер-министра слегка напоминает ТАРДИС Доктора Кто, внутри нее гораздо больше места, чем может показаться снаружи, поскольку она занимает также прилегающие дома и благодаря системе переходов, невидимых снаружи, соединяется с другими частями Уайтхолла. Трудно представить себе что-то более непохожее на роскошное, но непрактичное здание рейхсканцелярии. Тем не менее, почти вся рабочая зона на Даунинг-стрит могла бы целиком поместиться в кабинете Гитлера.

Неудивительно, что у британского премьер-министра практически нет шансов соперничать с Гитлером в том, что касается харизмы. До войны английские политические лидеры передвигались по улицам без сопровождения телохранителей, политических советников и помощников, как это принято сегодня, и эта доступность также мешала им в приобретении харизмы. Даже во время войны Черчилль часто отправлялся в парламент пешком по Даунинг-стрит. Сегодня, даже в мирное время, премьер-министры предпочитают преодолевать расстояние в триста метров на машине, изъявляя желание пройтись пешком, только когда — как во время похорон королевы-матери в 2002 г. — появляется надежда, что это принесет им политический капитал.

Символы, эмблемы и знаки

Гитлер и лидеры нацистской партии использовали символику и отличительные знаки в военной форме, высоких сапогах, свастике, нарукавных повязках, флагах, гимнах и салютах, которые создавали общий стиль для партии и ее сторонников. Даже самый узнаваемый элемент внешнего облика Гитлера, его абсурдно маленькие усики щеточкой, прошли несколько стадий развития, несколько раз меняя свою форму. Черчилль тоже понимал, что политику необходимо иметь свой фирменный знак. В эссе, посвященном атрибутам политических деятелей — воротничкам Гладстона, трубке Болдуина и тому подобному, он, не вполне искренне, написал: «Ко мне все это не относится». Он что, действительно полагал, будто обычные люди носят такие фетровые шляпы с высоко загнутыми полями, бабочки в горошек, воротники-стойки со скошенными углами и курят сигары такого размера? Летом 1941 г. он стал поднимать в знак победы два пальца, и в его гардеробе имелись буквально десятки шляп: военные и морские шлемы, тропические шлемы, австралийская широкополая шляпа, русские папахи, хомбурги, панамы, цилиндры, один из которых недавно был продан на аукционе за 10 000 фунтов, ковбойские шляпы, даже головной убор индейского вождя. Он редко курил сигары, но на светских мероприятиях непременно появлялся с зажженной «Ромео и Джульеттой», наставляя сопровождавших его членов парламента из числа тори: «Никогда не забывайте о своем фирменном знаке!»⁴²

Гитлер, наоборот, был фанатичным борцом с курением, которое он рассматривал как «мечь краснокожих белому человеку за «огненную воду»». Фюреру удалось найти расовую составляющую даже в курении. Между 1933 и 1945 гг. нацисты развернули самую мощ-

ную антитабачную кампанию в мире, включавшую запрет на курение в общественных местах, ограничения на свободную продажу женщинам табачных изделий. Эта кампания дала толчок к созданию лучшей на тот момент эпидемиологии курения, впервые связав употребление табака с возникновением рака легких. Опасения, что табакокурение может пагубно сказаться на здоровье арийской расы, привели к тому, что немецкие врачи — половина из которых к началу войны являлись членами нацистской партии — возглавили кампанию по борьбе с курением. В рекламе Гитлер, Муссолини и Франко всегда подчеркнуто изображались некурящими, тогда как Сталин и Рузвельт дымили сигаретами, а Черчилль редко появлялся без сигары⁴³.

Несмотря на все эти меры, потребление сигарет в Германии в первые годы нахождения нацистов у власти возросло: если в 1932 г. на душу населения приходилось 570 сигарет в год, то в 1939 г. этот показатель равнялся уже 900. Во Франции за тот же период он с того же уровня поднялся только до 630. Активисты антитабачного движения в Германии жаловались фюреру на «американскую» рекламу, с которой им приходится тягаться, но тот не захотел предпринимать какие-либо действия в отношении табачных компаний, так как они с большим энтузиазмом одними из первых выступили в поддержку его режима и даже выпустили особую марку сигарет *Sturmizigaretten* (Сигареты штурмовиков). Они также обеспечивали солидный приток денежных средств в вечно испытывающую их дефицит казну, в 1937–1938 финансовом году поступления от них составили не менее миллиарда рейхсмарок. К 1941 г. доходы от налогов на табачную продукцию составляли около 8% всех государственных доходов и были чрезвычайно важны для развития военной экономики.

Несмотря на то что в военно-воздушных силах и в почтовом ведомстве, а также на многих промышленных предприятиях, правительственных и партийных учреждениях, домах отдыха и госпиталях был введен запрет на курение — а Гиммлер запретил курить на службе всем офицерам СС, — потребление сигарет, тем не менее, продолжало расти.

Хотя в некоторых бомбоубежищах были оборудованы специальные комнаты, к 1941 г. курить в них, как правило, было запрещено, так же как и в автобусах и поездах в шестидесяти крупных городах Германии. Увеличив в ноябре того же года налог на табак до максимального уровня, нацисты объявили о «начале конца» курения во всем Рейхе. В результате, хотя процент курящих среди солдат был как никогда высоким (около 87,3), количество выкуриваемых ими сигарет снизилось на 23,4%. В 1940–1941 гг. немцы выкурили рекордное — 75 миллиардов — число сигарет: этого достаточно, чтобы сложить цилиндрический блок высотой более ста метров и основанием около 300 квадратных метров.

Управление людьми

Кто, по-вашему, больше преуспел в искусстве управлять людьми — Гитлер или Черчилль? Хотя Гитлер держался особняком и по-настоящему любил только самого себя, он заботился о своих служащих, которые, в свою очередь, поголовно им восхищались. Когда они болели, он навещал их в больнице. Ему нравилось дарить им подарки на день рождения и на Рождество, он даже сам лично их выбирал. Некоторые, например его камердинер, видели в нем своего второго отца.

До самой своей смерти в 2000 г. в возрасте 83 лет любимая секретарша Гитлера Герда Кристиан хранила

теплые воспоминания о человеке, которого она неизменно — даже после 1945 г. — называла «шеф». Она была с ним в бункере до самого последнего момента и впоследствии никогда не сказала ни одного дурного слова о своем «добром и справедливом» начальнике. Не бывает лидеров, ужасных настолько, чтобы у них не нашлось защитников. Едва ли среди жителей Москвы XVI в. удалось бы найти тех, кто с ностальгией вспоминал правление Ивана Васильевича. Он был жестоким царем, признавались бы они за чаркой водки, но справедливым, и его деяния нужно рассматривать в соответствующем историческом контексте. Прозвище «Грозный» являлось скорее уважительным проявлением народной привязанности, нежели выражением критики.

У Чингисхана, по всей вероятности, были сторонники, которые спустя годы утверждали, что он стал жертвой дурной славы, возможно, не знал о том, что творилось от его имени, был неправильно понят и, во всяком случае, он, по крайней мере, заставил яков двигаться по расписанию. С Владом Цепешем, вспоминали сентиментальные трансильванцы, всегда знаешь, где находишься.

Эрик Хобсбаум, которого обычно называют величайшим из ныне живущих историков — хотя бог знает, почему, ведь его современники, такие, как, Роберт Блейк, Аса Бриггс, Алан Буллок, Антония Фрейзер, Пол Джонсон и Хью Томас, все еще с нами — не устает подчеркивать, как Иосиф Сталин модернизировал Советский Союз, и потому не мог быть таким уж плохим. У Ким Ир Сена, Фиделя Кастро, даже у Пол Пота есть свои защитники на Западе. Существует хорошо известный феномен, когда представители интеллигенции и писатели, при каждом удобном случае заявляющие о своей объективности и атеизме, часто первыми начинают поклоняться откровенной силе, и складывается впе-

чатление, что чем ужаснее она себя ведет, тем неистовее поклонение.

Невиданное преклонение, продемонстрированное англичанами в отношении Наполеона, даже в ту пору, когда тот в 1804 г. стоял во главе своей Великой армии под Булонью, являет собой образец этого пагубного феномена. В своей книге «Наполеон и английский романтизм» историк Саймон Бейнбридж ведет хронику того, что он называет «одержимостью» — чувство, которое Байрон, Хэзлитт, Водсворт, Кольридж и Саути испытывали к выскочке-корсиканцу. В политике виги также оказались на грани предательства из-за искреннего восхищения врагом государства. Учась на последнем курсе в Кембридже, Уильям Лэм — впоследствии лорд Мельбурн — сочинил на латыни оду Бонапарту, а в его письмах к матери выражается радость от побед французской армии и сожаление об успехах союзников. Он вместе с Чарльзом Джеймсом Фоксом восхищался «энергией» Наполеона почти в той же степени, в какой английские писатели и аристократы восхищались «энергией» нацистской Германии в 1930-х гг. Историк Артур Брайант дошел до того, что в июне 1939 г., всего за три месяца до начала войны, назвал Гитлера «ожившим Неизвестным Солдатом», причем в отличие от Герды Кристиан он не мог похвастаться личным знакомством с фюрером.

То, что представители интеллигенции попадали в двадцатом веке под зловещее обаяние тиранов, когда поистине блестящие умы, к примеру, Жан-Поль Сартр и Э.Х. Карр загорались платонической любовью к Сталину, как политику, имело самые ужасные последствия для их соотечественников. Критика стихала, потенциальная оппозиция оказывалась загнанной в угол. То, что еще может быть простительно юной секретарше, почти не видевшей жизни за пределами берлинского

бункера, недопустимо для таких прожженных писак, как Уолтер Дюранти, работавший в 1930-х гг. корреспондентом «New-York Times» в Москве, который был непосредственным свидетелем того, как Сталиным умышленно создавались предпосылки для начала голода на Украине, и продолжал с одобрением отзываться о режиме большевиков. Другой американский журналист, Линкольн Стеффенс, как известно, пошел еще дальше и по возвращении из России с энтузиазмом заявил: «Я видел будущее, и оно работает». Это актуально даже сейчас, когда марксизм-ленинизм отправлен на свалку истории — не считая, конечно, Китая, указывающего на наготу короля. Конечно, должным образом направленный, этот импульс может быть даже полезен для дела демократии. Даже когда члены палаты представителей США голосовали за объявление войны Японии после внезапного нападения на Перл-Харбор, один человек — миссис Дженетт Рэнкин из Монтаны — проголосовал против. Она одна выступила против 388, ее решение было опрометчивым и ошибочным, но она не побоялась обозначить свою смелую пацифистскую позицию. Только диктаторские режимы требуют абсолютного единогласия, и результаты выборов, как это случилось в 1985 г. в Северной Корее, где Великий Вождь якобы набрал сто процентов голосов избирателей, чаще говорят скорее об их слабости, нежели о силе.

Что же касается фрау Кристиан, то судьба, в конце концов, над ней посмеялась. «Я не могу пожаловаться на время, проведенное с фюрером, — делилась она с друзьями. — Нам даже разрешалось курить, хотя в Германии в то время курение среди женщин не одобрялось». Поскольку она умерла после долгой и мучительной борьбы с раком легких, можно сказать, что, в конце концов, ее шеф убил и ее тоже.

В отличие от Гитлера, Черчилль со своими подчиненными особенно не церемонился. Ему крайне редко удавалось демонстрировать качество, описанное им в «Савроле» как «величие манер, которыми обладали немногие выдающиеся люди». Как руководитель он иногда бывал груб и язвителен. Секретари с трудом разбирали, по их выражению, «нечленораздельное мычание или отдельные слова, брошенные мимоходом, без всяких пояснений», кроме того, к тем, кто оказывался не в состоянии уловить его мысль, Черчилль часто бывал до обидного резок. «Где, черт возьми, вы учились? — рычал он. — Вы, что, книг не читаете?». Если бы подобное случилось сегодня, Черчиллю было бы не избежать разбирательства в суде по трудовым спорам. Характер у него был ужасный, однако «величие манер», как правило, сглаживало ситуацию. К чести Черчилля нужно сказать, что с коллегами и начальством он был так же несносен, как и с подчиненными.

Известно, что когда в 1920-х гг. у Черчилля, который тогда занимал кресло канцлера казначейства, возникли разногласия с тогдашним министром здравоохранения Невиллом Чемберленом, он в попытке привлечь на свою сторону премьер-министра Стэнли Болдуина расхаживал «по кабинету, крича и грозя пальцем» и разразился «грандиозной тирадой». Чемберлен полагал поведение Черчилля «ребяческим и недостойным» и писал Болдуину: «Ни за какие райские наслаждения я не согласился бы с ним работать! Взрывной! Слово неподходящее, но зато точно отражает его темперамент!»

Летом 1940 г., неся на себе тяжелейшее бремя руководства страной в трудный для нее час, Черчилль получил письмо от своей жены, в котором говорилось: «Существует опасность, что твои коллеги и подчиненные будут относиться к тебе с антипатией из-за твоей

грубой, саркастичной и надменной манеры общаться», и добавлялось: «Должна признаться, я замечаю, как твой характер портится... и с тобой уже не так приятно общаться, как раньше». Черчилль принял это к сведению и попытался измениться, но, как говорил премьер-министр Австралии Пол Китинг: «От лидера не требуется быть милым. От него требуется быть правым и быть сильным»⁴⁴.

Черчилль даже публично признал свою грубость, выступая с речью в Палате общин в июне 1941 г., в которой сказал:

Думаю, что ни одно из пренебрежительных или саркастических выражений, которые мне приходилось слышать от наших критиков, не может сравниться с теми, что я использовал не только в разговоре, но и в письменной форме. Если честно, я удивляюсь, что многие из моих коллег все еще разговаривают со мной.

Следуя совету

Сам факт, что Клементина Черчилль могла написать мужу столь откровенное письмо, говорит о крепком, основанном на любви браке, в котором между супругами существуют честные и прямые отношения. 16 апреля 1908 г. Черчилль, который тогда только ухаживал за Клементиной Хозьер, написал ей в письме: «Как отрадно и приятно мне было встретить девушку, обладающую таким умом и таким запасом великодушия». 18 апреля 1964 г., спустя пятьдесят шесть лет, две мировые войны и два срока на посту премьер-министра, обменявшись с мужем несколькими сотнями писем и телеграмм, Клементина Черчилль писала ему, чтобы сообщить, что в

связи с окончанием парламентской карьеры ему хотели бы нанести визит три партийных лидера. То, что их связывает настоящая любовь, было видно с самого начала; когда она была вдали от него, он писал: «пустое гнездо [кровать] так тоскливо». Абсолютно ошибочно утверждать, как это сделал голливудский актер Кевин Костнер в мае 2001 г. — не представив никаких доказательств, — что Черчилль был неверен Клементине. Предположение, что у Клементины мог быть, по выражению Мэри Сомс, «классический курортный роман» с продавцом картин Теренсом Филиппом, является предметом споров между историками. Под солнечными часами в Аллее золотых роз в Чартвелле был похоронен голубь — память о мимолетном увлечении Клементины, которого ей преподнес Филипп, сопроводив подарок отрывком из стихотворения Уйэна Керра:

Здесь лежит голубка с Бали.
Не стоит уезжать слишком далеко
От рассудительных людей,
Здесь лежит другой остров,
Я снова думаю о нем⁴⁵.

Если предположить, что «рассудительным человеком», о котором идет речь в стихотворении, был Черчилль, то отрывок становится еще более интригующим.

Несмотря на этот романтический эпизод, Клементина Черчилль была женщиной суровой. Она не проводила много времени с самыми интересными из друзей мужа — лордом Бивербруком, Бренданом Брэкенем и лордом Биркехедом, но обладала способностью одним лишь пристальным взглядом заставить замолчать таких людей, как генерал де Голль и Монтгомери, совсем как тетя Агата из романов Вудхауза о Дживсе и Вустере. Кто-то с более слабым характером, вероятно, не смог бы

так долго прожить в браке с таким беспокойным и требовательным человеком, каким был Уинстон Черчилль. Самые нелицеприятные слова всегда произносились ею только в его защиту. В 1953 г. на обеде у французского посла она случайно услышала высказывание бывшего министра иностранных дел лорда Галифакса о том, что ее муж стал помехой для партии тори, и резко возразила: «Если бы страна полагалась на вас, мы могли и не выиграть войну». Искренние и равные отношения Клементины и Черчилля не похожи на отношения Евы Браун и Гитлера — даже проведя рядом с ним несколько лет, она продолжала называть его «mein Führer», и невозможно представить, чтобы она, отозвав его в сторону, пыталась как-то убедить быть помягче с подчиненными, даже если бы он ее об этом попросил.

Высказывается предположение, что причиной того, что отношения Гитлера с Евой Браун закончились браком, только когда ему исполнилось пятьдесят шесть лет и до смерти оставались считанные часы, был его гомосексуализм. В основанной на результатах глубоких исследований и прекрасно аргументированной, но совершенно неубедительной книге профессора Бременского университета Лотара Махтана «Скрытый Гитлер», опубликованной в 2001 г., фюрер предстает таким же гомосексуалистом, как в фильме Мела Брукса «Продюсеры». Махтан не только заявлял, что до 1933 г. Гитлер имел беспорядочные гомосексуальные связи, а затем беспощадно подавлял в себе эти наклонности, но даже утверждал, что «Ночь длинных ножей» в июле 1934 г. была организована им именно с целью скрыть этот постыдный секрет.

К сожалению, как почти всегда бывает с теориями такого рода, доказательства в лучшем случае представляются сомнительными и поверхностными, а в худшем

попросту являются инсинуациями. Хотя были опубликованы десятки автобиографических сочинений, озаглавленных «Я был шофером Гитлера», «Я был врачом Гитлера» и «Я был слугой Гитлера», никто не решился на создание заведомого сенсационного бестселлера под названием «Я был любовником Гитлера». Профессор Махтан объясняет это тем, что среди 150 человек, убитых в «Ночь длинных ножей», было много фашистов и тех, кто знал о наклонностях Гитлера, и что это массовое «уничтожение свидетелей и свидетельств» было почти тотальным.

Однако теория профессора Махтана вызывает целый ряд сомнений. Йозеф Геббельс известен своим брезгливым отношением к гомосексуалистам: согласился бы он служить под началом и, в конце концов, убить себя, жену и шестерых детей ради человека, которого он подозревал в этом грехе? Генералов, заподозренных в гомосексуализме, ждал крах карьеры, нетрадиционная сексуальная ориентация считалась преступлением, наказанием за которое была отправка в концлагерь. Хотя в защиту своей теории профессор Махтан повторяет многое из антигитлеровской пропаганды 1920-х — начала 1930-х гг., она чрезвычайно сомнительна по своей сути, поскольку заимствована у самых ярых политических противников Гитлера.

После посмертного «разоблачения» историками и теледокументалистами лордов Баден-Пауэрла, Китченера и Монтгомери вопрос о человеке, чей брак был по сути вынужденным, становился неизбежным.

Но не только репутация фюрера была запятнана. По словам бывшего товарища Гитлера по окопам, солдаты мазали его пенис ваксой, когда он спал, что, по утверждению профессора Махтана, было «обычным делом» в немецкой армии.

Человеком, рассказывавшим эту и другие подобные истории о Гитлере, был Ганс Менд по прозвищу «Призрачный Всадник». Хотя во время войны Менд действительно служил в одной части с Гитлером, сам он был педофилом, подвергавшимся тюремному заключению за преступления сексуального характера и предъявлявшим к Гитлеру денежные претензии. В конце концов он сгинул в Дахау, и это считается свидетельством того, что Гитлер заставил-таки его замолчать, но его смерть вполне могла стать результатом и других его поступков. Как бы то ни было, Гитлер позволил Менду прожить еще несколько лет после того, как руководители «коричневорубашечников» погибли от его рук, что было странным упущением с его стороны, если он действительно хотел заставить замолчать тех, кто знал о его тайнах в прошлом.

Далеко не новое обвинение в гомосексуализме до 1933 г. регулярно предъявлялось Гитлеру со страниц немецких социал-демократических и коммунистических газет. Вряд ли эта тема была такой уж запретной, как ее пытался представить профессор Махтан, поскольку во многих из десяти тысяч публикаций, посвященных Гитлеру, затрагивалась эта возможная сторона его личности, и в частности его взаимоотношения с Рудольфом Гессом и Альбертом Шпеером. Если верить профессору Махтану, Гитлер был ненасытным, неразборчивым в связях гомосексуалистом, объектом страсти которого становились шоферы, товарищи по оружию, венские мужчины-проститутки и случайные партнеры, но почему-то он говорит: «нам не следует заходить слишком далеко в наших предположениях о том, носили ли гомосексуальный характер отношения между Гитлером и Шпеером, и в какой степени». Профессор Махтан даже пытается убедить нас в том, что Гитлер женился на «па-

цанке» Еве Браун — которая предпочла умереть вместе с ним, несмотря на тот факт, что ей, вероятнее всего, было известно, что для него она была всего лишь «прикрытие» — для того, чтобы отвлечь историков будущего от его гомосексуального прошлого. Профессор Норман Стоун в 1980 г. более глубоко подошел к изучению вопроса о сексуальности Гитлера, в процессе работы над биографией «Гитлер», и предложил гораздо более правдоподобную теорию, нежели история об активном гомосексуалисте, который, став канцлером Германии, внезапно изменился. Стоун утверждал, что Гитлер был «полубесполом», и что уровень тестостерона у него в крови составлял только половину нормы: «Никто не знал, что происходит у Гитлера в голове, а он никогда ничего не показывал». Более того, в 35 лет он, возможно, был еще девственником.

Стоун полагал, что единственной настоящей любовью Гитлера была архитектура, что рождает еще один парадокс, учитывая, сколько прекрасных зданий было разрушено по его воле. Он не нуждался, или почти не нуждался, в мужчинах или женщинах, как в сексуальных объектах, поскольку сексуальный акт опускал его до их примитивного уровня. Он был близок с Гессом, который не был гомосексуалистом, и с Рёмом, который им являлся, и говорил им обоим «du» («ты»), но это, несомненно, не является свидетельством того, что он когда-либо занимался содомией с кем-то из них или имел такое намерение.

Эрнст «Путци» Ханфштенгль, как все, кто знал Гитлера в дни становления нацистской партии, считал его «зажатым, мастурбирующим типом», по крайней мере, до тех пор, пока преувеличивать сексуальные проблемы бывшего шефа перед американскими секретными службами было в его интересах. Поскольку Гитлер, по всей

видимости, имел связь с собственной племянницей Гели Раубаль, что, возможно, привело ее к самоубийству в 1931 г., он был в лучшем случае бисексуален. «Он был очень одиноким человеком, но был готов довольствоваться долгим романом с властью» — таков был вердикт профессора Стоуна, и он звучит куда более убедительно, чем теория профессора Махтана.

Даже если Гитлер и был гомосексуалистом, это никак не объясняет его действий как политика. Если отставить в сторону тщательнейшим образом выстроенную харизму, открывается вполне заурядная личность Гитлера. Как осторожно заметил профессор кафедры современной истории Кембриджского университета Ричард Эванс: «Единственное, что было в Гитлере выдающегося, так это демагогический ораторский талант, который он чуть ли не случайно обнаружил в себе после Первой мировой войны. Что же касается остального, то в частной жизни он кажется обычным человеком, неоригинальным в своих идеях и фанатичным, но не более других ультраправых идеологов Веймарской республики, в интуитивной, но, в конечном счете, политически мотивированной ненависти к евреям»⁴⁶. Черчилль же, напротив, был выдающейся личностью практически во всех отношениях.

Делегирование против вмешательства

Черчилль был известен своей склонностью к мелочной опеке и вмешательству в дела других людей. Сегодня бы его назвали «микроменеджером». Личный секретарь, работавший у Черчилля, когда тот занимал пост в казначействе, Перси Джеймс Григг, вспоминал: «Протокол одного утреннего совещания запросто мог

охватывать совершенно разные области — от разработки проекта важного официального документа или идей для будущего бюджета и до некоторых желаемых улучшений в процессе делопроизводства или неуместности снабжения Управлением общественных работ британского правительства чехословацкими спичками».

Каждое утро, даже не встав с постели, Черчилль раздавал бесконечные инструкции и осведомлялся обо всем, что приходило в его изобретательный и пытливый ум. Например, в 1920-х гг., будучи канцлером казначейства, однажды перед обедом он попросил своего финансового секретаря изучить вопрос о приостановке повышения зарплат учителям; поинтересовался у члена кабинета министров, действительно ли есть необходимость увеличить количество подводных лодок, базирующихся в Гонконге; и послал запрос в Министерство иностранных дел о стоимости дипломатических телеграмм, поступающих к ним из Персии. Такой сверхконтроль над деталями вызывал недовольство и раздражение среди давнишних служащих казначейства, не одобрявших попытки Черчилля вмешиваться в вопросы, которые, по их мнению, прекрасно разрешались на соответствующих нижестоящих уровнях.

На посту канцлера Черчилль также пытался руководить «British Gazette», официальным печатным органом британского правительства, во время Всеобщей стачки 1926 г., и в результате дело дошло до того, что редактор отчаянно пытался не пускать его в здание, где печаталась газета. В первую ночь он пожаловался премьер-министру Стенли Болдуину на то, что Черчилль пытался «заставить персонал делать то, что не входит в круг их служебных обязанностей» и «ужасно с ними разговаривал». Пять дней спустя редактор снова пожаловался: «Он является в то время, когда работы больше

всего, и настаивает на замене точек и запятых до тех пор, пока не доводит людей до бешенства!» Хуже того, Черчилль, по-видимому, упорно пытался показать работникам типографии, как надо работать на их же собственных станках.

Гитлер подходил к работе в правительстве совершенно в ином ключе. Он терпеть не мог проводить заседания и читать отчеты и с большой неохотой вел какие-либо записи. «Одна гениальная идея, — говорил он, — стоит больше, чем целая жизнь добросовестной конторской работы». Черчилль, напротив, был крайне трудолюбивым работником, который, по его собственным словам, «обнаружил, что я могу добавить к моему рабочему дню пару часов, если прилягу на часок после обеда». Такой режим, эффективность которого автор может засвидетельствовать, во время войны позволял Черчиллю доводить своих сотрудников до изнеможения, поскольку давал ему возможность оставаться на ногах примерно до двух часов ночи, что несчастные, не имевшие возможности вздремнуть днем, находили очень утомительным.

Гитлер, наоборот, был довольно ленивым. В то время как Черчилль постоянно занимался решением сложных экономических вопросов, хотя и не всегда успешно, Гитлера они почти не занимали. «У меня талант упрощать проблемы и сводить их к простейшей формуле», — заявлял он в 1932 г. Он знал, чего хочет: покончить с безработицей и провести массовое перевооружение. Поэтому он назначил ведущего немецкого экономиста Ялмара Шахта министром экономики и главным уполномоченным по военной экономике, а затем дал ему возможность самому принимать решения. «Инфляция есть результат отсутствия дисциплины, — говорил Гитлер Шахту, — отсутствия дисциплины у покупателей и от-

сутствия дисциплины у продавцов... Я прослежу за тем, чтобы цены сохраняли стабильность. Для этого у меня есть мои «коричневорубашечники»⁴⁷. Его взгляды на экономику придают фразе «командная экономика» даже еще более зловещее значение.

Шахт действительно сумел добиться поразительно-го экономического роста, но какой ценой! Дефицитное финансирование гитлеровской программы перевооружения привело к тому, что через три года быстрого экономического роста, к середине 1930-х гг., продовольственные магазины в Германии начали ощущать нехватку товаров. Министр сельского хозяйства Рихард Дарре забеспокоился. Он забрасывал канцелярию Гитлера докладными записками и целых два года пытался добиться аудиенции фюрера, но безрезультатно. Гитлера не интересовали, как он считал, пустяковые экономические проблемы, решение которых следовало оставить специалистам.

Гитлер вмешался, только когда стало ясно, что его планы по наращиванию вооруженных сил под угрозой. Шахт предупреждал, что Германии грозит финансовый крах, если расходы на перевооружение не будут сокращены, но Геринг лучше него знал, что хочет слышать Гитлер, и хвастался: «Я ничего не понимаю в экономике, но я обладаю неудержимой волей». Если Шахт пытался ограничить программу по перевооружению, то Геринг видел возможность угодить своему боссу и укрепить свою власть. Он обещал осуществить т.н. четырехлетний план, который обеспечит страну как продовольствием, так и оружием. Так что Гитлер назначил его уполномоченным по четырехлетнему плану, и за какие-то несколько месяцев Геринг привлек к работе множество экспертов по различным экономическим вопросам, каждый из которых соперничал со своими коллегами из Министерства экономики Шахта.

В мае 1937 г. Шахт пожаловался Гитлеру на интриги Геринга, но фюрер отмахнулся от него. Он не желал больше заниматься этим вопросом и велел Шахту разбираться с Герингом самостоятельно. Спустя несколько месяцев Шахт понял, что ему ничего не остается, как подать в отставку. Это был типичный пример того, как Гитлер руководил нацистским государством. Его не интересовали стратегические или административные детали. Вместо этого он обозначал общие цели и задачи, а затем предоставлял своим подчиненным самим справляться с их выполнением.

Для подчиненных лучшим способом взаимодействия с Гитлером было придерживаться тактики генерал-полковника Вальтера Моделя, который избегал обращаться к фюреру с просьбами, всегда выступал с убедительными предложениями, свидетельствующими о его энергичности, периодически игнорировал приказы, выполнение которых считал невозможным, и часто ставил Гитлера перед свершившимся фактом, докладывая о том, что уже было сделано. Это часто срабатывало, особенно если Моделю удавалось убедить фюрера, что он сам является автором той или иной стратегии, и в этом случае поддержка ему была обеспечена. Модель не отличался хорошими манерами, но был абсолютно предан. Прозванный «львом обороны» и «пожарным фюрера» за то, что Гитлер постоянно перебрасывал его с одного фронта на другой в попытках сдержать наступление Красной Армии в 1944–1945 гг., Модель, в конце концов, застрелился 20 апреля 1945 г.

Гитлер даже поощрял конкуренцию между различными частями государственного аппарата, поддерживая своего рода неodarвинистское соперничество между министрами и приспешниками. Придерживаясь абсолютно противоположных «командному методу» спосо-

бов управления, Гитлер никогда не обращал внимания, если кто-то из членов правительства вдруг становился другим поперек горла. Так, министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа терпеть не мог министр пропаганды Йозеф Геббельс, которого в свою очередь не выносил партийный босс Мартин Борман, которого ненавидел шеф СС Генрих Гиммлер, которого боялся министр вооружений и боеприпасов и личный архитектор Гитлера Альберт Шпеер, которого не любил командующий Люфтваффе Герман Геринг, которого в свою очередь ненавидел Риббентроп. Поддерживал же огонь под этим бурлящим котлом вражды и ненависти сам фюрер, которому все они, в конечном счете, подчинялись. Ситуация явно была абсурдной, но она устраивала Гитлера, поскольку отвечала его дарвинистским взглядам и укрепляла личную власть, ставя его в положение верховного арбитра между всеми соперничающими группировками.

Иллюстрацией избранного Гитлером метода руководства могут служить воспоминания Шпеера о том,

что одним из видов удовольствия было для него выслушивание пересказов, с массой подробностей, послем Хевелем, представителем Риббентропа при Гитлере, разговоров по телефону с министром иностранных дел. Гитлер давал ему советы, каким образом он может смутить или привести в смятение своего шефа. Бывало, что Гитлер вплотную подходил к Хевелю, беседовавшему с Риббентропом, и тот, прикрыв микрофон рукой, повторял слова министра, а Гитлер нашептывал ответы. Чаще всего это были саркастические реплики, которые не могли не усилить озабоченность и без того подозрительного министра, что во внешнеполитических вопросах Гитлер может оказаться под влиянием не

тех кругов и тем самым поставить под вопрос его компетентность как министра*.

Управлять правительством подобным образом было неприемлемо.

После начала войны в 1939 г. Черчилль получил пост первого лорда Адмиралтейства, возглавив весь театр военно-морских действий. Сразу же стало очевидно, что пребывание в политической опале не уменьшило склонности Черчилля к микроменеджменту. Из своего офиса в здании Старого Адмиралтейства — который сегодня называют «Кабинетом Черчилля» — он забрасывал подчиненных и коллег записками, касавшимися буквально всех аспектов введущейся войны. Один морской офицер писал в своем дневнике: «Уинстон Черчилль проявляет огромную личную заинтересованность и стремится вникнуть в морское дело. Он удивительный человек и проявляет поразительное понимание ситуации, но я бы предпочел, чтобы он действовал в своей области»⁴⁸. Черчилль признавал в себе это качество, заявив в Палате общин три года спустя: «Я не из тех, кого нужно подталкивать. Я сам, если хотите, подтолкну кого угодно».

В понимании Черчилля, «область» его деятельности как первого лорда адмиралтейства выходила далеко за рамки забот о нуждах британского флота. В письме к министру иностранных дел лорду Галифаксу, написанном 10 сентября 1939 г., всего через неделю после вступления в должность, Черчилль, прежде чем перейти к комментариям телеграмм из Египта, высказывал мнение, что друг министра, посол Великобритании в Италии сэр Перси Лорейн, «не понимает наших намерений». Окончание письма звучит как вежливая угроза: «Я надеюсь, что вы не буде-

* Альберт Шпеер. Воспоминания. 1998 г., Русич

те против, если время от времени я стану обращать ваше внимание на содержание телеграмм, показавшееся мне странным, поскольку это будет лучше, чем если я подниму этот вопрос на заседании кабинета». Через несколько дней Черчилль направил Галифаксу служебную записку, в которой призывал включить Болгарию в Балканский блок. В то же время он писал письма лорду-хранителю печати Сэмюэлю Хору, начинавшиеся словами «Мой дорогой Сэм», в которых интересовался необходимостью введения нормированного распределения бензина и мяса, ограничения увеселительных мероприятий, затемнения, и предлагал формировать «войска местной обороны из пятисот тысяч мужчин старше сорока». Последнее также завершалось угрожающими интонациями: «Со всех сторон я постоянно слышу жалобы на отсутствие организации на внутреннем фронте. Можем мы с этим разобраться?»

Стремление вмешиваться и контролировать мельчайшие детали не так уж необычно для энергичных лидеров, и в этом необязательно есть что-то плохое. Активное управление может быть очень эффективным, но все зависит от того, как оно осуществляется. Главная проблема с микроменеджментом состоит в том, что, чем выше квалификация сотрудников, тем больше они реагируют на указания, как им следует выполнять свою работу. Большинство подчиненных и коллег Черчилля согласны были терпеть его вмешательство только потому, что он обладал способностью внушать уверенность и боевой дух, в которых страна отчаянно нуждалась. По словам одного из секретарей, он был не просто «грандиозным раздражителем», но и «фантастическим тонизирующим средством»⁴⁹. К счастью, последнее преобладало. Энергичность и воодушевленность Черчилля многократно компенсировали все его ошибки и просчеты, даже во время операции в Норвегии в 1940 г.

Идея операции принадлежала самому Черчиллю. Еще в сентябре 1939 г. он предлагал перекрыть Германии некоторые маршруты доставки железной руды, заминировав территориальные воды Норвегии, сохранявшей нейтралитет. Пока утрясались всевозможные юридические и дипломатические вопросы, прошло несколько месяцев. Когда наконец в апреле 1940 г. корабли британского флота были посланы к берегам Норвегии, немцы нанесли удар первыми. Будучи прекрасно осведомлены о планах союзников, они оккупировали главные норвежские порты прежде, чем туда прибыли англичане. После нескольких недель боевых действий англичанам удалось занять ключевой порт Нарвик, чтобы на следующий же день эвакуироваться оттуда. Вскоре Норвегия оказалась в руках Гитлера, а величайшая морская держава в мире потерпела унижительное поражение. Один из многих парадоксов того периода заключался в том, что катастрофа в Норвегии вынудила Чемберлена уйти в отставку, и на пост премьер-министра был назначен Черчилль, и это несмотря на то, что первый лорд в гораздо большей степени был непосредственно ответствен за просчеты союзников в ходе операции, чем премьер-министр. Но лидеров чаще судят по их духовному посылу, а не по делам, и, как правило, это справедливо. И Черчилль обладал одним важным качеством, которое прежде всего необходимо великим лидерам: способностью вдохновлять других.

И Гитлер, и Черчилль обладали способностью во время войны вызывать у народа сильные националистические чувства. Так же как у Шарля де Голля была «определенная идея в отношении Франции», так и у Черчилля имелась определенная идея о том, что собой представляет и какой может стать Англия, и, исходя из его представлений об английской истории (зачастую

чрезмерно романтизированных), картина была достаточно героической. Гитлер не обладал подобным интуитивным пониманием подлинного характера немецкого народа и присущих ему национальных особенностей. Он мог играть на его боли и раздражении, но это была единственная мелодия в его репертуаре, тогда как Черчилль умел прислушиваться к веяниям времени и соответствующим образом подстраиваться под них.

Что бы Черчилль ни говорил про Трафальгар, Наполеона и Нельсона, Гитлеру было еще очень далеко до своего Ватерлоо, что и вынужден был признать Черчилль в июле 1940 г., когда заявил, что верит в то, что к 1942 г. «война перестанет быть оборонительной». Его прогноз оказался верным — в конце 1942 г. союзникам удалось добиться первых крупных успехов в войне, одержав победу в сражениях под Эль-Аламейном и Сталинградом, — но он все еще не в силах был предложить реальный повод для оптимизма. Он призывал к слепой вере, и благодаря его лидерским качествам, ораторскому таланту и отсутствию хоть какой-нибудь достойной альтернативы у него все получилось.

Гитлер тоже поощрял веру в то, что борьба, которую вела Германия, являлась продолжением славных побед прошлого. Себя он выдавал за духовного наследника великих германских героев, прямого преемника таких гигантов, как император Барбаросса, Отто фон Бисмарк, в честь которого был назван один из самых известных немецких военных кораблей, и Фридриха Великого, о чьих подвигах ему читал Геббельс в апреле 1945 г., когда бойцы Красной Армии уже стояли на пороге Рейхсканцелярии.

И Гитлер, и Черчилль требовали от народа своих стран проявления величайшего самопожертвования, — абсолютно парадоксальная форма лидерства. Во всех

руководствах и книгах, написанных гуру менеджмента, нас учат, что «основная задача лидера заключается в том, чтобы вызывать в своих последователях добрые чувства. Это случается, когда лидер создает *резонанс* — источник положительных эмоций, которые высвобождают доброе в людях»⁵⁰. Невзирая на содержащийся в последнем высказывании циничный расчет, факт остается фактом — жертвуя, люди могут ощущать прилив бодрости, это может пробуждать в них все самое хорошее — по крайней мере, в военное время. Чтобы добиться популярности, политикам необязательно всегда демонстрировать непоколебимый оптимизм. За ужином, состоявшимся 15 декабря 1940 г., во время ночных бомбежек Лондона, один из заместителей Черчилля Ричард Лоу проиллюстрировал справедливость этой истины, когда, обращаясь к личному секретарю Черчилля, сказал: «Секрет силы Гитлера кроется в призыве к самопожертвованию. Премьер-министр понял это, и его речи в этом отношении блестящи, а [министр труда Эрнест] Бевин полагал, что он мог бы поддержать в людях надежду, пообещав им повышение зарплаты и наступление лучших времен. И он ошибся»⁵¹.

Единственное, что Черчилль не просил британский народ принести в жертву, это надежда. До вступления России и Америки во Вторую мировую войну в 1941 г. невозможно было предсказать, как именно удастся победить Гитлера — даже Черчилль не мог знать этого наверняка, но его радиобращения, тем не менее, не оставляли ни малейшего сомнения в том, что когда-нибудь это непременно произойдет:

Своей стойкостью и выдержкой мы, жители столицы, поднимаем боевой дух наших защитников на море, в воздухе и в сухопутных войсках.

Пусть наши доблестные воины знают, что они сражаются за свободу народа, который не боится трудностей военного времени и ни за что не сдастся. Для всех истинных патриотов Британии страдания являются очистительным источником вдохновения и жизненной силы, а каждая одержанная победа воспринимается с позиции не только интересов нашей страны, но и интересов всего человечества, ведь каждая наша победа — это не просто сиюминутный успех, а важный шаг, приближающий всех людей к счастливому будущему.

Движущей силой харизматичного лидерства Гитлера являлось стремление к власти. Черчилль же доказал, что для того чтобы вдохновлять других, лидеру не нужны ни харизма, ни диктаторские полномочия. После встречи с Гитлером людям казалось, что он, фюрер, способен добиться чего угодно. А повстречавшись с Черчиллем, они чувствовали, что им самим по плечу любые свершения. Подлинное вдохновение побеждает искусственно созданную харизму.

«Работа на фюрера»

Одним из лидерских приемов, доказавших свою высокую эффективность, являлось поощрение так называемой «работы на фюрера», или, иными словами, выполнение действий, которые, как полагали, могли доставить ему удовольствие, даже если он не давал прямых указаний. Наиболее наглядным образом это проявлялось в нацистской Германии в ходе войны с евреями. Вслед за смещением Герингом Шахта начали предприниматься все более радикальные шаги по

изгнанию евреев из всех сфер германской экономики. К апрелю 1938 г. более 60% компаний, принадлежавших евреям, были ликвидированы или «аризированы». В течение 1938 г., после аншлюса Австрии, по всему рейху набирали силу антиеврейские настроения. Гитлер понимал, что для поддержания авторитета на международной арене очень важно, чтобы его имя напрямую не было связано с антиеврейской кампанией. Например, в прессе не допускались дискуссии на тему «еврейского вопроса», когда он в 1938 г. посещал различные части Германии.

На следующий день после покушения на убийство Эрнста фом Рата, третьего секретаря посольства Германии в Париже, польским евреем Гершелем Гриншпаном, руководителями партийных ячеек на местах были организованы антиеврейские демонстрации и погромы по всей Германии. Вечером 9 ноября 1938 г. лидеры нацистской партии собрались в Старой ратуше в Мюнхене, чтобы отпраздновать пятнадцатую годовщину Пивного путча. К тому времени, когда начался прием, фом Рат умер от полученных ран. Геббельс написал в своем дневнике: «Я изложил суть дела фюреру. Он решил: пусть демонстрации продолжаются. Полиция не должна вмешиваться. Евреям пора наконец почувствовать гнев народа».

Геббельс ухватился за возможность поправить свои взаимоотношения с фюрером, которые серьезно пострадали из-за семейных проблем, вызванных его отношениями с чешской киноактрисой Лидой Бааровой. Это был его шанс вернуть утраченное расположение, «поработав на Гитлера» в столь важном деле. После того как Гитлер покинул Старую ратушу, Геббельс произнес пламенную речь, в которой предлагал партии возглавить организацию и проведение «демонстраций» против евреев по

всей стране. Партийные лидеры тотчас дали соответствующее поручение своим подчиненным на местах, и активисты и штурмовики бросились уничтожать синагоги, жизни и имущество евреев.

Гитлер категорически настаивал на том, чтобы СС не принимало участие в погромах «Хрустальной ночи». «Демонстрации» должны были выглядеть «спонтанными вспышками народного гнева», как называл это Геббельс, а из-за вмешательства СС они больше стали бы походить на организованные операции. На деле же мало кого удалось обмануть. Всего через шесть недель после подписания Мюнхенского соглашения истинный характер нацистского режима снова был продемонстрирован всему миру. Гитлер поспешил заявить о своей непричастности к этим событиям, но ясно, что Геббельс действовал при его полной поддержке, что бы там ни говорили сторонники фюрера. В секретной речи, произнесенной перед сотней ведущих журналистов на следующий день после погромов, Гитлер с похвалой отозвался о триумфе геббельсовской пропаганды. Через несколько дней, 15 ноября, в дневнике Геббельса появляется запись о том, что фюрер «пребывает в прекрасном расположении духа. Резко настроен против евреев. Всецело одобряет мои, и свои, действия». Более того, Гитлер теперь дает понять Герингу, что ждет от него правильного решения «еврейского вопроса».

Геринг воспользовался возможностью получить финансовое вливание в терпящий трудности четырехлетний план. Страховым компаниям было сказано, что они должны будут покрыть убытки, если их иностранные предприятия пострадают. Что касается евреев, то на них абсурдно возложили ответственность за им же нанесенный ущерб. Страховые суммы были выплачены рейху, но не евреям, а Геринг обязал их выплатить штраф в один

миллиард марок в качестве «компенсации ущерба Германии». С 1 января 1939 г. все евреи должны были быть полностью исключены из экономической жизни рейха.

Поразительная потребность со стороны подчиненных произвести впечатление на Гитлера привела к тому, что нацистская политика приобрела более радикальный характер. «Хрустальная ночь» показала всему миру, если прежних предупреждений — в частности Черчилля — ему было недостаточно, что нацизм — это идеология зла, которая вероятней всего ввергнет его в войну. С экономической точки зрения четырехлетний план Геринга был попросту неэффективен, и деньги, потраченные на перевооружение, нужно было как-то возмещать. Война была бы решением проблемы, и Гитлер стремился к ней с самого начала. Черчилль был прав. В день, когда война была объявлена, Невилл Чемберлен назначил Черчилля на пост первого лорда Адмиралтейства. Уинстон вернулся.

ГИТЛЕР И ЧЕРЧИЛЛЬ ПОСЛЕ 1940

Теперь война стала отвратительна, она утратила весь свой романтический ореол. Только и остается секретарям нажимать кнопки.

Слова Черчилля, сказанные члену парламента Роберту Бернесу в чайной комнате Палаты общин в 1930-х гг.

С первых же месяцев войны, в период, известный как «странная война» или «сидячая война», в то время как другие ратовали за соблюдение осторожности, Черчилль призывал к действиям, причем не только у себя дома, но и за границей. Тем не менее его уверенность в надежности британской системы противолодочной обороны была необоснованной. Авианосец «Courageous» («Отважный») был торпедирован в Бристольском заливе в сентябре 1938 г. В следующем месяце немецкая подводная лодка проникла сквозь оборону в заливе Скапа-Флоу и потопила британский линкор «Royal Oak» («Королевский Дуб»). В первые девять месяцев войны потери английского флота, причиненные относительно небольшим количеством вражеских подводных лодок и магнитных мин, составили 800 000 фрахтовых тонн. Однако в конце весны 1940 г. Черчилль публично утверждал, что Королевский флот довел количество немецких субмарин менее чем до десяти единиц. Если считать эти данные точными, флот находился в наилучшем положении среди всех армейских подразделений, противостоящих германской армии. К сожалению, это было не так,

и Черчиллю пришлось перевести на действительную службу Начальника управления по противолодочной обороне, который сообщал ему об истинном положении дел.

20 января 1940 г. Черчилль выступил с радиообращением к народам нейтральных стран, в котором убеждал голландцев, бельгийцев и скандинавов «встать плечом к плечу с британской и французской империями против агрессии и зла». Это только побудило Гитлера предпринять упреждающие действия. Трофейные протоколы заседаний с участием Гитлера показывают, что в начале 1940 г. он все еще считал «поддержку норвежского нейтралитета наилучшим курсом для Германии», но в феврале пришел к заключению, что «англичане намереваются высадиться там, и я хочу их опередить». Решение отдать приказ о нападении на Норвегию было принято им через несколько дней после того, как Черчилль приказал эскадренному миноносцу «Cossack» («Казак») войти в норвежские воды и взять на бордаж немецкий танкер «Altmark» с целью освобождения содержащихся на нем английских военнопленных. Черчилль сумел обратить успех операции себе на пользу и извлечь из этого события немало выгоды. Норвежское правительство против применения насилия на своей территории, но его пассивное одобрение убедило Гитлера в том, что Норвегия является сообщником Англии, и это стало сигналом к принятию упреждающих мер, о чем он и отдал теперь приказ: к вторжению в Норвегию.

Вечером 9 апреля 1940 г. Черчилль наслаждался отличным ужином в доме у коллеги по кабинету, министра авиации Сэмюэля Хора. Он пребывал в прекрасном настроении. Его давнишний проект, минирование норвежских территориальных вод, наконец-то сдвинулся с места, и он надеялся, что с его помощью удастся пре-

кратить поставки в Германию из Скандинавии железной руды, в которой остро нуждалась немецкая военная промышленность. В своем дневнике Хор писал: «Уинстон настроен очень оптимистично, доволен предложенной мной схемой и уверен, что одержал верх над немцами. Он ушел абсолютно счастливый и успокоенный в 22.30»¹. Однако, вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль обнаружил, что немцы его опередили. Пришло сообщение о том, что крупный немецкий флот движется к берегам Норвегии. На следующее утро нацисты оккупировали важный норвежский порт Нарвик, и в течение каких-нибудь нескольких недель вся Норвегия уже была в руках Гитлера.

Под командованием немецкого генерал-полковника Эдуарда Дитля находилось всего две тысячи горных егерей и 2600 моряков, которым противостояли 24 500 солдат войск союзников, включая 6-ю норвежскую пехотную дивизию, так что же пошло не так?² Немцы располагали точнейшими разведанными о намерениях англичан; планы Черчилля раскрыл не кто иной, как он сам. Во время секретной встречи с пресс-атташе нейтральных государств, состоявшейся 2 февраля в Лондоне, им было сделано несколько намеков, о которых вскоре стало известно немецкой разведке. К концу марта 1940 г. в мировую прессу постепенно проникли слухи о планах союзников в отношении Скандинавии, и подозрения о том, что в этом районе что-то готовится, усилились, когда стало известно, что в Нарвик был направлен племянник Черчилля, Джайл Ромили.

О смелом же плане Гитлера, наоборот, в прессу не просочилось ни слова. Внутри высшего командования вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht*, ОКВ) было сформировано сверхсекретное подразделение, подчинявшееся лично Гитлеру. Ответственным за подготовку

операции «Везерские маневры» был назначен генерал фон Фалькенхорст. С целью поддержания максимальной секретности генералу не было передано никаких карт, которые помогли бы ему при выполнении задания. Вместо этого он сам приобрел карманный путеводитель Бедекера по Норвегии и уединился с ним в гостиничном номере, откуда тем же днем с уже готовыми планами направился к Гитлеру, и тот их немедленно одобрил. Фюрер даже словом не обмолвился о готовящейся схеме Риббентропу. Благодаря секретности и смелости замысла, все прошло крайне успешно. Гитлер с полным правом называл эту операцию одной из самых «дерзких» в новейшей военной истории.

В Британии, наоборот, существовала неповоротливая государственная машина, тормозящая проведение операций подобного рода. Прежде, чем Черчилль смог нарушить скандинавский нейтралитет и начать минирование норвежских портов, необходимо было проконсультроваться с кабинетом министров, министерством иностранных дел, французами, доминионами и прочими влиятельными сторонами — а также учесть мнение мирового сообщества. Не существовало какого-то одного органа или лица, у которого бы Черчилль мог быстро получить разрешение на проведение подобной операции. И поскольку в решение этого вопроса было вовлечено слишком много сторон, нет ничего удивительного в том, что немцы были прекрасно осведомлены о намерениях англичан.

Диктаторский характер власти Гитлера в отличие от британской системы лидерства делал процесс сохранения секретности намного проще. Сформированный им кабинет последний раз собирался на заседания в 1938 г. и до конца войны больше не встречался. И в то время как опасения со стороны английского министра иностран-

ных дел лорда Галифакса во многом тормозили действия союзников, его немецкий коллега Риббентроп был полностью исключен из процесса принятия решений. Такие повышенные меры по соблюдению секретности соответствовали приказу фюрера № 1, который висел во всех военных подразделениях: «Никто не должен знать больше того, что ему необходимо для выполнения возложенной на него задачи. Никто не должен знакомиться с порученным ему делом ранее, чем это необходимо».

Однако в ходе Норвежской кампании Гитлер утратил самообладание, и это было тревожным признаком. Запаниковав из-за ситуации в Нарвике, фюрер поручил фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю составить проект приказа расположенным там войскам передислоцироваться в сохранявшую нейтралитет Швецию и оставаться там. Только оперативные действия младшего по званию офицера, замещавшего своего заболевшего командира, спасли ситуацию. Когда подполковник Бернارد фон Лоссберг получил послание Гитлера командующему в Нарвике в штабе верховного командования вермахта в Берлине, он немедленно разыскал Кейтеля и фельдмаршала Йодля и категорически отказался отправлять приказ фюрера. Он заявил, что тот свидетельствует о такой же потере самообладания, которая привела к поражению Германии в битве на Марне в Первую мировую войну, вылившуюся в четыре года окопной войны и последующий разгром.

Йодль дал понять, что не собирается нарушать приказ, но нашел способ, как обойти проблему, отправив командующему в Нарвик другую телеграмму, в которой он поздравлял того с недавним повышением, а распоряжения Гитлера были отправлены в корзину. На следующий день Йодль объяснил Гитлеру, что телеграмма не была отправлена, поскольку противоречила поздравительно-

му сообщению, которое было только что послано. Таким образом, подчиненные Гитлера спасли шефа от проявления слабости. Сомнения, продемонстрированные в ходе Норвежской кампании, были не единственными; то же самое случилось в ходе Французской кампании летом 1940 года. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что печальный успех знаменитого «блицкрига» на Западе в равной степени свидетельствует как о силе, так и о слабости Гитлера, как военного лидера.

Настроение союзников до мая 1940 г. можно описать двумя словами: «линия Мажино», по названию системы французских укреплений на границе с Германией. Построенная в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и названная по имени министра обороны Франции Андре Мажино, она считалась самой современной оборонительной системой того времени, способной сдержать наступление немецких войск. В действительности в ее укреплениях таились семена самого позорного поражения, какое Франция переживала за долгую историю вторжений и капитуляций. Французское Верховное командование ожидало, что война с Германией станет повторением окопной войны времен Первой мировой. «Линия Мажино» представляла собой Западный фронт, отлитый в бетоне. Она являла образцовый пример неэффективного лидерства. Французское верховное командование не учло тот факт, что история редко повторяется точь-в-точь и что лидеры, цепляющиеся за рецепты из прошлого, почти наверняка обречены на поражение. Как пошутил Черчилль в 1944 г. в Палате общин по поводу предупреждения о необходимости избегать ошибок 1914–1918 гг.: «Я уверен, что мы не повторим ошибок того времени; мы, скорее всего, наделаем другие».

Когда нацисты готовились к нападению на Францию, они явно уступали по численности личного состава

ва и военной технике. У союзников было больше солдат, больше оружия, больше танков, превосходивших по боевой мощи машины противника. Но у немецкой армии было одно неопределимое преимущество: более эффективные лидеры. Германское командование признало, что условия и методы ведения войны полностью изменились по сравнению с 1918 г. Польская кампания показала, с какой скоростью и разрушительной силой способны наносить удар действующие одновременно танки и пикирующие бомбардировщики «Штука». Пока немецкое верховное командование готовилось развязать в Западной Европе войну нового типа, получившую название «блицкриг» (молниеносная война), британский парламент переживал общий кризис, когда значительная часть Палаты общин выступила против премьер-министра Невилла Чемберлена.

Черчилль берет власть в свои руки

Между 7 и 10 мая 1940 г. в результате сенсационного парламентского переворота Невилла Чемберлена, занимавшего пост премьер-министра, сменил Уинстон Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства. Чемберлен, в довоенный период являвшийся одним из главных сторонников политики умиротворения, председательствовал в «Национальном правительстве», куда входили в основном тори, на протяжении трех лет и до сих пор пользовался значительной поддержкой со стороны партии консерваторов и народа. Однако в Палате общин зрело недовольство неэффективными действиями английских экспедиционных войск в ходе недавней кампании в Норвегии. Ввиду приближения весенних банковских каникул было решено, что традиционное

внеочередное парламентское слушание будет посвящено провалу военной операции в Норвегии и отношению правительства к войне в целом. Члены британского парламента не подозревали, что Гитлер уже готовится начать молниеносное наступление на Запад, и когда они встретились вечером во вторник 7 мая 1940 г., до вторжения Германии в Голландию, Бельгию и Францию оставалось всего пятьдесят пять часов.

Мало кто ожидал, что в результате обсуждения «Национальное правительство» Невилла Чемберлена потерпит поражение, и менее всех сам премьер-министр. Прямо перед началом обсуждения он сказал лорду Галифаксу, что не ждет от него «слишком многого». Тем не менее, удивительное стечение обстоятельств — включая пламенные речи уважаемых ораторов, недостаточную поддержку «заднескамеечников»-тори, провальное выступление самого премьер-министра, бесконечные закулисные интриги и соглашения, а также на редкость невыразительную речь Уинстона Черчилля — привело к тому, что после двух дней слушаний в парламенте зародились новые настроения, в результате чего Чемберлену пришлось оставить свой пост.

Один из «заднескамеечников»-тори, Джон Мур-Брабазон, стоя у входа в зал Палаты общин, незаметно сделал своей миниатюрной фотокамерой «Минокс» несколько размытых снимков, запечатлев ход обсуждения, позднее ставшего известным как «Норвежские дебаты», что было совершенно против правил.

Благодаря этим снимкам мы можем сказать, что, когда Чемберлен поднялся, чтобы защитить действия своего кабинета, зал и галереи были полны народа. Премьер-министр изо всех сил старался оправдаться за сделанное им 4 апреля самодовольное заявление, что Гитлер «упустил свой шанс», всего через четыре дня после

которого последовало немецкое вторжение в Норвегию, заставившее английские войска 2 мая покинуть эту страну.

Постоянно прерываемый выкриками со скамей, занятых лейбористами, Чемберлен погряз в длинной и скучной попытке оправдать и защитить самого себя и свое правительство. «Со своей стороны я стараюсь придерживаться золотой середины, — заявлял он в типичной для всей речи в целом манере, — не вселяю напрасных надежд, которым вряд ли суждено исполниться, но и не заставляю людей дрожать от страха, рисуя перед ними мрачные картины». Вряд ли то был пример мужественного лидера военного времени, который являли Англии оба Питта, лорд Палмерстон и Дэвид Ллойд Джордж.

Отвечая ему, Клемент Эттли, лидер оппозиции и Лейбористской партии, резко раскритиковал план, организацию и процесс проведения операции в Норвегии, утверждая, что правительство не вынесло никаких уроков из тактики «молниеносной войны», примененной Гитлером в отношении Польши минувшей осенью. «Война ведется с недостаточной энергичностью, интенсивностью, напористостью и решимостью — заявил он, язвительно заметив, что Чемберлен «упустил все шансы на мир, но успел вскочить в автобус, идущий на войну». В своей речи Эттли выразил уверенность в том, что Англия, в конце концов, одержит победу в войне, но, чтобы это произошло, «мы хотим видеть во главе страны не тех людей, которые вовлекли нас в нее».

Вслед за ним сэр Арчибальд Синклер, лидер Либеральной партии, привлек внимание к тому, насколько «самодовольство и, увы, необоснованное бахвальство правительства прискорбно контрастирует с мощными, стремительными ударами немецкой армии». Пока все

предсказуемо. Учитывая, что в результате всеобщих выборов 1935 г. представители тори получили в парламенте большинство мест, а именно 249, можно было бы правительству ничего не опасаться, если бы слушания протекали строго в соответствии с политикой партии. Но после прочемберленовской речи члена Палаты общин от Консервативной партии, выразителя империалистических идей, бригадного генерала Генри Пейджа Крофта, и сокрушительного ответного выступления представителя партии лейбористов, полковника Джозайи Веджвуда, который раскритиковал «поверхностный оптимизм» Крофта и предсказал «молниеносное» вторжение в Англию, на хрупком фасаде партийного единства появились первые трещины.

Адмирал флота сэра Роджера Кийза, представитель Консервативной партии от Портсмута, облаченный в парадный мундир, который украшали шесть рядов орденских планок, поднялся со своего места и охарактеризовал Норвежскую кампанию как «шокирующую череду некомпетентных шагов, которые, я убежден, ни в коем случае нельзя было допускать». Оценки героя легендарного рейда на Зеэбрюгге имели большой вес. Почти все многочисленные упоминания о том дне, найденные в дневниках и письмах свидетелей тех событий, свидетельствуют об убедительности и авторитетности речи Кийза. Так или иначе, адмиралу удалось освободить своего друга Черчилля от личной ответственности за провал Норвежской операции, несмотря на тот факт, что ее подготовка и проведение были почти полностью возложены на Адмиралтейство. «Взгляды всей страны обращены на него в надежде, что он поможет одержать победу в войне», — сказал он о Черчилле, прежде чем сесть на свое место под одобрительные аплодисменты.

Вскоре после этого Лео Амери, депутат от Консервативной партии, бывший член кабинета министров, поднялся, чтобы нанести еще один мощный удар по правительству. Отличавшийся тщедушным телосложением Амери, который к тому же не был одаренным от природы оратором, тем не менее, имел в парламенте немалый вес, поскольку представлял Бирмингем, родной город Чемберлена, и прежде занимал пост первого лорда Адмиралтейства. Произнося свою обличительную речь, Амери почувствовал, что симпатии членов Палаты общин на его стороне, и принял рискованное решение закончить свое выступление словами Оливера Кромвеля, которые тот произнес, распуская «Долгий парламент» в 1653 г.: «Вы сидели здесь слишком долго. Пора покончить с вами. Во имя Господа Бога, убирайтесь!» Это произвело оглушительное впечатление, нанеся правительству сокрушительный удар, и, как считается, заставило нескольких членов парламента проголосовать против Чемберлена.

Военный министр Оливер Стэнли и несколько сторонников «Национального правительства» из числа рядовых членов парламента изо всех сил старались спасти ситуацию, но к концу первого дня слушаний стало ясно, что, как следовало из выступления одного из представителей Лейбористской партии, речь идет не только о провальном руководстве Норвежской кампанией, но и о существовании самого правительства.

К тому времени, как 8 мая 1940 г. лейборист Герберт Моррисон открыл второй день слушаний по вопросу о Норвежской кампании, судьба «Национального правительства» Невилла Чемберлена висела на волоске. Первый день закончился для министров катастрофически, и было ясно, что значительная часть сторонников «Национального правительства», состоявшая, главным обра-

зом, из тех, кто противостоял политике умиротворения в 1930-х гг., а также включавшая парламентариев, не получивших желанный пост в кабинете, отправленных в отставку министров, бунтовщиков и «новобранцев», намеревается воспользоваться возможностью попытаться сместить Чемберлена, проголосовав на стороне лейбористов и либералов. Присутствие нескольких молодых членов парламента в военной форме не сулило правительству ничего хорошего, учитывая царившее в армии недовольство некомпетентностью руководства. Еще более тревожным знаком для правительства было количество обычно лояльных членов парламента, которые подумывали либо воздержаться, либо вообще не присутствовать на финальном голосовании.

Моррисон утверждал, что «дух, темп и характер, по крайней мере, некоторых министров были неверными, неадекватными и неподходящими», назвав имена самого Чемберлена, канцлера казначейства сэра Джона Саймона и министра авиации сэра Сэмюэля Хора. Он также объявил, что лейбористы требуют выноса формального решения в конце обсуждения, которое бы, сказал он членам парламента, «прямо показало, довольны ли они таким ведением дел или сложившаяся ситуация вызывает у них опасения».

Тут Чемберлен поднялся, чтобы принять вызов, но сделал это в крайне опрометчивой манере. Поблагодарив «моих друзей в Палате общин», премьер-министр сказал: «Я принимаю вызов. И приветствую его. По крайней мере, так мы узнаем, кто с нами и кто против нас, и я призываю моих друзей поддержать нас сегодня». По понятным причинам это заявление было воспринято как откровенный призыв к узко партийной лояльности в момент величайшей угрозы государству, и потому произвело катастрофический для премьер-министра эффект.

Следующим выступал сэр Сэмюэль Хор, в 1930-х гг. главный сторонник политики умиротворения, чья речь постоянно прерывалась репликами адмирала Кийза, представителя лейбористов Хью Далтона и не менее семи других членов парламента. Будучи министром авиации, Хор был вынужден признать, что силы королевских ВВС «недостаточно велики», — компрометирующее заявление для правительства, которое находилось у власти вот уже почти десять лет.

Затем слово взял Дэвид Ллойд-Джордж, который 18 лет ждал возможности отомстить людям, вынудившим его уйти в отставку с поста премьер-министра в 1922 г. Славящийся природным уэльским красноречием и обладающий репутацией «человека, который выиграл [Первую мировую] войну», он заявил, что сейчас Англия находится в куда более бедственном положении, чем в 1914 г., и обвинил лично Чемберлена в неспособности «поднять» и «мобилизовать» Британскую империю. Это был язвительный, обидный, но в высшей степени эффективный выпад. Когда его перебил один из «задне-скамеечников»-тори, он насмешливо парировал: «Вам придется выслушать это, сейчас или потом. Гитлер не подчиняется «хлыстам» секретаря казначейства (главного «хлыста»)». Относительно гарантий, предоставленных Чемберленом Польше и нейтральным государствам, он высказался следующим образом: «Наши обязательства сейчас ничего не стоят».

Имея в виду Черчилля, готового взять на себя ответственность за все, что произошло в Норвегии, Ллойд-Джордж сделал одно из самых ярких и метафоричных замечаний за все дни слушаний: «По-настоящему благородный джентльмен не должен превращаться в бомбоубежище, спасая своих коллег от осколков». В своей разгромной речи он коснулся призыва Чемберлена к нации

с просьбой принести жертву ради победы, заключив: «С его стороны не может быть большей жертвы во имя победы, чем отдать должностные печати».

В тот день выступали и другие крупные политики, такие, как Альфред Дафф Купер (подавший в отставку после подписания Мюнхенского соглашения) и бывший министр труда сэр Стаффорд Криппс, слово также попросил молодой член парламента Квентин Хогг (будущий лорд Хейлшем), но собравшиеся ждали речи Черчилля. Она не была похожа на его прежние выступления. Он вышел из себя, обвиняя члена парламента от лейбористской партии Эммануэля Шинвелла в том, что тот «прячется в углу», и вызвал своими насмешками гнев лейбористов. Его последний призыв: «Покончить с довоенной враждой; забыть личные разногласия и обратить нашу ненависть на общего врага» — прошел незамеченным.

После предложения объявить перерыв в заседании, голоса представителей Палаты общин разделились на 281 «за» и 200 «против», с правительственным большинством всего в восемьдесят один голос, что было намного меньше по сравнению с довоенным голосованием по вопросам с тройным подчеркиванием под наблюдением «хлыстов». В число несогласных вошли леди Астор, Роберт Бутби, Гарольд Макмиллан, Квентин Хогг, Джон Профумо, генерал Спирс, лорд Уолмер, Гарольд Никольсон, Лесли Хор-Белиша и, конечно, Лео Амери и адмирал Кийз. При этом произошла шумная сцена с участием двух других возмутителей спокойствия, Гарольда Макмиллана и графа Уинтертона, которые распевали «Правь, Британия!» до тех пор, пока их не заставили замолчать разъяренные тори. Члены парламента от лейбористской партии выкрикивали в адрес Чемберлена: «Ты упустил свой шанс». Всего против Чемберлена проголосовал срок один сторонник правительства и около пятидесяти

воздержалось. Правительству был нанесен серьезный удар, и когда результат был оглашен и Чемберлен покинул Палату общин, его дальнейшее пребывание на посту премьер-министра оказалось под большим вопросом. Черчилль внес свою лепту в отставку премьер-министра, но, к счастью для него, этого оказалось недостаточно. Однако он продемонстрировал необходимую лояльность, чтобы консерваторы, по-прежнему всецело остававшиеся на стороне Чемберлена, не заподозрили его в предательстве.

Хотя в слушаниях по Норвежской операции «Национальное правительство» Чемберлена в предшествующий вечер одержало победу с преимуществом в восемьдесят один голос, это было расценено как поражение, поскольку обычно большинство составляло более двухсот голосов. Парламентские координаторы правительства пытались оценить, насколько серьезно обстояли дела утром 9 мая, и попытаться минимизировать ущерб традиционным путем, заключая соглашения. Первым делом «хлысты» попытались выяснить у несогласных, которые предыдущим вечером голосовали против правительства или воздержались, сколько стоит снова заручиться их поддержкой. Парламентский секретарь Чемберлена, лорд Данглас (впоследствии премьер-министр сэра Алек Дуглас-Хьюм), привел в резиденцию премьер-министра некоторых активистов из числа «заднескамеечников», чтобы выслушать их жалобы и довести до их сведения, что Чемберлен, желая сохранить свой пост, намеревается принести в жертву канцлера Казначейства, сэра Джона Саймона, и министра авиации, сэра Сэмюэля Хора.

В то утро Чемберлен также лично встретился с Лео Амери, чтобы предложить тому пост либо канцлера, либо министра иностранных дел, от которых Амери категорически отказался. К 10.15 утра Чемберлен, по-ви-

димому, осознал, что ему, возможно, придется подать в отставку, поэтому он послал за своим другом, министром иностранных дел и идеологическим союзником лордом Галифаксом. При встрече эти двое решили, что представители лейбористской и либеральной партий должны войти в правительство. Поскольку было очень маловероятно, что лейбористы согласятся на это, если Чемберлен останется на своем посту, премьер-министр спросил Галифакса, сможет ли тот сформировать правительство, в которое он войдет как его подчиненный. Судя по записям в дневнике, Галифакс «использовал все аргументы, какие только пришли мне в голову, против своей кандидатуры», главным образом тот, что «сложное положение премьер-министра не дает возможности установить контакт с центром тяжести Палаты общин».

Вероятно, следует отметить, что Чемберлен, по всей видимости, не говорил, что для того, чтобы в случае чрезвычайной ситуации пэр мог заседать в Палате общин, можно правила изменить, хотя сейчас известно, что он проводил секретные консультации с правительственными юристами с целью понять, как это можно сделать³. Вместо этого он высказал сомнительное предположение о том, что в любом случае оппозиция в Палате общин будет невелика, поскольку это будет коалиционное правительство.

Весь ход разговора вызывал у Галифакса желудочные колики. Он не ожидал и не планировал, что ему придется занять пост премьер-министра. Когда он вернулся в министерство иностранных дел после совещания в 10.15, то сказал своему заместителю Рэбу Батлеру, что хотя «он чувствует, что мог бы справиться с этой работой», Черчилль будет эффективно действовать в условиях войны, и таким образом он сам «быстро превратится в почетного премьер-министра», и, следовательно, будет

обладать меньшим влиянием, если перейдет дорогу Черчиллю, чем если останется министром иностранных дел, первым претендентом на пост премьер-министра и самым влиятельным из членов правительства.

Что касается лейбористов, собравшихся в тот момент на ежегодную партийную конференцию в Борнмуте, то предыдущим вечером Батлер имел две беседы — с Хью Далтоном и Гербертом Моррисоном, оба хотели, чтобы Галифакс знал, что их партия войдет в правительство, которое он возглавит. Далтон добавил еще, что «Черчилль должен сконцентрироваться на войне». Эттли также сказал другу Черчилля, Брендану Брэкену, что лейбористы будут готовы работать под руководством Галифакса.

При поддержке короля, полагавшего, что в столь критической ситуации о пэрстве Галифакса можно «на время забыть», готовящегося уйти в отставку премьер-министра Чемберлена, лидеров лейбористов и ядра консервативной партии пост премьер-министра был Галифаксу гарантирован, стоило тому только попросить. Однако Галифакс понимал, что недостаток знаний и опыта в военных вопросах в условиях войны являлся недопустимым для премьер-министра. В январе 1942 г. Черчилль пошутил по поводу этого, выступая в Палате общин: «Когда мне предложили пост премьер-министра, вот уже почти два года тому назад, было не так уж много желающих занять это место. С тех пор, по-видимому, ситуация улучшилась».

Перед решающей встречей на Даунинг-стрит, 10, Черчилль обедал с Энтони Иденом и сэром Кингсли Вудом, и Вуд — в прошлом преданный сторонник Чемберлена — посоветовал Черчиллю добиваться для себя поста премьер-министра. Черчилль превосходно сумел воспользоваться кризисной ситуацией, показав, что он

является главным кандидатом на это место, и при этом не дав никому повода заподозрить его в подрыве авторитета нынешнего премьера. Это был пример умелого политического лидерства, которое ему не часто удавалось демонстрировать в прошлом, полном безудержного романтизма, но в этот момент проявленное им мужество произвело сокрушительный эффект.

Когда Чемберлен, Черчилль, Галифакс и Дэвид Маргессон, главный «хлыст», встретились в кабинете в пятницу, 9 мая, в 16 часов 30 минут, Галифакс был полностью готов к самопожертвованию. Черчилль оставил знаменитый рассказ об этой встрече: «За всю политическую карьеру у меня было много важных встреч, но эта была самая важная. Обычно я много говорю, но в тот раз я хранил молчание». По словам Черчилля, только после «очень долгой паузы», которая, казалось, тянулась дольше, чем две минуты молчания в День примирения, смущенный Галифакс наконец выпалил, что пэрство не дает ему возможности стать премьер-министром, и ему «стало очевидно, что это бремя падает на меня — уже упало».

Написанный спустя 8 лет после событий, рассказ Черчилля вызывает некоторые сомнения. В нем неправильно указаны время и дата встречи и ни слова не говорится об участии во встрече Маргессона. Черчилль так часто рассказывал эту историю, что она обрастала все новыми подробностями. Судя по дошедшим до нас рассказам современников тех событий и воспоминаниям самого Маргессона, а также другим косвенным свидетельствам, есть основания полагать, что никакой «очень долгой паузы» не было вовсе, а Галифакс «почти сразу же принялся настаивать на том, что Черчилль больше подходит на роль военного лидера».

Недавно было найдено еще одно убедительное свидетельство того, что пауза во время означенной встречи

действительно имела место, после чего Черчилль подтвердил свою способность справиться с этой задачей, или, по крайней мере, неспособность к этому Галифакса, что, по сути, было одно и то же. Пост не то чтобы свалился на Черчилля, а он сам ухватился за него. В 2001 г. внучка Джозефа П. Кеннеди, посла США в Лондоне, опубликовала письма и дневники своего деда. В них рассказывается о визите, который 19 октября 1940 г. Кеннеди нанес Невиллу Чемберлену, умиравшему от рака в своем загородном доме. Обсудив вопросы, связанные с войной, и проблемы со здоровьем, Чемберлен заговорил о встрече, состоявшейся после слушаний, посвященных Битве за Норвегию. Кеннеди оставил следующую запись:

Он хотел, чтобы премьер-министром стал Галифакс, и сказал, что готов работать под его руководством. Эдвард, как обычно, начал говорить, что: «Вероятно, я не могу принять этот пост, будучи членом Палаты лордов», и тогда Уинстон наконец заявил: «Полагаю, что не можете». Он отказался, и таким образом все было решено⁴.

Написанное с большой буквы слово «наконец» означает, что имело место затянувшееся молчание, или долгая дискуссия, после которой Черчилль с присущей ему грубоватой прямоотой согласился с Галифаксом и «все было решено».

Есть еще одна возможная интерпретация, упомянуть о которой стоит, только чтобы ее отклонить. Речь идет о словах «он отказался», которые якобы относятся к Черчиллю, а не к Галифаксу и означают, что Черчилль отказался войти в правительство Галифакса, который бы руководил им из Палаты лордов. Возможно, это со-

ответствует структуре предложения, написанного Кеннеди, но ни в коей мере не соответствует политической ситуации того времени, поскольку Черчилль, движимый чувством патриотизма, непременно вошел бы в правительство Галифакса, в котором планировали работать оппозиционные партии. То, что он пытался добиться этого поста с помощью шантажа, исключено. Чемберлен явно имел в виду, что Галифакс «отказался» от должности премьер-министра. Точно так же историк Дэвид Карлтон выдвинул оригинальную теорию, будто Чемберлен рассматривал Черчилля только как временного исполнителя обязанностей премьер-министра на период выхода Великобритании из кризиса, после окончания которого он снова занял бы свое место, и потому втайне предпочитал Черчилля Галифаксу, которого, возможно, не удалось бы потом так легко сместить с поста. Это, конечно, только теория, которая, тем не менее, не кажется столь уже невероятной тем, кто слишком хорошо знаком с коварством политиков.

Здесь речь идет о подлинном лидерстве; Черчилль верил, что именно он лучше всего подходит на этот пост и, заручившись согласием Галифакса, дал понять, что хочет его получить. Высокие посты, каким является пост премьер-министра Великобритании, редко достаются тем, кто их не ждет. Черчилль дождался подходящего момента и получил желаемое.

Чемберлену оставалось спросить лидеров лейбористов, готовы ли они войти в его правительство или же хотят работать под руководством кого-то другого. Когда Эттли и его заместитель Артур Гринвуд прибыли на Даунинг-стрит, 10, они сказали, что посоветуются со своими коллегами в Борнмуте и на следующий день сообщат о своем решении по телефону, но они также в неофициальном порядке предупредили Чемберлена, что лейбо-

ристы вряд ли захотят работать под его руководством. После его речи на слушаниях по Норвежской кампании Эттли едва мог сказать что-то другое. Через считанные часы, на рассвете 10 мая, Гитлер начал «блицкриг» на Западном фронте. То, что Гитлер двинулся в наступление в тот же самый день, когда Чемберлен подал в отставку, являлось одним из величайших совпадений в истории, но и только. Ничто не указывает на то, что на выбор момента для нападения повлиял разыгравшийся в Великобритании политический кризис.

Первое после начала наступления Гитлера на Западном фронте заседание кабинета министров состоялось в пятницу, 10 мая, в 8.00 утра. Нельзя сказать, что новости были такими уж неожиданными; менее чем за неделю до этого Галифакс предупредил все английские посольства, что «по-видимому, скоро мы сами испытаем всю силу немецкого удара». Правительство знало, как Бельгия и Голландия, до того сохранявшие нейтралитет, были захвачены в попытке выдвинуться за «линию Мажино», и таким образом был нанесен сокрушительный удар по Франции. К началу следующего заседания правительства, которое состоялось в 11.30 утра, Чемберлен решил, к своему удовольствию, чего не скажешь об остальных, что ситуация на фронте настолько серьезна, что позволяет ему отсрочить свою отставку. Как можно менять правительство в самый разгар кризиса? — вопрошал он.

Именно тогда лорд-хранитель печати, сэр Кингсли Вуд, до того момента лояльный к Чемберлену, прямо заявил премьер-министру, что, напротив, новый кризис означает, что тот должен немедленно сложить свои полномочия. Министр авиации, сэр Сэмюэль Хор, отмечал: «Никто, кроме меня, не произнес ни слова. Эдвард [Галифакс] совершенно оробел». Многие министры, собрав-

шиеся за столом, особенно Уинстон Черчилль, но, возможно, также и Галифакс, понимали, что новая опасная ситуация на континенте настоятельно указывала на то, что Чемберлен должен уйти. Лишь немногим было известно о том, что днем ранее Вуд приезжал к Черчиллю с тем, чтобы уговорить его бороться за пост премьер-министра, или же в награду за свое быстрое превращение он вскоре станет канцлером казначейства.

Когда лидеры лейбористов позвонили из Борнмута, чтобы сказать, что партия войдет в коалиционное правительство, но без Чемберлена, это окончательно решило судьбу премьер-министра. Следует, однако, отметить, что они оказались не в состоянии решить, кто же будет новым премьер-министром. Ошибочно думать, как это на протяжении десятилетий упорно делают такие политики, как Рой Хаттерсли, Джулиан Критчли, Майкл Фут и Барбара Кэстл, что это лейбористы сделали Черчилля премьер-министром. На самом деле в то время партия объявила, что готова работать под руководством Галифакса; выбор, таким образом, был за Чемберленом и королем. Находясь в Палате общин в меньшинстве, лейбористы едва ли были способны на большее.

Днем Чемберлен предпринял последнюю попытку убедить Галифакса изменить мнение и согласиться занять пост премьер-министра, несмотря на достигнутую днем ранее договоренность с Черчиллем. Лорд Дангласс позвонил по телефону в министерство иностранных дел Генри «Чипс» Ченнону, с тем чтобы тот попросил заместителя министра, Рэба Батлера, попытаться убедить Галифакса принять назначение. Когда Батлер вошел в кабинет министра иностранных дел, ему было сказано, что Галифакс уехал к дантисту и с ним никак нельзя связаться. Вот почему Чемберлен отправился в Букингемский дворец, где король Георг VI принял его отставку и,

как он писал в своем дневнике, «сказал, что, по моему мнению, с ним поступили ужасно несправедливо, и что ему ужасно жаль, что возникли все эти разногласия». Когда они вернулись к вопросу о преемнике, король «конечно же, предложил Галифакса» как «очевидного кандидата», но Чемберлен сказал ему, что Галифакс «не в восторге от этого». Король не воспользовался своим правом напрямую обратиться к Галифаксу с личной просьбой, хотя, возможно, ему бы удалось заставить того изменить свое мнение.

Вместо этого в 18.00 10 мая назначение на пост премьер-министра принял Черчилль. Король был не в восторге от кандидатуры Черчилля, отчасти, возможно, из-за опрометчивого решения поддержать во время конституционного кризиса его брата, короля Эдуарда VIII. Тем не менее, когда стало ясно, что его долг, как монарха, назначить Черчилля на пост, он смягчил существовавшую неловкость шуткой. Как вспоминал сам Черчилль: «Его Величество принял меня весьма благосклонно и предложил сесть. Какое-то время он смотрел на меня пытливо и насмешливо, а затем спросил: «Полагаю, вам неизвестно, почему я послал за вами?». Подхватив его тон, я ответил: «Сэр, я просто не представляю». Он рассмеялся и сказал: «Я хочу просить вас сформировать правительство». Я ответил, что непременно это сделаю».

Черчилль знал, что первым делом он должен пригласить лейбористов и либералов войти в правительство, которое он позднее назвал «большой коалицией», так что он попросил Эттли и Артура Гринвуда присоединиться к резко поредевшему военному кабинету, в который вместе с Чемберленом и Галифаксом входило пять человек. Черчилль понимал, что ему также следует установить хорошие отношения с консерваторами,

поскольку, как он написал тем вечером Чемберлену: «Я всецело в вашем распоряжении»

В 21.00 Чемберлен объявил о своей отставке в радиообращении к народу, призвав поддержать своего премьера. Наша нынешняя королева, которой в то время было четырнадцать лет, сказала своей матери, что это потрясло ее до слез. Тем временем Черчилль работал до самой ночи, и когда он в три часа утра наконец добрался до постели, то «ощущал глубокое облегчение. Наконец у меня была полная власть отдавать распоряжения. Я чувствовал себя так, как будто меня ведет судьба, и что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому моменту и этому испытанию».

Гитлер идет на Компьен

21 июня 1940 г. Гитлер посетил расположенный в Компьене, недалеко от Парижа, мемориал, посвященный победе над Германией в Первой мировой войне. Корреспондент одной из американских газет, Уильям Ширер, так описал язык тела, на котором Гитлер говорил в тот триумфальный день:

Он подходит к памятнику, и в каждом его движении ясно читается презрение... Он медленно обводит взглядом поляну... Внезапно, как будто его лицо не достаточно выражает бушевающие его чувства, он встает в позу, полностью соответствующую его настроению. Мгновенно он упирает руки в боки, широко разводит в стороны локти и расставляет ноги. Всем своим видом он демонстрирует откровенное пренебрежение к этому месту и всему, что оно олицетворяло на протяжении прошедших двадцати двух лет, являясь, таким образом, символом унижения Германской империи.

Неделю спустя, 28 июня, Гитлер совершил две вещи, совершенно ему не свойственные: он встал пораньше и отправился осматривать окрестности. Подобно всякому добросовестному немецкому туристу, фюрер подготовился к экскурсии, прочитав об архитектурных шедеврах Парижа. Пока колонна черных лимузинов Mercedes-Benz пересекала площадь Мадлен по пути к Триумфальной арке, он с удовольствием демонстрировал свите свои познания.

В Доме инвалидов Гитлер в молчании долго смотрел на гробницу Наполеона, еще одного императора-завоевателя, с которым фюрер часто любил себя сравнивать. Теперь Гитлер верил, что его лидерские качества сделали его, по словам генерала Кейтеля, «величайшим полководцем всех времен». Всего за десять месяцев немецкая армия завоевала пол-Европы. Непокоренными оставались только британцы и их доминионы, а также храбрая Греция. Однако метод, с помощью которого Гитлеру удалось добиться первоначального успеха, со временем оказался самой большой его слабостью, и, воспользовавшись этим, Черчилль показал пример всем, кто сегодня стремится стать лидером.

Когда Гитлер возвратился в Германию после молниеносной победы над Францией, его популярность достигла наивысшей точки. Но «блицкриг», этот новый прием ведения войны, не был его изобретением. Как не был его детищем и план вторжения во Францию. Эта заслуга принадлежит двум генералам, Эриху фон Манштейну и Гейнцу Гудериану. Еще в начале 1930-х гг. Гудериан выступал за проведение быстрых танковых операций, призванных застать врага врасплох. Основываясь на идеях Гудериана, Манштейн разработал так называемый план «Удар серпа», чтобы обойти французские укрепления и свести на нет численное превосходство противника.

Манштейн хотел нанести танковый удар через заросшие лесами склоны Арденнских гор, местность, считавшуюся непроходимой для танков. Атаковать в этом месте казалось безумием, но именно поэтому стратегия немцев оказалась столь успешной. Панцерные дивизии должны были наносить удары там, где враг ожидал этого меньше всего. Это позволило бы им вбить клин между войсками союзников, стремительно продвигаясь к побережью Ла-Манша — подобно удару серпа (метафора принадлежит Черчиллю).

Большинство генералов верховного командования предпочитали более традиционные приемы ведения войны, и в качестве основного направления атаки рассматривали удар с севера, со стороны Льежа. Они считали панцерный маневр Манштейна через Арденны слишком рискованным. Манштейн был поспешно переведен на незначительный пост. Но затем вмешался фюрер. Ему скучные планы верховного командования показались не более чем «идеями курсанта военного училища»⁵. «Удар серпа» Манштейна, наоборот, хотя и означал огромный риск, но при этом содержал элемент неожиданности, что вызывало одобрение фюрера. Поэтому Гитлер приказал Верховному командованию принять план Манштейна.

Это был пример вдохновенного лидерства. Гитлер понимал, что планы верховного командования влекут за собой больший риск, нежели на первый взгляд безрассудный «Удар серпа», поскольку традиционная атака с севера была именно тем, чего ожидали союзники. Успешные лидеры не пускаются в авантюры; они идут на обдуманый риск, потому что понимают, что иногда самым опасным является вообще не рисковать.

Однако если бы не смелость и находчивость Гудериана, немецкое вторжение имело все шансы увязнуть в окопной войне времен Первой мировой. Когда на тре-

тый день вторжения танки Гудериана подошли к Маасу, Гитлер и верховное командование приказали ему ждать подхода пехотных дивизий, которые двигались так быстро, как могли. В результате на дорогах образовался крупнейший затор, какой когда-либо видела Европа: колонны из 1500 танков и 1,5 миллиона человек растянулись на 150 километров — от Мааса до Рейна. Когда острие серпа начало вонзаться глубже, угрожая отрезать французские и британские части на севере от остальных войск на юге, фюрера охватили сомнения. Он беспокоился за неприкрытые фланги передовых танковых частей под командованием Гудериана. Гудериан понимал, что каждый потерянный день дает союзникам время отойти и перегруппироваться, поэтому 14 мая он принял решение игнорировать приказы Гитлера и продолжать двигаться вперед, увлекая за собой остальные дивизии.

Немецкий «блицкриг» 1940 г. увенчался успехом потому, что союзники боялись вернуться к дорогостоящему противостоянию времен Первой мировой войны. Но если кто-то полагает, что события прошлого точно повторятся в будущем, он почти наверняка проиграет. Вся карьера Гитлера была построена на умении рисковать, однако, когда настало время претворить в жизнь смелый план Манштейна, он продемонстрировал неожиданную потерю самообладания, как это было в Норвегии.

17 мая Франц Гальдер, начальник штаба верховного командования сухопутных войск, написал в своем дневнике: «Крайне неприятный день. Фюрер ужасно нервничает. Он напуган собственным успехом, не хочет рисковать и потому предпочитает остановить нас»⁶. Гудериан получил приказ остановиться у реки Уаза и ждать, когда его догонят пехотные части. Это была крупная тактическая ошибка, показывающая, что Гитлер хотя и хотел

рискнуть и использовать приемы «блицкрига», на самом деле не понимал, как они работают.

Гудериан, напротив, полностью осознавал, что только скорость и неожиданность защищают его от контр-удара. Возмущенно протестуя против приостановки продвижения, он отказался от командования. Рапорт об отставке он забрал только после того, как получил разрешение осуществить «разведку боем» — что бы там это ни означало на самом деле. Гудериан решил интерпретировать это как разрешение действовать по собственному усмотрению и продвигаться в сторону Ла-Манша, что он незамедлительно и сделал.

Предложенная Гудерианом революционная форма танковой войны оказалась сокрушительной и позволила застать союзников врасплох. Через десять дней после начала кампании первые немецкие части подошли к устью реки Сомма у побережья Ла-Манша. «Удар серпа» был завершен: армии союзников на севере, в том числе британские экспедиционные войска, были окружены. Это был худший день в истории Англии за последние четыреста лет. Британцы готовились потерять экспедиционные войска численностью в четверть миллиона человек. Такого поражения Британия не знала с тех пор, как в XVI в. англичане потеряли Кале. Но успех операции «Удар серпа» не может быть отнесен на счет лидерских качеств Гитлера, а является результатом работы по разработке плана, проведенной Манштейном, и смелости и предприимчивости Гудериана. Если бы Гудериан следовал указаниям Гитлера, это был бы «Krieg», но никак не «Blitz» — молниеносная война без молниеносного наступления и, вполне возможно, совсем иной исход кампании.

Сумел бы Гудериан осуществить подобное в британской армии? За подвиги в ходе Французской кампании

Гитлер повысил его в чине до генерал-лейтенанта. В Британии существует устойчивое мнение, что немцы были словно роботы, а солдаты слепо подчинялись приказам, но это миф. Гудериан имел возможность проявить инициативу потому, что действовал в соответствии с немецким принципом *Auftragstaktik* («тактика поручений»).

Тактика поручений

Впервые разработанная в прусской армии в XIX в. и теперь являющаяся официальной доктриной НАТО, «тактика поручений» означает, что штабы ограничиваются постановкой целей, оставляя командирам на местах решать, каким образом их лучше всего достигнуть. Успех или неудача, а не подчинение — вот главный критерий. «Тактика поручений» — это ключ к ошеломляющей победе Гитлера над Францией. Она является основным компонентом эффективного лидерства. Авторитеты в области менеджмента называют эту тактику «делегированием полномочий»: лидеры доверяют своим подчиненным и полагаются на инициативность и опыт. Важным элементом было то, что в германской армии солдат учили в случае необходимости исполнять обязанности командиров.

Но если существовавшая в немецкой армии система лидерства была столь успешной в 1939–1941 гг., как могло случиться, что за победами первых лет войны последовали столь позорные поражения? Ответственность лежит на человеке, назначившем себя верховным главнокомандующим вермахта — Адольфе Гитлере. Совершаемые им, как лидером, роковые ошибки стали очевидны уже в процессе «молниеносной войны» с Францией. Решающий момент кампании произошел во дворце Мезон-Блерон во французском городе Шарлевиль-Мезьер

в департаменте Арденны неподалеку от границы с Люксембургом, куда Гитлер прибыл утром 24 мая 1940 г. Здесь располагался штаб генерала Герда фон Рундштедта, командующего группы армий «А», окружавшей войска союзников на юго-западе. Под командованием 64-летнего Рундштедта, являвшегося генералом старой школы, находились все немецкие танковые дивизии. Он хотел, чтобы танки подождали продвигавшуюся более медленно пехоту.

Главкомандующий сухопутных войск генерал Вальтер фон Браухич и его начальник штаба генерал Франц Гальдер были категорически против. Они понимали, что, если ослабить натиск, союзники попытаются ретироваться через Ла-Манш. Ночью 23 мая фон Браухич и Гальдер передали командование танковыми дивизиями армии группы «Б», замыкавшей кольцо на северо-востоке. Гитлер узнал об этом только на следующее утро, когда посетил Рундштедта в его штабе в Шарлевиль-Мезьере.

Фон Браухич и Гальдер приняли правильное решение, но сделали это без ведома фюрера. Гитлер не мог допустить, чтобы командующие действовали по своей инициативе, как их учили в соответствии с принципами «тактики поручений». Теперь, когда победа была практически в кармане, фюрер во что бы то ни стало, стремился дать понять, что кампанию выиграли не генералы, а лично он. Поскольку сухопутная армия была единственной силой в Германии, способной сместить его, вся слава после победы на Западном фронте должна была достаться одному лишь фюреру. Поэтому он немедленно отменил приказ о передаче командования танковыми дивизиями и уполномочил Рундштедта отдать приказ о приостановке продвижения танков.

Именно этот знаменитый приказ дал союзникам необходимую передышку, чтобы успеть эвакуировать 338 226 британских, французских и бельгийских солдат. Ни одно другое решение, принятое в ходе Второй мировой войны, не вызывало такого бурного протеста среди немецких генералов, как этот приказ о приостановке продвижения танков в Дюнкерке. Браухич несколько раз просил Гитлера отменить приказ — но безуспешно. Фюрер втайне радовался унижению главнокомандующего сухопутных войск, который, по его собственным словам, чувствовал себя «припертым к стенке».

Когда серьезность допущенной им ошибки стала очевидна, Гитлер заявил, что он намеренно пощадил британцев, чтобы продемонстрировать, что не желает воевать с ними. Тем не менее, его истинные мотивы были совершенно иными. Решение Гитлера придержать продвижение танковых войск не имело ничего общего с великодушием по отношению к Британии и еще меньше со стратегическими соображениями. Как недавно доказала современная историческая наука, его главной целью было поставить на место командование сухопутных войск⁷.

Вместо сухопутных войск задание закончить окружение сил союзников было дано ВВС Геринга. Гитлер также хотел дать отрядам СС Гимmlера достаточно времени на то, чтобы дойти до Дюнкерка и присоединиться к боевым действиям. Заставив армию разделить победу с люфтваффе и СС, Гитлер мог быть уверен, что основная слава достанется ему самому.

Люфтваффе потерпели позорное поражение. Когда Дюнкерк был наконец взят, значительная часть войск союзников в безопасности была переправлена через Ла-Манш, чтобы сразиться в следующий раз. Тем не менее фюрер выиграл довольно бессмысленную битву с верховным командованием сухопутных войск.

Эта была только первая из множества серьезных ошибок Гитлера в ходе войны. Его стремление расширить и защитить свою власть, даже ценой военных решений, помогло подготовить почву для его окончательного поражения. Адьютант Гитлера, майор Герхард Энгель, впоследствии объяснял: «Некоторые решения Гитлера не имели ничего общего с военной логикой. Они принимались, только чтобы продемонстрировать главнокомандующему, что командует армией Гитлер и больше никто»⁸.

Откровенность от Черчилля

Трудно понять, как новый британский соперник Гитлера, Уинстон Черчилль, мог бы отказаться искать мира с нацистами, если бы британские экспедиционные войска в полном составе оказались захвачены в Дюнкерке. На деле Черчилль обратил успешное спасение армии союзников в воодушевляющий триумф в крайне тяжелых обстоятельствах. Черчилль справедливо полагал, что, возможно, именно Гитлер и нацисты привели его на Даунинг-стрит в мае 1940 г., и чтобы остаться там надолго, ему необходимо было придумать совершенно новый вид лидерства, — которое фактически отрицало логику и обращалось скорее к сердцу, нежели к разуму. Хотя Черчилль должен был сказать британскому народу, что эта война может быть выиграна, сам он не имел ни малейшего представления о том, как это можно сделать. В цикле речей, призванных поднять моральный дух британцев, он высказал целый ряд идей о том, как можно выиграть войну, и каждая новая была невероятней предыдущей.

Он умолял народ — как может умолять только выдающийся лидер и только в самый ответственный момент — руководствоваться чувствами, а не расчетом.

Если бы время показало, что он ошибся, ему пришлось бы столкнуться с народным гневом. В своей первой речи, которую он произнес как премьер-министр в Палате общин 13 мая 1940 г., Черчилль с обезоруживающей искренностью признался, что ему нечего предложить «кроме крови, тяжелого труда, слез и пота». Но затем он предложил нечто гораздо большее, когда в завершение речи сказал: «Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь; потому что без победы не будет жизни».

К тому времени, когда через шесть дней он вновь выступал с речью, немцы прорвали цепь французских укреплений к северу от «линии Мажино», и в интересах британского народа следовало поддерживать его уверенность в победе до тех, пор пока не удастся придумать, как же именно этого добиться. Черчилль поддержал веру во французскую армию, сказав: «Мы можем с уверенностью ожидать стабилизации французского фронта и всеобщей активности народных масс, которая даст солдатам Франции и Британии мощь, с лихвой перекрывающую силу врага. Что касается меня, у меня есть непоколебимая уверенность во французской армии и ее лидерах».

Однако ей не удалось остаться непобедимой, поскольку всего десять дней спустя британские экспедиционные войска были эвакуированы с берегов Дюнкерка. Но, продемонстрировав неукротимую смелость, Черчилль сумел устыдить британцев, которые на протяжении последних 20 лет рьяно проводили политику умиротворения в отношении Германии и которые восприняли Мюнхенское соглашение с тем же энтузиазмом, с которым отвергали его самого, и заставить

их проявить героизм. В его речах содержалась уверенность в том, что они готовы к грядущим атакам на мирное население:

Много мужчин и много женщин на Острове, которые, когда придет час их сурового испытания, будут ощущать утешение и даже гордость от сознания того, что они разделяют страдания наших парней на фронте — солдат, моряков и летчиков, да благословит их Господь — и принимают на себя хотя бы часть тех атак, которые должны выдержать фронтовики. Разве не наступило время для всех сделать самое большое усилие, какое только есть в наших силах?

Обращаясь к народу таким образом еще до того, как Британия подверглась нападению, Черчилль превратил нервничающих и напуганных, по вполне понятным причинам, людей в героев. Даже если его уверенность в окончательной победе разделяли не все, никто не сеял пораженческие настроения, высказывая вслух свои опасения. Это было высшее проявление лидерских качеств со стороны Черчилля. Вот что он сказал в Палате общин 4 июня 1940 г.:

Нам сообщили, что у господина Гитлера уже есть план высадки на Британские Острова. Это то, о чем часто раньше помышляли. Когда Наполеон расположился у Булони на год со своими плоскодонками и своей Великой Армией, ему сказали: «Много трудностей нас ждет в Англии». И их будет несомненно гораздо больше, так как Британские Экспедиционные Силы вернулись... Даже если огромные просторы Европы, многие древние и про-

славленные государства пали или могут попасть в тиски гестапо и других гнусных машин нацистского управления, мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся.

«Перед нами лежат долгие темные ночи суровых испытаний, — предупреждал он в одном из особенно мрачных радиообращений. — Нас несомненно ждут не только великие опасности, но и множество бед, множество ошибок, множество разочарований. Смерть и горе будут сопровождать нас на нашей дороге, и только непреклонная решимость и мужество будут нам защитой. Мы должны объединиться, мы должны сохранять присутствие духа. Мы должны быть непреклонны». Одним из тех, кто сразу же распознал стратегию, скрывавшуюся за мрачной прямоотой Черчилля, был Йозеф Геббельс. «Его слоган про пот, кровь и слезы сделал его практически неуязвимым для ударов, — писал нацистский министр пропаганды в журнальной статье, озаглавленной «Трюки Черчилля». — Он подобен врачу, который предсказывает, что пациент умрет, и каждый раз, когда состояние того ухудшается, самодовольно объясняет, что все идет именно так, как он и предполагал». Готовя людей к плохим новостям, Черчилль лишал победы нацистов их пропагандистской ценности. Как они могли подорвать моральный дух британцев, если те уже слышали самое плохое от самого премьер-министра.

Когда Черчилль произносил в Палате общин речь, в которой объяснял эвакуацию из Дюнкерка, он понимал, что должен подать хоть какую-то надежду — пускай слабую, чтобы вдохновить народ Британии на борьбу. Фактором, на котором он решил сделать акцент, была возможность, как он в глубине души знал, совершенно ничтожная, что Соединенные Штаты в скором времени могут вступить в войну. В заключении он призвал продолжать борьбу «до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый мир, со всей его силой и мощью, не отправится на освобождение и спасение старого». Из неофициальных бесед с президентом Рузвельтом он знал, что неспровоцированное прямое военное вмешательство Америки по-прежнему представляет собой весьма отдаленную возможность, но вести за собой значит давать надежду, какой бы иллюзорной она ни была.

Важным моментом было то, что если британцы и обманывались, мало кто из них хотел быть обманутым. Профессиональные аферисты подтвердят, что для того, чтобы «игра» была успешной, «жертва» должна, по крайней мере, подсознательно, хотеть быть обманутой. Именно это произошло с коллективным подсознанием британского народа в 1940–1941 гг.: люди верили Черчиллю потому, что внушили себе, и потому, что другой альтернативы не существовало, что мир с Гитлером слишком ужасен и позорен, чтобы даже думать о нем. Но если бы кто-то спросил британцев, каждого по отдельности, действительно ли они верят в то, что Америка вступит в войну, или что весь европейский континент можно подвергнуть блокаде с целью вынудить врага сдаться, или что Германию можно победить любым из способов, которые, по мнению Черчилля, вселяли надежду в те непростые, но при этом грандиозные тринадцать месяцев, они бы с трудом смогли объяснить, что же заставляет их верить в окончательную победу.

Получение неограниченных полномочий

Черчилль еще со времен Дарданелльской катастрофы в период Первой мировой войны знал, что «проводить крупную операцию, находясь в положении подчиненного», ошибочно. Он также писал: «Одной из моих фатальных ошибок было пытаться добиться успеха в большом предприятии, не обладая при этом неограниченной властью, которая легко могла бы его обеспечить». Помня об этом, он решил заполучить такие полномочия, когда пришел к власти в мае 1940 г.

Как сказал Черчилль, войны не выигрывают, покидая поле боя, как не выигрывают их одними лишь воодушевляющими речами. Одним из первых шагов на посту премьер-министра стала попытка изменить неповоротливый механизм принятия решений, доставшийся в наследство от Чемберлена. Черчилль справедливо жаловался, что все «решается для большинства разумением большинства после консультаций со всеми». Про Комитет обороны Империи, отвечавший за разработку стратегических планов, но не за проведение операций, он сказал, что его деятельность являет собой «максимум изучения и минимум действия».

Черчилль решил соединить ответственность с полномочиями действовать. Он не одобрял комитеты, имевшие чисто консультативную направленность. Война, говорил он, больше «похожа на то, как один разбойник бьет другого дубинкой по носу»⁹. С той же прямолинейностью он жаловался Гарольду Макмиллану: «Можно взять самого храброго моряка, самого бесстрашного летчика и самого отважного солдата, собрать их вместе — и что вы получите? Сумму их страхов». Макмиллан вспоминал, что это было сказано «с присвистом»

Черчилль успешно модернизировал процесс принятия решений, так же как проделывал это ранее, будучи

министром по поставкам снаряжения и занимая должность в министерстве по делам колоний. Он знал, что нужно делать, чтобы не задушить подчиненных излишним вниманием к деталям и дублированием распоряжений. Во время войны он в полной мере использовал свои прекрасные организаторские способности, стремясь сократить случаи пересечения правительственного и административного функционала. Ему даже удалось упростить административную лексику: добровольцы местной обороны (Local Defence Volunteers) превратились в войска местной обороны (Home Guard), центры общественного питания (Communal Feeding Centres) в британские рестораны (British Restaurants), и т.д.

Военный кабинет, куда входили 10 человек, был слишком большим, так же как в начале Первой мировой войны. Одной из ошибок было то, что он включал сразу трех военных министров, что обуславливало чрезмерно широкий характер обсуждений, зачастую перераставших в разработку плана боевых действий. Чемберлен предпринял попытку решить эту проблему, сформировав военный координационный комитет во главе с лордом Чатфилдом. В его задачу входило координировать действия отдельных видов вооруженных сил в соответствии со стратегией, определяемой военным кабинетом. Этот комитет имел чисто консультативные функции, не имея при этом возможности контролировать действия боевых частей и отдавать приказы. В апреле 1940 г. он был упразднен по настоянию Черчилля, который, тем не менее, продолжал жаловаться на то, что у него «нет полномочий принимать или исполнять решения». Став премьер-министром, он вдвое сократил военный кабинет, оставив в его составе только пять членов. «Дни, когда мы занимались только координацией, к счастью, прошли, — писал впоследствии один из них. — Теперь

мы определяем направление, руководим, действуем — и делаем это с энтузиазмом!»¹⁰

Черчилль на этом не остановился. Он немедленно начал добиваться еще больших полномочий, полагая, что, по его собственному выражению, стратегические провалы в войне являются результатом «полного отсутствия руководящего разума и командной силы воли». Вести войну под началом комитета было плохой идеей, но хуже всего было отсутствие четкого разделения между процедурой принятия политических и военных решений. Учреждение нового поста министра обороны, который он сам же и занял, назначив надежного генерала Исмея своим личным помощником, ставшим связующим звеном между ним и начальниками штабов, было политически верным решением. Благодаря этой новой структуре Черчилль сосредоточил в своих руках больше власти, чем любой из прежних премьер-министров. Он взял на себя непосредственную ответственность за разработку планов военных действий и их осуществление, но при этом не создавал министерство обороны со всеми его расходами и бюрократическим аппаратом. Он предупреждал Исмея: «Мы должны быть очень осторожны, чтобы не определить наши полномочия слишком четко». Сохраняя гибкость и размытость границ своих полномочий, им удавалось добиться гораздо большего, чем если бы они действовали в рамках предписаний из Уайтхолла, Вестминстера или — что имело бы наибольшую сдерживающую силу — на основе прецедентов.

Кроме того, Черчилль немедленно принялся сокращать количество комитетов. В частности, он укрупнил многие британские военные и гражданские миссии, действовавшие в Соединенных Штатах, которые появлялись, как грибы после дождя, но зачастую исполняли одни и те же функции. Через две недели после того, как

Черчилль занял пост премьер-министра, он направил записку секретарю кабинета: «Я полагаю, что комитетов того или иного рода, на которых министры должны присутствовать и которые не приносят видимых результатов, слишком много. Их число должно быть сокращено путем укрупнения или слияния». Он приходил в отчаяние от коллективного процесса принятия решений на комитетах, которые слишком долго являлись основой британской административной системы.

Однако новые полномочия не были антидемократическими; Черчилль не стал единовластным диктатором, а продолжал работать с кабинетом, поскольку понимал, что в конечном итоге его пребывание у власти всегда будет зависеть от Палаты общин, которая в декабре 1916 г. низложила тогдашнего премьер-министра военного времени Герберта Асквита, а в мае 1940 г. проделала то же самое с Невиллом Чемберленом. Черчилль, прекрасно знавший историю, также всегда помнил о судьбе лорда Абердина во время Крымской войны: британские премьер-министры, начинавшие войну, не всегда могли ее закончить. «Я дитя Палаты общин, — заявил Черчилль, выступая перед конгрессом США в декабре 1941 г. — В доме моего отца меня учили верить в демократию. “Доверяй народу” — вот было его напутствие... В моей стране, как и в вашей, общественные деятели гордятся тем, что являются слугами государства, и стыдятся быть его хозяевами».

На деле предпринятое Черчиллем усовершенствование системы означало, что он сумел добиться принятия спорных решений, одно из которых касалось использования тяжелых бомбардировщиков, таких как «Ланкастер», для налетов на немецкие города. При Чемберлене их функции ограничивались разбрасыванием листовок и атакой морских целей. Воздушные налеты на наземные объекты

были запрещены, не только из страха перед ответным ударом со стороны Германии, а скорее из соображений правового порядка. План британских ВВС атаковать военные цели в Шварцвальде был отвергнут министром авиации сэром Кингсли Вудом со словами: «Вы понимаете, что это частная собственность? Так вы в следующий раз попросите у меня разрешения бомбить Эссен!»¹¹

Черчилль подобных запретов не налагал и через несколько дней после вступления в должность премьер-министра дал разрешение бомбить военные и промышленные объекты на территории Германии. Когда через три месяца, в самый разгар Битвы за Англию, первые немецкие бомбы упали на центр Лондона, Черчилль в обход обоих начальников штабов и министра ВВС напрямую отдал приказ бомбардировочной авиации осуществить ответный налет на Берлин. Такое быстрое принятие решений было немыслимо в условиях существовавшей при прежнем правительстве системы. И это было правильное решение. На протяжении последующих четырех лет стратегические бомбардировки были единственным способом, которым Британия могла вести войну на территории самой Германии.

Другими способами получить контроль над действиями британской армии были знаменитые записки Черчилля, его «просьбы» и красные этикетки с надписью «Action This Day». У него был удивительно изобретательный ум. «У Уинстона рождалось по десять идей на дню, — говорил о нем начальник имперского генерального штаба лорд Аланбрук, — из которых только одна была стоящая, но он не знал, какая именно». Рузвельт высказался в том же духе, заметив как-то, что у премьер-министра появляется по сто идей в день, из которых шесть чего-то стоят (тут цифры гораздо выше, хотя и меньше в процентном соотношении).

Для него не существовало мелочей. Он определял, какое именно количество обезьян должно обитать на Гибралтарской скале (двадцать четыре), пытался выяснить, можно ли привести трофейное оружие времен Первой мировой войны в исправное состояние и снова его использовать, во время бомбежек переживал за животных в Лондонском зоопарке и следил, чтобы пивной паек получали прежде всего солдаты, находящиеся на передовой, а потому уже те, кто был в тылу. Он даже изучал вопрос, можно ли с помощью воска защитить слух солдат во время бомбежек.¹² Несколько таких запросов, получивших шутовское название «просьбы первого лорда», поскольку часто начинались со слов «Прошу выяснить...», также были снабжены этикеткой, на которой красными чернилами было написано требование «Action This Day» («Сделать сегодня»). Например, 10 мая 1940 г., в день, когда он стал премьер-министром, Черчилль выступил с предложением пригласить в Англию бывшего кайзера Германии Вильгельма II, находящегося в изгнании в Голландии, и это на фоне и без того тяжелой обстановки, сложившейся в результате наступления Гитлера на Западном фронте. Эта идея оказалась одной из девяти неудачных идей Аланбрука или девяносто четырех Рузвельта и была отвергнута.

Порой в своем стремлении всегда держать руку на пульсе Черчилль заходил слишком далеко. Его личный секретарь Джок Колвилл вспоминал, как однажды ночью в Чекерсе:

Как обычно, я получил распоряжение позвонить дежурному офицеру в Адмиралтейство и узнать, есть ли какие-либо новости. Оказалось, что новостей нет, и дежурный офицер обещал, что, если появится хоть что-нибудь мало-мальски интерес-

ное, он немедленно позвонит и доложит. Через час мне было приказано снова взяться за телефонную трубку, и уязвленный дежурный офицер напомнил мне о данном им обещании. Когда около двух часов ночи, несмотря на все возражения, мне снова было отдано распоряжение повторить попытку, взбешенный дежурный, чей и так краткий сон был прерван, обрушил на меня весь имеющийся у него в запасе поток морских ругательств. Черчилль, услышав доносящийся из трубки оживленный голос, решил, что, как минимум, потоплен один из вражеских кораблей. Он взял трубку и выслушал залп отборной брани, что явно произвело на него неизгладимое впечатление. Послушав пару минут, он объяснил, что это всего лишь премьер-министр и что он только хотел узнать, есть ли новости.¹³

Черчилль писал: «Те, на кого возложена миссия осуществлять руководство на самом высоком уровне, должны находиться на вершине контроля; они никогда не должны спускаться в долины физического или личного действия». Однако в 1940 г., в первые дни пребывания на посту премьер-министра, он также внушал своим сотрудникам, что: «Эффективное и успешное управление одинаково проявляет себя и в больших и в малых делах».

В первые недели в должности премьер-министра он даже определял, какого размера должен быть флаг, развевающийся над Адмиралтейством. «Черчилль изучал каждый документ, имевший хоть малейшее отношение к войне, и не гнушался выяснять все до мельчайших подробностей», — писал один из его личных секретарей. Он отдавал распоряжения, касавшиеся увеличения численности кроликов, поддержания на должном уровне каче-

ства виски, и даже менял кодовые названия некоторых военных операций.

Гитлер тоже интересовался подробностями боевых действий, однажды лично запретив конные скачки в Берлине, но между ним и Черчиллем было одно решающее отличие: почти все приказы фюрера составлялись его личным секретарем, Мартином Борманом, а Гитлер только ставил свою подпись. Сам лично он почти ничего не писал, чтобы в случае, если что-то пойдет не так или если предпринятые действия окажутся слишком позорными, иметь возможность снять с себя всю ответственность и откреститься от них. «Никогда не отдавать приказ в письменном виде, если это можно сделать устно» — вот был его девиз. Это позволяло ему (и его сторонникам, правда, столь же неубедительно) отказываться от ответственности за свои преступления, включая Холокост.

Черчилль, со своей стороны, не боялся брать на себя ответственность. Так, 21 апреля 1944 г. он заявил, выступая в Палате общин: «Если меня обвиняют в ошибке, то я могу только ответить словами Клемансо, сказанными им по известному поводу: «Возможно, я совершил еще много ошибок, о которых вы даже не знаете». Черчилля долго обвиняли во всех грехах, так что к началу Второй мировой войны он обзавелся толстой носорожьей броней, надежно защищавшей от уколов критики. Любому, кто возвращается в большую политику после такого поражения, как Галлипольская катастрофа, необходимо быть толстокожим. Как он писал в «Моих ранних годах»: «Все порицали меня. Я заметил, что это практика почти постоянная. Видимо, считается, что к травле я устойчивее других».

Конечно, Черчилль не понимал, почему он должен сносить незаслуженные обвинения. В отличие от Гитле-

ра он обычно предпочитал все записывать. Как сообщила генералу Луису Спирсу супруга Черчилля, Клементина: «Он часто не слушает или не слышит, если думает о чем-то другом. Но он всегда внимателен к бумажному документу, чего бы он ни касался. Он никогда не забывает ничего из того, что видел написанным на бумаге». Однако это должно было быть изложено кратко и по сути. В июле 1940 г. Черчилль передал в секретариат военного кабинета записку следующего содержания и придерживался изложенных в ней принципов на протяжении всех военных лет: «Необходимо очень четко понимать, что все указания, исходящие от меня, даются только в письменном виде, и я не несу никакой ответственности за вопросы национальной обороны, по которым я якобы дал указания, в том случае, если они не зафиксированы письменно»¹⁴.

Один из высокопоставленных государственных чиновников, лорд Норманнбрук, вспоминал, что эта записка немедленно возымела огромный эффект: «Прежде премьер-министры, желая получить информацию или дать совет коллеге, делали это с помощью письма — в большинстве случаев составленного от их имени личным секретарем. Теперь же министры получают личные сообщения, как правило, уместающиеся на четверти листа и сформулированные в выражениях, не оставляющих сомнения, что они написаны лично премьер-министром»¹⁵. Подобные записки обычно писались в начале и конце каждого дня.

Черчилль был одним из первых современных политических лидеров, кто признавал важность статистики и количественного анализа. Он поручил своему другу профессору Линдемману возглавить статистическое бюро, в котором трудилось около двадцати человек, в том числе экономисты, как минимум один ученый, чи-

новники и обязательные секретари-машинистки, чтобы печатать отчеты. Вскоре стало ясно, что результаты его работы приносят Черчиллю, хорошо умевшему пользоваться собранными данными, неоценимую пользу. «Не пытайтесь формировать мнение, — писал он. — Предоставляйте нам только голые факты».

Сознавая собственную необычность, Черчилль хотел добиться того, чтобы люди, имеющие некоторые отклонения, могли достичь успеха на военной и гражданской службе. Через несколько недель после того, как Черчилль стал премьер-министром, он в письме, адресованном Энтони Идену, занявшему вновь созданный пост военного министра, писал: «Нам нужны энергичные, «живые» личности, а не заурядные типы». Спустя полгода он писал фельдмаршалу Джону Диллу: «Мы не можем позволить, чтобы назначения в армии ограничивались лишь теми людьми, которые не вызывают враждебных комментариев... Пришло время испытать людей, наделенных силой и свежим взглядом на события, и не ограничиваться исключительно теми, кто по традиционным меркам считается абсолютно надежными». В результате такие в высшей степени неординарные личности, как полубезумный Орд Уингейт, гомосексуалист Алан Тьюринг и эксцентричные ученые из Блетчли-парк, получили возможность внести свой значительный вклад в дело победы над врагом. Черчилль считал, что нужно любой талант использовать, даже если для этого надо закрыть глаза на чьи-то недостатки. В одном из писем фельдмаршалу Джону Диллу, касавшемся блестящего, но эксцентричного генерала танковых войск Перси Хобарта, Черчилль писал: «Войны помогают выигрывать не только хорошие ребята. Но и подлецы, и подонки».

Важным примером того, как Черчилль вводил в правительство неподходящих, по мнению многих, лю-

дей, стало назначение его друга лорда Бивербрука министром авиационной промышленности в мае 1940 г., и это при том, что он прекрасно понимал, что угрозу вторжения можно остановить только превосходством в воздухе. «Бивер» был канадским медиамагнатом, сколотившим состояние, как считалось, не вполне честным путем, и потому имевшим сомнительную репутацию. Но в пору Первой мировой войны он занимал пост министра информации, ему также принадлежал газетный концерн «Express», что делало его влиятельным лицом в государстве.

Присущий Черчиллю стиль управления являл собой образец того, что современные гуру менеджмента называют «MBWA» — управление через неформальное общение. Он постоянно посещал фабрики, огневые позиции, прожекторные части и т.п. Вскоре после вступления в должность премьер-министра он побывал в штабе командования истребительной авиации, чтобы лично узнать, в чем она нуждается.

Главный маршал авиации сэр Хью Даудинг сообщил, что он остро нуждается в дополнительных ресурсах — летчиках, средствах ночной обороны, но самое главное, нужно больше самолетов. Основная проблема, как быстро понял Черчилль, заключалась в недостатке истребителей. Чтобы как можно скорее исправить ситуацию, он предоставил Бивербруку свою полную поддержку. Он даже назначил его личным советником, несмотря на возражения короля и других высокопоставленных лиц.

К счастью, Бивербрук вскоре показал себя как успешный руководитель. Он использовал жесткие, зачастую даже жестокие, методы, чтобы добиться своего, и под его агрессивным руководством дела в авиационной промышленности вскоре пошли на лад. Необходимые ресурсы

изыскивались за счет производства бомбардировщиков, и, кроме того, он упростил бюрократический процесс, чтобы добиться хотя бы кратковременного увеличения производства истребителей. Его знаменитый призыв к домохозяйкам сдавать кастрюли и сковороды в переплавку во многом способствовал поднятию общественного сознания и морального духа, пускай даже на нужды непосредственно авиационной промышленности шла лишь небольшая часть полученного таким образом металла.

На совещании, состоявшемся 3 июня, сэр Арчибалд Синклер, новый министр ВВС, докладывал, что в Англии ощущается опасная нехватка летчиков. Ситуация с производством истребителей в мае также была критической, но теперь проблема нехватки летного состава стала такой же острой, как и проблема дефицита самолетов. Черчилль сообщил Синклеру, что во время посещения аэродрома в Хендоне он заметил множество летчиков, занятых на земле. «Всех прошерстить, — приказал он тоном настоящего современного менеджера высшего звена. — Держите меня в курсе».

К середине августа Синклер нашел летчиков; в этом ему помог Черчилль, который, отмахиваясь от недовольных жалоб ВМФ, дал главному маршалу авиации Даундингу пилотов из рядов военно-морской авиации. В результате действий Черчилля общее число летчиков-истребителей возросло, несмотря на постоянные потери в числе летного состава. Немцы же не думали ничего менять. Они пребывали в состоянии летаргического сна, полностью полагаясь на мощь люфтваффе; в августе Геринг даже отправился охотиться и забавляться со своими игрушечными макетами железных дорог.

15 сентября, в день, по совпадению ставший решающим днем Битвы за Англию, Черчилль посетил штаб II группы британских ВВС.

Отсюда он наблюдал за тем, как разворачивалось это важнейшее сражение, и наблюдал победу королевских ВВС. Успех, одержанный в тот день, означал, что угроза вторжения миновала. 17 сентября Гитлер принял решение отложить операцию «Морской лев» на неопределенный срок, хотя приказ об отмене вторжения, по крайней мере до следующей весны, был отдан только 12 октября. В июле 1941 г. операция снова была отложена Гитлером до весны 1942 г., «к тому времени Русская кампания будет завершена». Вместо этого 13 февраля 1942 г. адмирал Рёдер провел последнее совещание, касавшееся операции «Морской лев», и получил у Гитлера согласие на ее полную «отмену». Тем не менее, Черчилль сознавал, что поддерживать в людях решимость и готовность работать на победу легче перед лицом ощутимой угрозы, поэтому даже после того, как из Блетчли-парк было получено сообщение, что непосредственная угроза миновала, он продолжал предостерегать о возможном вторжении, поскольку понимал, что это отличный способ держать нацию собранной и сплоченной.

Если бы в 1940 г. немцы осуществили вторжение и долгая история независимости Британской империи пошла к концу, это случилось бы в районе Нисден, на севере Лондона. Там располагался бункер, в котором Черчилль и другие члены правительства должны были укрыться в случае захвата немцами центральной части Лондона и где он сражался бы до самого конца. Говоря его собственными словами: «Если долгой истории нашего острова суждено наконец закончиться, пусть она закончится тогда, когда последний из нас упадет на землю, захлебнувшись собственной кровью». Как он писал в «Савроле» в сцене смерти смелого президента Молары: «Часто случается так, что, когда мужчины уверены, что им суждено умереть, желание вести себя благородно и

уйти со сцены жизни с достоинством одерживает верх над всеми остальными чувствами»¹⁶. Так могло случиться и с Черчиллем. Хотя королевская семья, золотой запас и королевский флот были эвакуированы, чтобы продолжать борьбу из Оттавы, Черчилль принял решение оставаться в столице до конца, каким бы он ни был. (Конечно, позволили бы ему это на самом деле — другой вопрос, ведь ситуацию в случае реального вторжения невозможно было предсказать, и живой премьер-министр в Канаде был бы гораздо полезнее мертвого в Нисдене.) Королевская семья имела несколько поместий — включая Мадресфилд-корт в Вустершире, куда они собирались эвакуироваться, продвигаясь все дальше на север, прежде чем сесть на корабль, отплывающий из Шотландии. И трудно поверить, что Черчилль не позволил бы убедить себя в необходимости продолжать борьбу, особенно если бы ему приказал сам король. Конечно, все подобные планы держались в строгом секрете, поскольку летом 1940 г. главной целью правительства было пресекать любые проявления пораженческих настроений, которые лишили бы силы союзников на континенте воли продолжать борьбу.

Борьба с пораженчеством

В мае 1940 г., в разгар эвакуации из Дюнкерка, Черчилль направил всем членам кабинета и высокопоставленным должностным лицам меморандум, в котором говорилось: «В эти темные дни премьер-министр был бы признателен, если бы все его коллеги в правительстве, а также высокие должностные лица поддерживали высокий моральный дух в своем окружении; не приуменьшая серьезности положения, но демонстрируя уверенность в нашей стойкости и несгибаемую решимость продолжать

войну до тех пор, пока мы не сломим желание врага подмять под себя всю Европу».

В 1940 г. подавление пораженческих настроений, или, еще хуже, коричневой «пятой колонны», предположительно действовавшей внутри Англии, являлось для Черчилля, как руководителя государства, главной задачей. Выступая 4 июня после Дюнкерка, он сказал: «Парламент наделил нас правом железной рукой пресекать любую активность какой-либо «пятой колонны» в Британии, и мы будем пользоваться этим правом без тени сомнения до тех пор, пока не будем убеждены, и даже более чем убеждены в том, что это зло среди нас успешно уничтожено». Одним из мест, где это происходило, являлся район Хэм в Ричмонде, где на секретной базе М15 в 1940–1941 гг. содержались сорок особо ценных вражеских агентов, которых допрашивали с применением методов, запрещенных Женевской конвенцией. Хотя об этом мрачном месте мало что известно — поскольку материалы секретной службы, касающиеся его, все еще хранятся под грифом «секретно», — мы знаем, что именно там М15 впервые, и почти с полным успехом, удалось расколоть и затем «перевербовать» тех, кто, как считалось, работал на немцев.

Борьба с пораженческими настроениями в некоторых частях страны иногда доходила до абсурда, когда простых людей арестовывали только за то, что они жаловались на очереди за хлебом. Подобное преступное рвение со стороны местных властей даже подрывало веру людей в победу¹⁷. В 1940 г. литературный критик Сирил Коннолли был арестован военной полицией в гостинице в Оксфорде, потому что «казалось, что он проявляет чрезмерный интерес» к беседе английских офицеров. Его венский паспорт и должность редактора литературного журнала изучали по меньшей мере восемь полицейских,

и он был отпущен только после того, как ему удалось доказать, что он посещал Итон и Бейллиол-Колледж в Оксфорде¹⁸. Один житель Лестершира получил два года тюрьмы за то, что сказал в пабе, что «не понимает, как нам удастся выиграть войну». На самом деле не понимал этого и сам премьер-министр, в отчаянии утверждавший в 1940 году, что народ Германии поднимется на восстание, если зима окажется слишком тяжелой.

В середине июня 1940 г., во время Битвы за Францию, обернувшуюся ее поражением, Черчилль обратился к народу по радио со словами: «Мы верим, что в конце концов все будет хорошо». Учítывая, что Гитлер властвовал на европейском континенте от Варшавы до Бреста и от Нарвика до Неаполя, что пакт о ненападении между Германией и Россией все еще действовал, что Италия находилась в состоянии войны с Англией и что нацисты проглотили одиннадцать независимых государств за два года, Черчилль был подобен мистеру Микоберу из романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд», который вопреки всему надеялся, что «все как-нибудь образуется». 18 июня 1940 г., выступая с речью, которая стала известна, как «Звездный час», Черчилль попытался заложить основу для, как он их назвал, «обоснованных надежд на конечную победу».

Но кроме заверений, что премьер-министры доминионов поддержали решение продолжать борьбу и что французы могут продолжить сопротивление — чего они, в общем-то, не сделали, у него не было никаких убедительных доводов в пользу победы, несмотря на всю пылкость его речи. Он утверждал, что в воздушном бою британские летчики превосходят немцев и что США скоро пришлют значительные запасы техники и боеприпасов; но все это, в лучшем случае, гарантировало, что Британии удастся уцелеть, но никак не объясняло, как армия

сможет высадиться на континенте, чтобы захватить Берлин, свергнуть Гитлера и победить в войне.

Черчилль даже рассматривал возможность того, что Германия может неожиданно и необъяснимо сдать-ся, просто уступив высокому боевому духу британцев, как это произошло, по его словам, в 1918 г.: «Во время войны мы не раз задавали себе вопрос: «Как мы придем к победе?» — и никто не мог дать на него точный ответ до тех пор, пока в конце совершенно неожиданно и внезапно наш страшный враг не капитулировал перед нами, а мы так упивались победой, что в своем безумии отбросили прочь ее плоды». Надежда на внезапную утрату Германией боевого духа не могла считаться эффективным планом победы в войне. Черчилль хорошо понимал, что Британская империя не может победить Германию собственными силами; она отчаянно нуждалась в союзниках.

В поисках союзников

Еще до того, как стать премьер-министром, Черчилль надеялся убедить вступить в войну продолжающую колебаться Америку. После обеда с Черчиллем, состоявшегося 5 октября 1939 г., посол Джозеф Кеннеди признавался в своем дневнике: «Я не верю ему. Он почти убедил меня, когда признался, что готов взорвать американское посольство и свалить это на немцев, если это заставило бы Соединенные Штаты вступить в войну». Черчилль раньше, чем кто-либо еще в правительстве военного времени, особенно после падения Франции, понял, что без помощи американцев не обойтись, и стал прилагать значительные усилия к созданию коалиции, еще до вступления на пост премьер-министра, несмотря на противостояние враждебного ко всему английскому

американского посла. Кульминацией его предложений Соединенным Штатам стала речь, произнесенная в резиденции лорд-мэра Лондона 20 ноября 1941 г., в которой он пообещал: «В случае, если США вступят в войну с Японией, объявление о вступлении в войну со стороны Великобритании воспоследует через час».

Гитлер, наоборот, полностью недооценивал важность союзов. В этом проявлялась прагматичная сторона его натуры, доказательством чего стал пакт Молотова-Риббентропа, заключенный в августе 1939 г., но он всегда воспринимался только как временная мера. Как он писал в «Моей борьбе»: «Из чисто тактических соображений». Когда, десятью годами ранее, он обсуждал потребность Германии в «жизненном пространстве на Востоке», он говорил: «Это не означает, что я откажусь пройти часть пути вместе с русскими, если это нам поможет. Но сделаю я это только для того, чтобы еще быстрее осуществить наши подлинные цели»¹⁹. Идея оставаться верным условиям договора дольше, чем это ему выгодно, была абсолютно чуждой Гитлеру. Его идеологическая цель — завоевание для Германии жизненного пространства на Востоке — значила куда больше, нежели соображения морального или правового порядка низших существ.

Точно так же как нацисты недооценивали важность союзов, они не испытывали ничего, кроме пренебрежения, к международным соглашениям. Договоры были для них, по непристойному выражению Геринга, «не более, чем туалетной бумагой». Как правило, Гитлер забывал проинформировать союзников о своих следующих шагах. Гитлер не только разорвал договор с Советским Союзом, таким образом развязав войну на двух фронтах; он также не счел нужным сообщить другим своим союзникам, итальянцам и японцам, о планах по осуществле-

нию операции «Барбаросса». К Италии он относился с особым презрением, как к младшему партнеру, чьи интересы и желания можно с легкостью игнорировать. Об этой стране он выразился так: «Муссолини, может быть, и римлянин, но его народ — итальянцы». Поэтому неудивительно, что Муссолини решил, по его собственным словам, «отплатить Гитлеру той же монетой», когда напал на Грецию всего через три недели после того, как Гитлер предостерег его от этого во время встречи на перевале Бреннер, которая состоялась 4 октября 1940 г. Возможно, это роковым образом сказалось на операции «Барбаросса». Когда наступление Муссолини на Грецию провалилось, Гитлеру пришлось в апреле 1941 г. оккупировать Югославию, чтобы прийти на помощь Италии. Это была еще одна молниеносная кампания, занявшая всего шесть недель, но ее осуществление, возможно, отсрочило вторжение в Советский Союз. Насколько важными были эти шесть весенних недель, стало ясно, когда немецкая армия не смогла дойти до Москвы до наступления русской зимы.

Весной 1941 г. Гитлер также не проинформировал своего другого союзника, Японию, о предстоящем вторжении в Россию. Более того, он намеренно дезинформировал японцев, заявив, что «Россия не подвергнется нападению до тех, пока поддерживает дружеские отношения в соответствии с пактом о ненападении»²⁰. Если бы прежде, чем начать вторжение, Гитлер посоветовался с японцами, возможно, они бы убедили его в необходимости вторгнуться в Югославию и Россию одновременно. Во время Гражданской войны в России японская армия сражалась в Сибири, и нападение с востока одновременно с вторжением Гитлера на западе могло бы подорвать моральный дух русских. В результате в сентябре 1941 г. японское командование приняло решение отказаться на

время от осуществления военных действий против СССР и тремя месяцами позже, не уведомив Германию, отдал приказ о нападении на Перл-Харбор, вынудив, таким образом, Соединенные Штаты вступить в войну. Таким образом, ошибки, допущенные Гитлером в отношениях с союзниками, косвенно способствовали воплощению в жизнь стратегической мечты Черчилля о «Великом союзе» Британской империи, Соединенных Штатов и Советского Союза. Блестящий государственный ум Рузвельта обеспечил принятие неожиданной стратегии «приоритета Европы», после чего судьба Гитлера была решена.

Конечно, на протяжении всей своей политической карьеры, начиная с 1917 г., Черчилль разделял неприязнь Гитлера к коммунистическому режиму, царящему в Советском Союзе. Даже в романе «Саврола», опубликованном за двадцать лет до русской революции, главным злодеем он сделал Карла Кройтце, социалиста. После 1918 г. Черчилль призывал к вооруженной борьбе с большевиками, и несколько самых обличительных его речей было направлено против Советов, в них он называл их «смертоносными гадами», «холодными, расчетливыми, беспощадными, неутомимыми», «низкими» и даже «отвратительными чудовищами». Однако ни одно из этих прошлых высказываний не могло убедить Черчилля отказаться от возможности объединиться с Советским Союзом после молниеносного вторжения Гитлера в СССР.

22 июня 1941 г. Черчилль сообщил британскому народу о начале операции «Барбаросса», сказав: «В 4 часа этим утром Гитлер напал на Россию. Все его обычные формальности вероломства были соблюдены со скрупулёзной точностью». Далее он заявил, что: «Любой человек или государство, борющиеся против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, марширующие с Гитлером — наши враги». Таким обра-

зом, он готовился подчинить свои идеологические предпочтения более великой цели. Накануне ночью он даже заметил своему личному секретарю Джоку Колвиллу: «Если Гитлер вторгнется в ад, я произнесу панегирик в честь дьявола»²¹. Черчилль был способен на компромиссы: сначала пойдя на уступки американцам, затем заключив союз со своим давним идеологическим врагом, Иосифом Сталиным. Эта готовность к компромиссам ради высшей цели является одним из качеств настоящего лидера.

Если говорить о его попытках уломать американцев, то Черчилль однажды сказал Колвиллу: «Ни один любовник не изучал столь дотошно каждый каприз своей любовницы, как я прихоти президента Рузвельта». В 1941 г. готовилась к изданию новая редакция его книги «Мои великие современники», 1937 г., Черчилль включил в нее хвалебную статью о Рузвельте, написанную в 1934 г., в которой говорилось о его президентстве: «Несомненно Рузвельт войдет в число величайших людей, занимавших этот высокий пост. Его великодушное сострадание к обездоленным, пылкое желание найти самый короткий путь к социальной справедливости, ставят его в один ряд с величайшими филантропами. Его самообладание, сочетающееся в моменты кризиса с деятельной активностью, позволяют сравнивать его со знаменитыми людьми дела»²². Позднее в том же году, выступая в парламенте Канады, он так отозвался о Рузвельте: «Это великий человек, которому самой судьбой предназначено бороться за счастье людей».

Это отчаянное стремление улестить и очаровать Америку, и особенно ее лидера, подметил один из министров Рузвельта, Гарольд Икес, высказавшись в том духе, что Черчилль будет улаживать друга и личного представителя президента Рузвельта, Гарри Гопкинса,

даже если у него будет бубонная чума²³. Однако Черчилль был способен и на тонкую угрозу. Вот, что он писал Рузвельту в послании, переданном через американское посольство в Лондоне 15 июня 1940 г., в котором умолял Америку вмешаться прежде, чем Франция падет:

Хотя нынешнее правительство и я лично никогда не откажемся послать флот через Атлантику, если сопротивление в Европе будет сломлено, в борьбе может наступить момент, когда действующие министры больше не будут контролировать положение дел, и когда договориться с Британскими островами, которые превратятся в вассала гитлеровской империи, будет несложно. Несомненно, будет создано прогерманское правительство, чьей миссией будет заключение мира, и которое предоставит изнуренному или голодающему народу практические неоспоримые обоснования необходимости полностью подчиниться воле нацистов. Судьба британского флота... решительным образом повлияет на будущее Соединенных Штатов, поскольку, если он присоединится к флотам Японии, Франции и Италии и будет опираться на высокоразвитую германскую промышленность, в руках Гитлера окажется непреодолимая морская сила. Он, конечно, может проявить добрую волю и не наносить сокрушающий удар. А может и не делать этого. Это радикальное изменение в расстановке сил на море может произойти очень быстро и несомненно до того, как Соединенные Штаты успеют подготовиться к этому. Если мы падём, вы можете превратиться в Соединенные Штаты Европы, поскольку в распоряжении нацистов окажется более многочис-

ленная, сильная и лучше вооруженная армия, чем у Нового Света.²⁴

Хотя политики заявляют, что их не интересуют гипотетические вопросы, на самом деле любой из них, кто относится к делу честно и добросовестно, должен всегда учитывать все возможные варианты будущего развития событий, и Рузвельт не был исключением. «Если, прочитав это, — писал советник Рузвельта, Генри Моргантау, — мы не предоставим англичанам дополнительные эсминцы, мне кажется, бесполезно надеяться на то, что они смогут продолжать сопротивление». В результате США согласились передать Англии 50 требуемых эсминцев в обмен на предоставление им в аренду на 99 лет нескольких баз в западном полушарии. Таким образом, методы Черчилля в отношении американцев не всегда были мягкими и льстивыми, как пытаются представить его недоброжелатели.

В ходе войны Черчиллю пришлось смириться с тем, что общая военная стратегия все в большей степени определялась его партнерами, американцами и русскими, чей вклад в части людских ресурсов, денег и техники был несравнимо больше. В 1942–1943 гг. Черчилль долгое время вынашивал смелую идею «ворваться в Европу с юго-востока», через речные долины на Балканах. Хотя начальник имперского генерального штаба фельдмаршал лорд Аланбрук считал эту затею не более чем как он это называл, «пустой мечтой», Черчилль считал ее вполне реальной — и более предпочтительной альтернативой операции «Оверлорд» по высадке союзников в Нормандии с целью освобождения Франции. Американцы разделяли точку зрения Аланбрука, и Черчилль, в конце концов, вынужден был согласиться с ними и отказаться от своей идеи. Между Черчиллем и начальниками шта-

бов, о которых в январе 1944 г. он выразился следующим образом: «Возможно, они считают, что я веду их по садовой дорожке, и за каждым поворотом они должны находить вкусные фрукты и полезные овощи», постоянно происходил обмен колкостями.

По ходу войны Черчилль обнаружил, что его роль все больше сводится к тому, чтобы консультировать Вашингтон и Москву, а не руководить ими, и уж тем более не контролировать. Гитлер с таким положением никогда бы не смирился; если Черчилль становился тираном время от времени, то Гитлер оставался им всегда. «Какая мы маленькая нация, — говорил Черчилль о своих чувствах во время Тегеранской конференции с Рузвельтом и Сталиным в ноябре–декабре 1943 г. — С одной стороны от меня сидел большой русский медведь... а по другую — огромный американский бизон, а между ними примостился маленький английский ослик». Тем не менее ослик нашел эффективный способ сохранить свое влияние на ведение войны. Это был тот же самый способ, который офицеры штаба Черчилля использовали против него самого, когда хотели притормозить реализацию одной из его любимых схем или отговорить его от плана, который считали неосуществимым: вначале они в принципе соглашались, а потом пытались утопить идею в море разумных возражений.

После войны Дуайт Эйзенхауэр, бывший верховный командующий союзных войск, сказал о Черчилле:

Мне было очень тяжело противостоять его аргументам. Неоднократно он вынуждал меня пересматривать мои собственные замыслы, чтобы еще раз убедиться, что я был прав, — или принять его решение. Однако если это решение оборачивалось против него, он воспринимал это спокойно и делал

все, что в его силах, чтобы исправить ситуацию. Руководство путем убеждения и полное принятие противоположного решения являются основами демократии.

Черчилль готов был использовать любые возможные диалектические и эмоциональные средства давления, чтобы убедить, что его решения правильны. По словам начальника разведывательного управления ВМС адмирала Годфри, они включали «убеждение, подлинный или притворный гнев, насмешки, ругань, истерики, издевки, оскорбления и слезы». И стойким людям, к каким, несомненно, относился фельдмаршал лорд Аланбрук, приходилось справляться с этими методами воздействия и зачастую преодолевать их.

Триумф воли

Черчилль признавал, что многие победы, одержанные Гитлером, являются результатом всепокрушающей воли диктатора, и решил показать, что его собственная сила воли столь же высока. В своем выступлении по радио 14 июля 1940 г. он сказал:

Могу себе представить, что сочувствующие нам народы за Атлантическим океаном или обеспокоенные друзья в еще не захваченных странах Европы, которые не могут оценить наши возможности и нашу решимость, ощущают страх, не зная, выживем ли мы, увидев столько государств и королевств, разорванных на куски за несколько недель или даже дней чудовищной силой нацистской военной машины. Но Гитлер еще не сталкивался с великой нацией, у которой сила воли была бы равна его.

Черчилль понимал, что в задачу лидера государства входит, в том числе, убедить возглавляемый им народ в том, что у него достаточно силы воли на то, чтобы быть в курсе современных веяний, но не давать влиять на себя. Привычка выпячивать и так выступающую вперед челюсть, почти как в карикатуре на бульдога, только подчеркивала эту особенность его облика. Он также сумел превратить свою трость, которая в руках другого человека его возраста выглядела бы признаком немощности, в убедительный символ неповиновения, о чем красноречиво свидетельствует необычный памятник Айвора Роберта-Джонса на Парламентской площади. Идею, выражаемую устно, он подкреплял языком своего тела.

Хотя Черчилль на всем протяжении 1940 г. и в первой половине 1941 г. постоянно преувеличивал шансы на победу, он никогда не недооценивал существовавшие опасности и трудности. И поднял это умение на невиданную прежде в политике высоту, что заставляло людей доверять ему. Когда опасность была реальной, как во время Битвы за Англию в конце лета 1940 г., премьер-министр, казалось, почти смаковал перечень неудач, постигших Британию с тех пор, как он занял свой пост. Чтобы извлечь пользу из целого ряда катастроф, нужен был поистине выдающийся лидер. В речи, произнесенной 20 августа 1940 г., он сообщал:

Прошло уже больше четверти года с тех пор, как в Британии вступило в силу новое правительство. Что за поток несчастий обрушился на нас с того времени! Доверчивые Нидерланды разбиты, их любимый и уважаемый монарх изгнан; мирный город Роттердам стал местом такой же ужасной и кровавой резни, как в Тридцатилетней войне; Бельгия оккупирована; наши собственные экспедици-

онные войска, которые король Леопольд призвал на помощь, сильно пострадали и были почти схвачены, и, казалось, спаслись только чудом, потеряв все снаряжение; наш союзник, Франция, отрезан; Италия стала нашим противником; вся Франция под властью врага, все ее арсеналы и огромное количество разного рода военных материалов используются или могут быть использованы врагом, в Виши действует марионеточное правительство, которое в любой момент могут заставить стать нашим противником; вся западноевропейская морская граница от мыса Норд Кап до испанской границы — в руках Германии; все порты, все воздушные пространства огромного фронта задействованы против нас, как потенциальные базы для нападения. Более того, немецкие воздушные силы, значительно превосходящие нас по численности, находятся так близко к нашему Острову, что то, чего мы так боялись, началось: не только вражеские бомбардировщики теперь могут долететь до нас за несколько минут с любой стороны, но их могут сопровождать истребители.

Это был устрашающий перечень, но Черчилль каким-то образом сумел превратить поистине кошмарную ситуацию в некое благо. В его речах прежде проскальзывало утверждение, что Германия одерживала победы путем лжи, обмана и неожиданного нападения, но теперь он, казалось, готов был утверждать, что до сих пор надежные англичане пришли к тому, чтобы использовать собственные низкие методы борьбы, и полное моральное превосходство приведет их к победе. И снова это может показаться абсолютно нелогичным в контексте современных методов ведения войны, но Черчилль понимал,

что в 1940 г. британцам, кроме храбрости, оружия и боеприпасов, нужна была также и сила духа, и весь свой лидерский талант он направил на решение именно этой задачи. Возможно, он не слишком подходил для того, чтобы заключать мир в 1945 г. или вновь руководить страной в 1950-х гг., но его методы были полезны, когда нужно было убедить британцев не терять стойкость в решающие 13 месяцев между падением Франции и вторжением Гитлера в Россию. В основном это удалось сделать благодаря огромной силе воли, и потому в названии, которое Лени Рифеншталь выбрала для своего фильма о Гитлере — «Триумф воли» есть некая доля иронии, поскольку, в конце концов, победу одержала воля Черчилля.

Созидательное противостояние: Черчилль и Аланбрук

«Содержание этой книги ни в коем случае не должно быть опубликовано», — написал фельдмаршал Аланбрук на первой странице своего военного дневника, и нетрудно понять почему²⁵. Если «мастер стратегии», рядовой Черчилль позволил уговорить себя стать главным солдатом Англии, Аланбрук хранил в себе все самые важные военные тайны. Даже когда они были опубликованы в 1957 г., как часть биографии Аланбрука, дневниковые записи были подвергнуты жесточайшей цензуре, как по соображениям национальной безопасности, так и из опасения вызвать недовольство со стороны таких влиятельных фигур, как тогдашний президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр и бывшие и нынешние премьер-министры Уинстон Черчилль, Энтони Иден и Гарольд Макмиллан.

В 2001 г. они впервые были опубликованы в полном объеме, и хотя давно уже ни для кого не было се-

кретом, что Аланбрук не всегда был полностью согласен с Черчиллем в стратегических вопросах, тот факт, что он большую часть военного времени едва мог работать с премьер-министром, стал очевиден только теперь. Черчилль, со своей стороны, не питал к Аланбруку неприязненных чувств.

Влияние Аланбрука на общую стратегию едва ли можно переоценить. Именно он, даже в большей степени, чем Черчилль или военный кабинет, определял этапы на пути к разгрому нацистской Германии. Именно он разработал поэтапный план освобождения сначала Северной Африки, Италии и затем Нормандии, прежде чем сосредоточиться на взятии Берлина. Тем, кто раньше считал его типичным грубым, лишенным чувства юмора ирландским солдафоном, стало ясно, что Аланбрук был также человеком, страстно влюбленным в свое дело, который поочередно переживал приступы депрессии и душевного подъема и испытывал ярость по отношению к людям, с которыми ему приходилось работать, особенно к генералам Маршаллу, Эйзенхауэру и Паттону, и к большей части британского политического и военного истеблишмента.

Скруплезный подход Аланбрука часто вступал в конфликт с безрассудством Черчилля. Они противостояли друг другу, как игрок в шахматы противостоит игроку в покер. Хотя Черчилль никогда не отменял решений, принятых начальниками штабов, иногда он бывал с ними во многом не согласен. Тень Галлиполийской катастрофы до сих пор висела над ним, и потому он больше доверял своему импульсивному гению, нежели логическим доводам Аланбрука. Тот, в свою очередь, считал своей обязанностью помешать Черчиллю вовлечь Англию в очередную катастрофу при Галлиполи — задача, в которой он преуспел, когда камня на камне не оставил

от планов Черчилля по захвату Балкан в 1943 г. и Суматры в 1944 г.

Хотя в протоколах комитета начальников штабов, которые хранятся в государственном архиве, приводится лишь скупое, фактическое изложение того, о чем говорилось в процессе заседаний, дневники Аланбрука дополняют их красочными подробностями, в том числе в них рассказывается о бурных спорах между ключевыми фигурами, часто разгоравшихся в ходе дискуссии. Черчилля и членов британского верховного командования никак нельзя было назвать образцами олимпийского спокойствия, как это было принято изображать в средствах пропаганды военного времени, и временами они приходили в отчаяние, не зная, что делать дальше, и вступали в ожесточенные споры по поводу того, как нужно вести войну.

Если Черчилль был романтичным, неистовым и воодушевляющим, начальника имперского генерального штаба можно было скорее назвать осторожным, пессимистичным, непреклонным и рассудительным. Они оба были воинственны, упрямы и страстно стремились одержать верх во что бы то ни стало. Существовавшее между ними противостояние, в конечном счете, шло на пользу Англии, так как совместно выработанная ими военно-политическая стратегия вобрала в себя как гений Черчилля, так и профессионализм Аланбрука. Их рабочие взаимоотношения были мучительны для обоих и зачастую служили источником раздражения, и, тем не менее, помогли выиграть Вторую мировую войну.

«Бруки хотел иметь все сразу», — заметила Клементина Черчилль после выхода его биографии, опубликованной в 1957 г., когда он написал льстивое — в тех обстоятельствах несколько лицемерное — посвящение на экземпляре, присланном им Черчиллю. Как сказал

Монтгомери автору книги, историку Артуру Брайанту, Черчилль «страшно разозлился» на эту первую трещину в его репутации военного времени. Он бы пришел в ярость, если бы прочитал то, что Аланбрук и Брайант исключили из дневниковых записей.

Однако необходимо напомнить, что Аланбрук часто великодушно отзывался о Черчилле в своем дневнике и постоянно подчеркивал, что делает записи, пребывая в состоянии величайшего напряжения, зачастую поздно ночью, и это является для него способом дать выход эмоциям и, таким образом, уберечь коллег от приступов собственного раздражения. По всей вероятности, эти дневники предотвратили столько же конфликтов, сколько и отобразили на своих страницах. В крупных спорах относительно военной стратегии, и особенно касавшихся отсрочки открытия Второго фронта до июня 1944 г., когда союзники уже были должным образом готовы, правда в конце концов оказалась на стороне Аланбрука, и большая удача, что на месте этого достойного восхищения «несговорчивого человека» не оказался кто-то более слабый.

Что спасало Черчилля от потенциально опасных военных просчетов, так это уважительное отношение к людям, которые не боялись возражать ему и называли вещи своими именами. И действительно, тот факт, что он остановил свой выбор на Аланбруке именно потому, что знал, что тот сумеет ему противостоять, заслуживает огромного уважения и совсем не походит на стандартную практику современных политиков. Как сказал однажды американский генерал Джордж Паттон: «Когда все соглашаются, никто не думает». Даже лучших лидеров ждет крах, если они не позволяют другим не соглашаться с ними; этой ошибки Черчилль не совершил.

Дневники Аланбрука являлись психологическим предохранительным клапаном для солдата, работавшего

под тяжким грузом политического и военного давления, какого никто не испытывал ни до, ни после него. Когда очередной карандаш ломался в его руках на словах «Премьер-министр, я решительно не согласен», он исполнял свой долг лучше, чем любой из генералов союзников. Величие Черчилля отчасти заключается в том, что он принял решение о назначении Аланбрука и потом, хоть и неохотно, следовал его советам.

Отчасти его внутренняя уверенность в себе объяснялась тем фактом, что в одной из первых крупных стычек с начальниками штабов Черчилль оказался прав в своем весьма смелом решении. Речь шла об укреплении позиций на Ближнем Востоке в июле 1940 г., тем более что в разгар Битвы за Англию требовалось отправить почти половину имеющихся танков к мысу Доброй Надежды. Биограф Черчилля Рой Дженкинс полагает, что без этой блестящей победы над начальниками штабов, «возможно, не удалось бы удержать Египет в 1941 — начале 1942 гг., и Ливийская пустыня могла бы не стать ареной первой решающей победы Британии на суше в конце того же года»²⁶. Это, естественно, позволило Черчиллю занять по отношению к начальникам штабов более агрессивную позицию, нежели та, на которую он мог рассчитывать, обернись все иначе.

В результате Черчилль периодически позволял себе брать верх над более осторожными и мудрыми рассуждениями начальников штабов. Как пишет военный историк Джон Киган:

Некоторые из его инициатив заканчивались настоящей катастрофой, как, например, в случае, когда, вопреки совету американцев, он настоял на захвате греческих островов Додеканес в 1943 г. Он также совершил кардинальную военную ошибку,

настояв на ошибочном решении о высадке 18-й дивизии в Сингапуре. В результате этого она оказалась захвачена японцами²⁷.

Используя тактику собственных подчиненных, заключавшуюся в завуалированном торможении и задержке в исполнении приказов, Черчилль благополучно сумел оттянуть начало операции «Оверлорд» до 1944 г., хотя Сталин выдвигал требования открыть Второй фронт с 1942 г., а Рузвельт намеревался начать высадку войск в Европе в 1943 году. Опасаясь катастрофических последствий в случае неудачного вторжения, Черчилль настаивал на том, что до начала переброски союзных войск через Ла-Манш необходимо как следует измотать силы немцев. Он хитростью втянул американцев в отвлекающие кампании на Ближнем Востоке и в Италии, и, таким образом, предотвратил преждевременное начало операции «Оверлорд». Время показало, что Черчилль был абсолютно прав. Крайне сомнительно, что, начнись вторжение в 1943 г., оно завершилось бы успехом, и отсрочка операции «Оверлорд» была, пожалуй, — после укрепления стойкости британского народа в 1940–1941 гг. — самым важным личным вкладом Черчилля в победу союзных войск.

Гитлер о Черчилле

«Странно, как это Англия ввязалась в войну, — говорил Гитлер вечером 18 октября 1941 г. гостям, собравшимся в Бергхофе. — Это дело рук Черчилля, этой марионетки, которую дергают за ниточки евреи»²⁸. Неудивительно, что имя Черчилля звучало за столом Гитлера столь же часто, как его собственное упоминалось в речах Черчилля в Палате общин, причем реплики были

столь же желчны, сколь и не остроумны. «Я ни разу не встречал англичанина, который бы отзывался о Черчилле одобрительно, — говорил Гитлер своим приспешникам вечером 7 января 1942 г. — Ни одного, кто не сказал бы, что он не в себе». Он даже заявил, что Черчилль американский наймит и что он «беспринципный журналист». В результате фюрер уверился, что «оппозиция Черчиллю в Англии усиливается. Она вызвана его долгой отлучкой [в Соединенные Штаты]». Затем он предсказал, что Британия может выйти из войны до ее окончания. Через пять дней, вечером 12 января 1942 г., он вернулся к этой теме, сказав: «Черчилль — это человек с устаревшей политической идеей относительно баланса сил в Европе. Она не имеет ничего общего с реальностью. И, однако, руководствуясь именно этой противоречащей фактам идеей, он вовлек Англию в войну. Когда падет Сингапур, падет и Черчилль; я убежден в этом. Политический курс, осуществляемый Черчиллем, на руку одним только евреям и никому больше». До конца месяца Гитлер рассуждал о том; что «Англия может выжить, только если станет одним целым с континентальной Европой».

Она должна защищать свои имперские интересы в рамках континентальной структуры». Идеальным временем для этого должно было стать возвращение силами восьмой армии Бенгази, которое должно было произойти в канун Рождества и, по мнению Гитлера, восстановить военный престиж Британии, а потому стать очевидным «психологическим моментом, чтобы закончить войну». Главной проблемой по-прежнему оставался Черчилль, который «подсознательно надеялся на Россию». Гитлер не понимал, что в случае, если России удастся победить Германию, Европа сразу же окажется во власти одной из сверхдержав²⁹.

Такое повышенное внимание к противнику походило на одержимость, поскольку всего через два дня, в полдень 2 февраля, Гитлер вновь вернулся к этой теме, высказав мнение, что «Черчилль похож на загнанного зверя. Ему везде мерещатся ловушки. Даже если парламент даст ему еще больше полномочий, его подозрительность не исчезнет. Он находится в том же положении, в каком находился Робеспьер накануне своего падения. Этому достойному гражданину возносили хвалу, когда ситуация внезапно изменилась. У Черчилля не осталось сторонников». Через четыре дня фюрер предсказал, что: «Придет день, когда на секретном заседании [Палаты общин] Черчилля обвинят в предательстве интересов империи... некоторые из его противников уже позволяют себе делать нелестные замечания». Затем он пошел еще дальше: «Англичане ничего не получают от этой войны, кроме горького урока и испорченной репутации. Если в будущем они будут пить меньше виски, то никому не причинят вреда, и, прежде всего, самим себе. Не будем забывать, что всем, что с ними случилось, они обязаны одному человеку, Черчиллю».

Сингапур пал 15 февраля 1942 г., что дало Гитлеру еще один повод для ненависти, особенно когда стало ясно, что Черчилля не отправят в отставку. Ужиная с Роммелем, спустя три после происшедшего, Гитлер заявил, что: «Черчилль — типичный продажный журналист. Наихудшая разновидность беспринципного политика. Он совершенно аморальный, гнусный тип. Я убежден, что он уже подготовил себе убежище по ту сторону Атлантики. По очевидным причинам он не станет искать приюта в Канаде. В Канаде его побили. Он направится к своим друзьям янки». На следующий вечер Гитлер в присутствии находившихся у него в гостях Шпеера и фельдмаршала Эрхарда Мильха обсуждал

ужасную русскую зиму, которая обрушилась на немецкую армию на Востоке: «Я всегда не любил снег; Борман, вы знаете, я всегда его ненавидел. Теперь я знаю почему. Это было предчувствие».

Черчилль полагал, что Гитлер и без всяких предчувствий должен был знать о снегопадах, которые бывают в России зимой. В радиовыступлении 10 мая 1942 г. он позволил себе следующее саркастическое замечание:

Тогда Гитлер совершил вторую грубейшую ошибку. Он забыл о зиме. В России, знаете ли, бывает зима, когда температура месяцами держится на очень низких отметках. Выпадает снег, свирепствуют морозы — в общем, приятного мало. Так вот, Гитлер почему-то совершенно забыл о русской зиме. В школе он, должно быть, не отличался особым прилежанием. На уроках нам всем рассказывали о русской зиме; но он забыл об этом. Я бы никогда не допустил такой ужасной ошибки.

Через четыре дня после нападения Гитлера на Россию Черчилль, выступая по радио, назвал его «злобным монстром, ненасытным в своей жажде крови и грабежа».

К концу марта 1942 г. Черчилль по-прежнему занимал свой пост, и Гитлер начал беспокоиться, что его может сменить Стаффорд Криппс. Это беспокойство привело к неожиданной яростной вспышке: «Я предпочитаю недисциплинированную свинью, которая пьет восемь часов в сутки, этому пуританину. Человек, который тратит без удержу, старик, который пьет и курит без всякой меры, очевидно, внушает меньше опасений, нежели салонный большевик, ведущий жизнь аскета. От Черчилля можно ожидать, что в момент просветления — вполне вероятно — он поймет, что, если война

продлится еще два или три года, империю ждет неотвратимый конец».

Какая честь для Криппса, что Адольф Гитлер боялся его даже больше Уинстона Черчилля, и как наивно со стороны Гитлера верить, что Черчилль когда-нибудь пойдет на мир с Германией после всего, что произошло, даже ради спасения империи.

К 27 июня 1942 г. Гитлер разработал поистине выдающийся план по раскрытию намерений британцев. Во время тирады, в которой он рассуждал о чересчур длительном процессе переговоров между Черчиллем и Рузвельтом, что, по его разумению, свидетельствовало о невозможности договориться, фюрер заявил: «Самый главный вопрос на сегодня — это что собирается предпринять Англия?» Он полагал, что поиском ответа на этот вопрос должно заняться Министерство иностранных дел Германии, располагавшееся на Вильгельмштрассе, и пояснял: «Лучше всего это можно было бы сделать, немного пофлиртовав с дочерью Черчилля. Но наше министерство иностранных дел, и особенно наши благовоспитанные дипломаты, считают такой способ ниже своего достоинства, и они не готовы пойти на такую приятную жертву, даже если, в случае успеха, это поможет спасти жизни бесчисленного множества немецких офицеров и солдат!»³⁰

Как именно в разгар Второй мировой войны немецкие дипломаты, пускай даже самые «благовоспитанные» из них, могли просочиться мимо сотрудников Вспомогательной территориальной службы и умудриться обольстить младшую из трех дочерей Черчилля — поскольку Сара и Диана были замужем, Гитлер, по-видимому, имел в виду девятнадцатилетнюю Мэри — не объяснялось. Склонность Гитлера контролировать мельчайшие детали любой операции явно не распространялась на вопро-

сы, связанные с любовными отношениями. Фюрер также демонстрировал трогательную убежденность холостяка в том, что отец делится с дочерью подробностями планов военных действий. Леди Сомс заверила меня, что, насколько ей известно, в отношении нее не проводилось никаких «операций-ловушек».

1 июля 1942 г. Гитлер все еще продолжал надеяться, что Черчилль будет смещен в результате внутривластного переворота, и этими мыслями он поделился с собравшимися в тот вечер гостями: «Черчилля и его сторонников потеря Египта должна неизбежно заставить опасаться значительного усиления оппозиции. Необходимо учитывать тот факт, что против Черчилля открыто выступает уже двадцать один член парламента». Точность имеющихся у него сведений подтвердилась на следующий же день, когда в процессе голосования в Палате общин по предложению о вынесении вотума недоверия, причиной для которого стал нанесенный Роммелем удар, отбросивший 8-ю армию назад к Эль-Аламейну, правительство Черчилля получило 475 голосов против 25. «Я не занимаюсь предсказаниями, — сказал премьер-министр, выступая в Палате общин, — кроме тех случаев, когда говорю, например, что Сингапур не будет сдан. Каким бы я был дураком и негодяем, если бы сказал, что он падет!»

В следующий раз Гитлер упомянул имя Черчилля через неделю, 9 июля, сделав справедливое замечание по поводу того, что премьер-министр совершает ошибку, «изображая противника так, как это сделал Черчилль в отношении Роммеля. Одно только имя внезапно начинает ассоциироваться с силой, равной нескольким дивизиям. Представьте, что произошло бы, если бы мы стали превозносить до небес [генерала Красной Армии] Тимошенко; в конце концов, наши солдаты начали бы

считать его каким-то сверхчеловеком». Оглядываясь назад, трудно не согласиться с Гитлером в том, что мифологизация Роммеля как «Лиса пустыни» была огромной пропагандистской ошибкой союзников.

Во время визита Черчилля к Сталину в августе 1942 г. Гитлер вновь попытался проникнуть в планы противника: «Думаю, Черчилль ожидал какого-то важного события и отправился в Москву, рассчитывая вернуться с хорошими новостями. Я убежден, что они задумали нечто масштабное, иначе зачем было отправлять Средиземноморский флот в поход?» Безусловно, лидер должен пытаться понять ход мыслей противника, но Гитлер подходил к этой задаче с таким предубеждением и превратным представлением о Черчилле — что он пьяница, почти что дряхлый старик и действует «по приказу своих еврейских хозяев», — что у него не было реальной возможности для этого. «Черчилль, старая краснорожая проститутка от журналистики, — разглагольствовал он 29 августа 1942 г., — беспринципная свинья. Внимательное прочтение его мемуаров доказывает это; в них он раздевается перед публикой догола. Господи, помоги стране, которая принимает руководство такой твари!»³¹

Черчилль о Гитлере

Критические замечания Черчилля в адрес Гитлера были, как можно было ожидать от такого мастера парламентских насмешек, значительно менее непристойными и демонстрировали понимание характера Гитлера, чего не скажешь о выпадах его оппонента. Занимаясь журналистикой во времена, когда нацизм представлялся силой, способной противостоять распространению коммунизма в Германии, он несколько раз положительно

отозвался о Гитлере, в 1935 г. даже заявив, что: «Те, кто встречался с герром Гитлером лицом к лицу по делам или на светских мероприятиях, видели перед собой компетентного, хладнокровного, хорошо информированного чиновника с приятными манерами, обезоруживающей улыбкой, и мало кто не испытал на себе действие его скрытого магнетизма». (Черчиллю хватило силы духа сохранить это высказывание в новой редакции «Моих великих современников» 1941 г.) В этом издании он также написал о Гитлере: «Именно он изгнал дух отчаяния из сознания немецкого народа, заменив его на такой же мрачный, но куда менее нездоровый дух мщения». Четырьмя десятками лет раньше, в романе «Саврола», Черчилль описывал отвратительного, похожего на Яго, личного секретаря Мигуэля: «Он был невысоким, смуглым и очень уродливым. На лице его бороздились морщины, вызванные пожилым возрастом и сидячим образом жизни. Бледность лица этого человека усиливалась из-за контраста с его волосами и короткими усами, которые отличались особенной чернотой с фиолетовым отливом, редко встречающейся в природе»³².

Еще в период с начала до середины 1930-х гг. Черчилль почувствовал — раньше большинства британских политиков, что Гитлер имеет все шансы стать даже еще большей угрозой, чем коммунисты. В июне 1939 г. он спрашивал:

Собирается ли он попытаться взорвать мир или нет? Взорвать мир очень тяжело! Незаурядный человек на вершине власти способен сотворить большой взрыв, и все же цивилизованный мир может устоять. Огромные обломки и осколки от взрыва могут обрушиться ему же на голову и сокрушить его... но мир будет продолжать существовать.

Прямо перед началом войны, 20 августа 1939 г., Черчилль занимался живописью со своим наставником Полем Мейзом, и, работая за мольбертом, он снова и снова возвращался к обсуждению размера и мощи немецкой и французской армий. «Они сильны, говорю вам, они сильны, — произнес он и сжал челюсти, продемонстрировав Мейзу свою железную решимость. — И все-таки мы его одолеем»³³.

Черчилль имел большой опыт в том, что касается попытки поставить себя на место врага, чтобы угадать его намерения, в частности во время военных игр в адмиралтействе. Он даже был представлен в качестве гостя кайзера Вильгельма II на маневрах немецкой армии перед Первой мировой войной. Поэтому во время встречи в Чекерсе с генералом Эндрю Торном 30 июня 1940 г., целью которой было обсуждение возможного вторжения немцев в Англию, Черчилль попытался поставить себя на место фюрера, сказав, что он был «склонен думать, что планы Гитлера изменятся: Гитлер не может предвидеть падения Франции и должен планировать стратегию вторжения, исходя из того предположения, что французская армия удержится на Сомме, или, по крайней мере, на Сене, и что Британские экспедиционные войска либо будут помогать французам, либо будут уничтожены». Поэтому Черчилль не поддерживал теорию о том, что Гитлер был выдающимся стратегом, который приступил к разработке планов по вторжению в Британию после того, как нанес поражение Франции в результате кампании, продлившейся всего шесть недель.

Он оказался прав: Гитлер не задумывался всерьез о вторжении на Британские острова и только приказал отделу военного планирования верховного командования вермахта разработать детальный план операции «Морской лев» в сентябре, когда уже было поздно приступать

к ее осуществлению. Генерал Торн уезжал после встречи в Чекерсе; придя к неожиданному заключению, он сказал Колвиллу: «Уинстон больше нужен этой стране, чем Гитлер — Германии, потому что первый уникален и незаменим, а последний создал школу лидерства». На что Колвилл не удержался от «очевидного замечания» о том, что: «Возможно, Гитлер — капрал-самоучка, а Черчилль — признанный тактик-теоретик, но главным является то, что Германия действует как военная машина, а Англия только-только осознала, что значит современная война»³⁴.

Черчилль любил при каждом удобном случае персонифицировать врага (источник трудностей), называя Гитлера «этот человек», и в какой-то момент так отозвавшись об очередном предложении Гитлера о мире: «Я не собираюсь ни отвечать на речь гетера Гитлера, ни разговаривать с ним». Основным элементом его тактики была абсолютная демонизация Адольфа Гитлера, который — в отличие от Роммеля — был лишен всех положительных качеств. «Он пойдет на любые уловки, ухищрения и самые варварские преступления для того, чтобы бурный фонтан самобытной и яркой французской культуры и творческого вдохновения иссяк и больше никогда не радовал мир, — сказал Черчилль о Гитлере в своем радиообращении к народу Франции 21 октября 1940 г. — Я отказываюсь верить в то, что душа Франции умерла».

Говоря о Гитлере, Черчилль любил использовать яркие образы, как, например, в речи в Палате общин 9 апреля 1941 г., произнесенной после переворота в Югославии, в результате которого было свергнуто правительство, поддерживавшее политику стран «оси»: «Удав, который уже облил жертву с головы до ног своей омерзительной слюной и внезапно упустил ее, показался бы дружелюбным добряком по сравнению с Гитлером».

Когда Черчилль хотел визуализировать образ врага для себя и других, он сосредотачивался на личности Гитлера; этот образ всегда служил для Черчилля источником неиссякаемой ярости и красноречия.

2 мая 1941 г., в Чекерсе, когда с фронтов поступали ужасные новости и Колвилл писал в своем дневнике, что премьер-министр пребывает «в таком глубоком унынии, в каком я его еще не видел», Черчилль нарисовал перед Авереллом Гарриманом, генералом Гастингсом «Паг» Исмеем и личным секретарем Колвиллом мир, «в котором Гитлер властвует над Европой, Азией и Африкой». В таком настроении, будучи полностью погруженным в мысли о неприятеле, он продолжил, предложив собравшимся Ближний Восток, где Суэц был потерян и действовал «новый порядок Гитлера». «Если Гитлер получит доступ к иракской нефти и украинскому зерну, суровому испытанию подвергнется не только стойкость [британского народа]». Каждый раз, когда выпадал повод произнести вслух слова «нацисты», «рейх» или «немцы», Черчилль в своем мрачном бахвальстве сосредотачивался на личности Гитлера. (Конечно, он вполне мог преувеличивать, рисуя кошмарные картины будущего, чтобы произвести впечатление на представителя Рузвельта, Гарримана, и таким образом добиться от него немедленной и щедрой помощи.)

На следующий день, в радиообращении к польскому народу, Черчилль снова заговорил о Гитлере и о том, что «каждую неделю его расстрельные команды работают в дюжине мест. В понедельник он расстреливает голландцев; во вторник — норвежцев; в среду к стенке ставят французов или бельгийцев; в четверг страдают чехи; а теперь его ужасный список приговоренных к казни пополняют сербы и греки. Но всегда, каждый день, в нем есть поляки».

Вечером, накануне вторжения Гитлера в Россию, прогуливаясь после ужина в саду, в Чекерсе, Колвилл поддразнивал Черчилля, который знал о том, что должно произойти, и предупреждал об этом русских, но не был услышан. Колвилл упрямо утверждал, что поддержка, предложенная Черчиллем СССР, была уж слишком крутым поворотом для такого отъявленного врага коммунизма. На это Черчилль отвечал, что «он преследовал только одну цель — разгром Гитлера, и потому его жизнь стала намного проще». Так оно, несомненно, и было; в то время как Гитлер боролся за Европу, свободную от евреев, с «жизненным пространством» на Востоке и вечным господством Германии над славянскими народами, Черчилль мог — по крайней мере, до конца войны — думать только о том, как уничтожить его.

Конечно, это влекло за собой опасную склонность к чрезмерному упрощению ситуации, как это произошло во время выступления в Палате общин 2 августа 1944 г.: «Русские солдаты стоят у ворот Варшавы. Они принесли освобождение народу Польши. Они предлагают полякам свободу, суверенитет и независимость». Красная Армия действительно стояла у ворот Варшавы, но цинично ждала, когда войска вермахта подавят вспыхнувшее в городе восстание; войдя в город, русские не предложили Польше свободу или суверенитет, не говоря уже о независимости. Стремление Черчилля разгромить Гитлера позволяло ему идти на компромисс даже в том вопросе, из-за которого Британия вступила в войну.

Если Черчилль презирал Гитлера лично и на словах, это не значило, что он недооценивает его с политической точки зрения. 5 января 1944 г., за ужином на вилле отеля «Мамуния», он провел голосование по вопросу о том, будет ли Гитлер находиться у власти в Германии 3 сентября того же года, в пятую годовщину начала вой-

ны. Семь человек из сидевших за столом, включая врача Черчилля, лорда Морана, и президента Чехии Эдварда Бенеша, проголосовали «против». Четверо проголосовали «за», в том числе лорд Бивербрук, Колвилл и сам премьер-министр.

Когда пришло сообщение о смерти Гитлера, Черчилль педантично заметил, что этого следовало ожидать от человека, ставившего личную смелость выше всего. За ужином, во вторник, 1 мая 1945 г., Колвилл показал присутствующим копию объявления немецкого радио, в котором утверждалось, что «Гитлер был убит сегодня на своем рабочем месте в рейхсканцелярии в Берлине... до последнего вздоха сражаясь против большевизма». Черчилль так прокомментировал услышанное: «Что ж, должен сказать, это было очень правильно с его стороны, умереть таким образом», на что Бивербрук ответил, что это всего-навсего нацистская пропаганда и, разумеется, все было не так.³⁵ Хотя Бивербрук был прав, замечание, сделанное Черчиллем, свидетельствовало о его невероятном великодушии по отношению к врагу в таком деле и в такой час. Оказалось, что нацисты намеренно пустили объявление в эфир с опозданием, чтобы сообщение о смерти фюрера прозвучало именно в праздник Первомая, в важный день в немецком календаре.

Через семь лет, в мае 1952 г., все в том же Чекерсе и снова в должности премьер-министра, Черчилль прогуливался вдоль холма над домом, минуя группки собравшихся на пикник, в компании подшучивавшего над ним Монтгомери. Как премьер-министр определяет великого человека, спрашивал фельдмаршал (явно напрашиваясь на комплимент): «Был Гитлер великим?». «Нет, — отвечал Черчилль, — он совершил слишком много ошибок». Они продолжили дискуссию о том, кого можно было бы назвать великим, и Черчилль полностью одобрил кан-

дидатуру Иисуса Христа, поскольку, помимо всего прочего, «Нагорная проповедь была последним словом в учении о морали». По мнению Черчилля, таким образом, именно ошибки Гитлера, нежели жившее в нем зло, не позволяли ему удостоиться чести называться великим. Он, конечно, включил Гитлера в число своих «Великих современников» в 1937 г., но это было до того, как тот начал совершать ошибки, за которые Черчилль начал его презирать. Черчилль тоже совершал ошибки, но, как всякий великий лидер — но не как Гитлер — учился на них.

С помощью секретной разведки

Черчилль, несомненно, многому научился на неудачном опыте Норвежской операции. Одним из первых шагов в качестве премьер-министра стало распоряжение лично держать его в курсе всех последних и важных данных, поступающих от разведки. Не довольствуясь чтением сводок и отчетов, он хотел лично просматривать свежие расшифровки наиболее важных сообщений. Почти ежедневно «С», глава Секретной разведывательной службы, посылал в резиденцию премьер-министра ящик с наиболее важными материалами. Сбору этих данных во многом способствовало проведение операции «Ультра», и не в последнюю очередь успехи польских специалистов по взламыванию шифров, сумевших дешифровать «Энигму», и специалистов из Блетчли-Парк, взламывавших немецкие шифровальные коды.

Прекрасной иллюстрацией способности Черчилля сохранять здравый смысл и стараться применять нетрадиционный подход может служить его любовь к спецоперациям. В борьбе с нацизмом для премьер-министра хороши были любые идеи. Черчилль всегда пи-

тал особое пристрастие к «потешным» операциям, как он их называл, всю жизнь ему будоражили кровь тайные агенты и секретные коды, слежка и конспирация. Ведение военных действий с применением необычных методов и средств великолепно вписывалось в выработанную им общую военную стратегию, заключавшуюся в том, что прямое военное противоборство на территории континентальной Европы будет стоить больше жизней и ресурсов, чем если борьба будет вестись окольными путями.

Такова была подоплека Галлипольской операции в Первую мировую войну, и она же лежала в основе Итальянской и планируемой Балканской кампаний в так называемом «мягком подбрюшье Европы» во Вторую мировую. В период между двумя войнами Черчилль был убежденным сторонником теории о том, что деньги, потраченные на сбор и сопоставление разведанных, почти никогда не бывают потрачены впустую. В 1909 г. он сыграл решающую роль в создании МИ5, а пять лет спустя, накануне Первой мировой войны, способствовал созданию особого подразделения Адмиралтейства, являвшегося ведущим криптографическим органом Великобритании и получившего название Комната 40.

Всю жизнь — служа младшим офицером, писавшим донесения в Министерство иностранных дел, в Индии в 1890-х гг., освещая в качестве военного корреспондента события на Кубе, принимая непосредственное участие в Англо-бурской войне — Черчилль поддерживал связь с британской разведкой. Он настоял на участии секретных служб в Гражданской войне в России, в подводной войне в 1914–1915 гг., и даже во всеобщей забастовке. После Второй мировой войны он продолжал оставаться активным участником большой игры разведслужб, а затем высоко ценил их использование в «холодной войне».

Тесные связи Черчилля с британской разведкой способствовали созданию частной шпионской сети, оказавшей ему неоценимую помощь в «дикие годы»³⁶. Во время войны с помощью тайного агента, носившего имя Алан Хиллгарт, он сумел подкупить несколько высокопоставленных чинов из окружения Франко, заручившись таким образом нейтралитетом со стороны Испании. Лорд Галифакс находил неприятным, как он это называл, «подсовывать конверты на поле для гольфа», но Черчилль всего-навсего считал, что действует в традициях английской дипломатии восемнадцатого века, когда в подкупе не видели ничего постыдного.

Черчилль постарался сделать так, чтобы тот факт, что союзники взломали коды «Энигмы», был известен ограниченному кругу лиц в количестве тридцати одного человека, скрывавшемуся под общим кодовым именем «Бонифаций», что должно было заставить врага поверить, будто все данные поступают от одного (непрерывно занимающего высокий пост) человека. Степень конфиденциальности была такова, что никто из этих людей не знал о том, что под псевдонимом «Ультра» скрывался Хью Далтон — директор Управления специальных операций, которому Черчилль отдал приказ «Поджечь Европу!».

«В военное время, — говорил сначала Сталин, и вслед за ним Черчилль, — правда настолько ценна, что ее всегда должна сопровождать ложь». Органом, который был создан для того, чтобы лгать во имя Англии, являлось Управление политической разведки и пропаганды (PWE). В одном из домов в Кэмбриджшире автор книги недавно обнаружил неопубликованные бумаги PWE, документы и фотографии, которые проливают свет на то, как союзники планировали создать хаос в Европе в

момент высадки союзных войск в июне 1944 г. Этот богатейший, но прежде неизвестный архив представляет собой любопытную смесь наивности и беспощадности, характерную для PWE в период всего его существования с 1938 по 1945 г.

Бумаги принадлежали Дэвиду Гарнетту и хранились у его сына Ричарда в Хилтон-холле в Хантингдоне³⁷. В 1945 г. министр иностранных дел Эрнст Бевин попросил Гарнетта, бывшего начальника управления боевой подготовки при PWE, написать секретную историю вклада Управления в войну, чтобы в случае необходимости применить имеющийся опыт в период «холодной войны». В результате всплыли столь откровенные — а на самом деле клеветнические — подробности, касавшиеся такого большого числа влиятельных лиц в правительстве и армии, что показать готовый материал решено было только четырем лицам, в Министерстве СВ, Адмиралтействе, Министерстве ВВС и Министерстве иностранных дел, а затем его быстро похоронили в архивах исторической секции секретариата кабинета министров. На папке имеется надпись: «Настоящий документ является собственностью правительства Ее Величества. СЕКРЕТНО. Хранить под замком. С целью обеспечения секретности настоящего документа требуется соблюдать особые меры». Этот документ был, наконец, опубликован только в 2002 г., через полвека после того, как работа над ним был завершена³⁸.

Помимо книги Гарнетта имеются его личные бумаги, в том числе его письма, в которых дается оценка старшим офицерам управления. В них раскрываются некоторые аспекты работы этой организации, не вошедшие в секретную историю. Многие секреты стали известны благодаря офицерам, откровенно написавшим своему бывшему коллеге об опыте военных лет, который в про-

тивном случае они бы унесли с собой в могилу. Так же как и в родственных организациях, таких, как М15, М16, Блетчли-Парк и Управление специальных операций, в PWE существовал кодекс молчания, правила которого в военное время были настолько суровы, что многие офицеры понимали, что им не следует распространяться об их деятельности и после окончания боевых действий в 1945 г.

PWE было организовано в период Мюнхенского кризиса в 1938 г. с целью ведения тайной пропаганды против Германии, как это делалось во время Первой мировой войны. Его целью было поддерживать деморализующие слухи среди немецкого населения любыми доступными способами и средствами. В частности, для передачи дезинформации непосредственно в дом врага использовалась «черная» радиопропаганда, попадавшая в эфир якобы с территории самой Германии, а на самом деле из штаб-квартиры PWE в аббатстве Уобёрн. Вместе с американскими коллегами из Управления военной информации (OWI), сотрудники PWE распространили на территории Германии не менее 265 миллионов антифашистских листовок и осуществили тысячи часов радиопропаганды всех видов, в том числе откровенно порнографического характера, с тем чтобы привлечь максимальное количество слушателей из числа простых немецких солдат. Также распространялись ложные слухи, например, о том, что в 1940 г. англичане выпустили в Ла-Манш двести акул-людоедов, привезенных из Австралии, для того чтобы те поедали немецких десантников, чьи лодки пошли ко дну.

В секретном обзоре о деятельности PWE один из старших офицеров, подполковник Р. Л. Седжвик, писал: «Четвертый род войск, Управление политической разведки и пропаганды, ведет атаку на умы. Главными

силами, которые оно использует, являются недовольные элементы в странах врага или в странах, им оккупированных. Обманывайте врага, подрывайте его военную экономику, выигрывайте идеологическую войну». Для этого следовало использовать «подкуп газетчиков, любовные интриги, лесть, внутренние разногласия, настраивание бедных против богатых и богатых против бедных, молодых против старых, солдат против генералов». Слухи необходимо распускать для того, чтобы «вводить в заблуждение и запугивать врага».

Любая организация, в которой задействованы такие разноплановые, но бесспорные таланты, как Ноэл Кауард, Реймонд Мортимер, Фрея Старк, Денис Сефтон Делмер, Джон Уиллер-Беннет, Роберт Байрон, сэр Роберт «Джок» Брюс Локхарт, Э.Х. Карр и Ричард Кроссман, никак не могла быть скучным местом для работы, особенно учитывая, что некоторые операции, которые в ней разрабатывались, зачастую бывали довольно необычными. Взять, к примеру, операцию по заброске в Германию большого количества мертвых почтовых голубей с прикрепленными к лапкам посланиями, в надежде, что это заставит гестапо думать, что обширное немецкое движение сопротивления действует в тесном контакте с британской разведкой! Также с целью создания неразберихи было изготовлено несколько десятков тысяч поддельных немецких продовольственных книжек, а также печатей с изображением Гимmlера — последнее было сделано в надежде на то, что народ, не желающий, чтобы тот стал следующим фюрером, поднимет восстание.

Из автобиографии начальника отдела «черной» пропаганды PWE, гениального бывшего журналиста Дениса Сефтона Делмера, мы знаем, что после войны было уничтожено значительное количество материалов PWE. Недавно рассекреченная «Секретная история» Гарнетта,

наряду с архивом из Хилтон-холла, позволяет нам спустя более пятидесяти лет после конца войны пролить больше света, чем когда либо прежде, на деятельность этой необычной, созданной специально для выполнения подобных задач, но до сих пор остающейся в густой тени, организации.

Был разработан «Буклет по мелкому саботажу», в котором содержались советы потенциальным участникам сопротивления в Европе, как помочь союзникам в день «Д» (или «Час «Ч»). Некоторые рекомендации были абсурдными и чересчур хитроумными, в стиле Хита Робинсона, например: «Химические средства. Сильные слабительные средства, зловонные запахи, безвредная, но горькая на вкус вода, и т.п.». Среди других сравнительно безобидных способов сопротивления, предлагаемых данным пособием, были, скажем, такие: вызывать без надобности пожарную бригаду, «в один день отправлять все письма, а в другой вообще ни одного, неправильно заполнять официальные бланки, образовывать очереди на железнодорожных станциях, спрашивая, как добраться до несуществующего или мало известного пункта назначения, звонить по телефону в полицейский участок и жаловаться, что с дороги слышны крики». Трудно поверить, что все это могло доставить серьезные неприятности вермахту в момент начала высадки войск.

Другие идеи грозили немцам гораздо большими бедами, например, выставление на дороге ложных заградительных постов, изготовление фальшивых дорожных знаков, массовое прокалывание шин автомобилей и грузовиков и перерезание телефонных проводов. И, наконец, в буклете содержался совет, как делать зажигательные бомбы, и рекомендации, как обезглавливать мотоциклистов с помощью проволоки, натянутой между деревьями, которые непременно должны «располагаться

на склоне, так, чтобы, когда водитель вылетает из седла, и он, и машина падали в кювет, где бы их не мог видеть следующий мотоциклист».

В 1943 г. в серийное производство была запущена почтовая открытка, на которой изображался занимающийся мастурбацией Адольф Гитлер с широкой ухмылкой на лице. Под картинкой помещалась цитата из речи, произнесенной им в Мюнхене в ноябре 1942 г., которая переводится как: «То, что попало к нам в руки, мы держим крепко». Также выпускались фальшивые листовки, предположительно при участии ОКВ, разоблачающие эту подделку, но воспроизводящие ее в полном размере, к вящему удовольствию немцев, не разделявших нацистскую идеологию.

Начальник РВЕ придумал наводнить Германию «бумажными рейхсмарками в количестве, в десять раз превышающем их реальный выпуск в некоторых областях, — в особенности горнодобывающие районы, Судетскую область, Австрию и т.д., и голодающий Берлин. Это остановит работу на заводах и шахтах, истощит запасы товаров в магазинах и породит хаос. Отдельные части Германии поглотят товары, предназначенные для остальных». Возникало, однако, опасение, что немцы могут ответить тем же, поэтому начальник РВЕ предложил в качестве упреждающей меры «изъять из нашего обращения бумажные деньги и заменить их на металлические». Неслыханные затраты и сложности, связанные с выполнением этого плана, способствовали тому, что он так и остался на бумаге.

Интервью Гарнетта с оперативным сотрудником РВЕ М. Берманом 8 января 1945 г. наконец прояснило загадку, связанную с истинным вкладом Ноэла Кауарда в тайную войну. «Мистер Ноэл Кауард являлся главой французского отдела [РВЕ] в Париже, — заявил он. —

Он отвечал за пропаганду на территории Франции. Ему помогали лорд Мур и лорд Страталлан». Недатированный, неподписанный и существующий в единственном экземпляре документ под грифом «Совершенно секретно», озаглавленный «Планы совместной деятельности РВЕ и ОВЕ с целью поддержки вторжения союзнических войск на территорию оккупированной Европы», содержал предложения по выборочному физическому устранению предателей в часы, непосредственно предшествующие дню «Д»:

В большинстве стран, вероятно, существует «ядро» изменников, настолько скомпрометировавших себя своим вероломством, что единственная альтернатива быть повешенными на фонарном столбе для них — это добровольно сдаться. С приближением часа «Ч» это ядро начинает представлять собой потенциальную опасность, поскольку на этот период планируется множество акций с участием патриотически настроенных граждан, и потому следует продумать специальные меры по его обезвреживанию. Планируемая заблаговременная ликвидация, пускай даже в редких случаях, несомненно, будет иметь важнейшее значение».

Ожидалось, что предатели, которых следовало «похитить или взять под стражу» и затем «угрожая расправой, заставить выдать сообщников», в результате напишут «списки изменников на местах»; списки выдающихся немецких (или других иностранных) граждан с указанием сферы их деятельности; имена агентов гестапо и их помощников; вражеские планы на случай отступления (т.е. перечислят объекты, подлежащие обязательному уничтожению); политические организации, тайно

поддерживаемые немцами» и т.п. Среди тех, кому было поручено осуществление операции «Крыса для короля», оказался совсем уж неожиданный персонаж — будущий королевский портной Харди Эмис.

В августе 1941 г. бригадир Ричи Калдер распространил секретный меморандум «Руководство по диверсиям на железных дорогах», в котором он любовно рассказывал о наилучших способах и местах уничтожения вражеских поездов: «Чтобы добиться максимальных результатов, поезд следует пускать под откос в выемке между холмами (а не на насыпи, где поврежденный состав скатится по склону); на мосту (так, чтобы поезд опрокинулся, повредив парапет); или на узком участке сортировочной станции (чтобы застопорить передвижение всех составов)». С этой целью он рекомендовал удалить от пяти до десяти шпал на изгибе полотна.

В документе также содержался совет, как повреждать стрелки, семафоры, вагоны и буксы: «удалите масло с помощью велосипедного насоса, или залейте бензин, парафин, воду, или насыпьте песок, золу или землю».

Чтобы отметить первую годовщину Битвы за Англию, PWE предложило считать 15 сентября 1941 г., когда европейцы выступают «в защиту свободы, сбавив скорость», «Днем черепахи». «Зачем потеть за немцев? — убеждали их. — Не торопитесь. Если обычно, чтобы дойти от гардероба до скамейки, вам нужна одна минута, потратьте на это полторы. Если вы идете на почту за марками, не спешите. Вступите в разговор со служащим. Делайте все дольше, чем обычно». Опять-таки, очень сомнительно, чтобы подобные действия всерьез могли помочь поставить Третий рейх на колени.

В день, предшествовавший дню «Д», философ из Оксфорда, А. Д. Айер, тогда проходивший службу в Межведомственном исследовательском бюро на Бей-

кер-стрит, одобрил выпущенную PWE брошюру, озаглавленную «Как жить на нелегальном положении», в которой содержались советы, как выжить после побега из гестапо. Среди рекомендаций были такие: «Живите в подвале у друзей, или в лесу вместе с группой беглецов. Прибегайте к маскировке, сочините историю, выберите распространенное — но не слишком — имя, помните вымышленную дату рождения и имена родителей, не появляйтесь на улице после наступления комендантского часа, никогда не храните ни клочка бумаги, научитесь использовать свою память, и избегайте контактов со своей семьей».

Среди бумаг, найденных в Хилтон-холле, имеется копия письма под грифом «Совершенно секретно», которое министр информации Брендан Брэкен написал в январе 1944 г. генералу Бруксу из PWE, в котором он критиковал американское Управление военной информации и называл его руководство «некомпетентным, ненадежным и безрассудным». В блестящем абзаце, который, вне всякого сомнения, внес заметное напряжение в англо-американские отношения, будь он опубликован, он писал:

У них нет никакой последовательной политики. Направленность их лихорадочных действий зависит от политических соображений Америки.

Решения, принятые по польскому, по балтийскому, по еврейскому и, прежде всего, по германскому вопросам, влияют на их, с позволения сказать, идеи. Своими абсурдными действиями, за которыми следуют невнятные объяснения, они заслужили презрение большинства американских газет. Почему мы должны тратить драгоценное время на эту разлагающуюся и презираемую всеми органи-

зацию? Они непременно заставят вас погрязнуть в отвратительной неразберихе, которую они устроили в Америке и хотят создать здесь.

Неудивительно, что после такого выпада Брукс постарался дистанцировать PWE от OWI и отстранил последних от участия в следующей крупной операции под кодовым названием «Парик». Это был разработанный PWE план, призванный заставить немцев потратить время и силы на предоставление «доказательства» присутствия большого числа шпионов союзников на территории нацистской Германии. Были сброшены парашюты и другие предметы экипировки, ложные сообщения передавались азбукой Морзе или в новостях BBC, а в одном таком сообщении, переданном с использованием простого шифра, который немцы должны были легко взломать, говорилось: «Жду вас в понедельник, в 9.30, в 4-м ряду в кинотеатре «UFA». Поскольку кинотеатр «UFA» имелся почти в каждом немецком городе, ожидалось, что эта «утка» оттянет на себя значительную часть личного состава гестапо.

Из 330 живых голубей, выпущенных в небо над территорией Германии, 5 прилетели домой в Англию с сообщениями, написанными нашедшими их немцами. Одна из птиц, возвратившаяся в апреле 1945 г., доставила сообщение, в котором говорилось: «В нашей деревне Хелленсен нет ни одного немецкого солдата. Насколько мне известно, город Люденшайд не будут оборонять, поскольку в нем много госпиталей. Все [нацистские] партийные свиньи сбежали, переодевшись в гражданское платье. Я тоже голубятник и шлю вам привет. Удачи в бою». Неудивительно, что оно было не подписано.

Никто не одобрял и не поддерживал эти необычные способы ведения войны больше, чем Черчилль, чей изо-

бретательный ум непрестанно рождал все новые идеи. Одной из его идей-фикс было создание «с целью использования в северных водах приспособления для превращения айсбергов, созданных из замороженной смеси воды и древесных опилок, в непотопляемые авиабазы»³⁹. Испытания проекта, получившего кодовое название «Хаббакук», по имени библейского пророка, обещавшего «деяние, в которое вы не поверите», Черчилль проводил у себя в ванне, модель авианосца также была построена на озере Патриция в Канаде. Вскоре стало ясно, насколько эта идея была непрактичной: требовались усилия 8000 человек и 8 месяцев работы при арктических температурах, чтобы создать ледяную платформу требуемого размера.

Еще одной идеей, которую отстаивал Черчилль, были плавучие гавани, известные под кодовым названием «Малберри», которые планировалось использовать в ходе операции «Оверлорд» при высадке морского десанта в Нормандии. И снова ванная премьер-министра превратилась в испытательный полигон. Генерал Исмей вспоминал сцену, когда Черчилль сидел в «цветастом халате» в окружении советников. Адмирал шевелил рукой в воде, чтобы создать эффект волн, а бригадир растягивал поперек ванной надувной рукав, чтобы продемонстрировать, как он ломает волны. Как отмечал Исмей, «с трудом можно было поверить, что таким образом британское верховное командование готовится к самой масштабной и блистательной десантной операции за всю историю войны». Поразительно, но гавани «Малберри» справились с поставленной перед ними задачей и стали важным вкладом в операцию «Оверлорд», позволив союзникам выбирать зоны для высадки, расположенные вдали от крупных огневых позиций и оборонительных сооружений немцев.

Избавляться от людей

Еще одно важное правило, кроме того, что не следует с ходу отбрасывать идеи, какими бы непрактичными они ни казались на первый взгляд, которое можно найти в справочнике по менеджменту, гласит, что хороший руководитель подбирает правильных людей для соответствующей работы. Однако это только половина правды; не менее важно, чтобы руководители также и избавлялись от неправильных людей. Черчилль мог быть беспощаден даже по отношению к близким друзьям, если они не оправдывали его ожидания. Например, Боб Бутби был одним из самых верных союзников Черчилля в Палате общин в период борьбы с политикой умиротворения, за что тот, став премьер-министром, сначала в знак признательности назначил его заместителем министра продовольствия. Но, когда Бутби вскоре оказался замешанным в сомнительной истории, известной как «дело о чешском золоте», Черчилль распрощался со старым другом. В частном порядке высказав мнение, что Бутби должен «вступить в команду по обезвреживанию бомб», Черчилль объявил в парламенте: «Есть пути служения, открытые в военное время, но закрытые, когда царит мир; и некоторые из этих путей могут быть путями славы». Бутби официально поступил на службу в бомбардировочную эскадрилью ВВС, но так никогда и не простил бывшего друга за то, что тот отказал ему в поддержке.

Другой близкий друг Черчилля, Альфред Дафф Купер, единственный министр, который ушел в отставку в знак протеста против Мюнхенского сговора, был назначен на пост министра информации. Как только стало ясно, что он не слишком подходит для этой работы, Купер поссорился с прессой, которая вскоре стала нападать на него все более агрессивно. Критические за-

мечания в основном касались, как их окрестила пресса, «ищеек Купера» — правительственных информаторов, которым, как считалось, было поручено оценивать моральное состояние общества, а о результатах сообщать в министерство. «Sanday Pictorial» поместила на своих страницах «Избирательный бюллетень Купера», снабдив его неприглядным портретом и примечанием: «Он получает 5000 фунтов в год за то, что занимает должность министра информации. Вы считаете, он достоин?» Черчиллю не требовалось никаких бюллетеней, чтобы понять, что его друга следует заменить, и Купер был отослан с дипломатической миссией на Дальний Восток. Хотя Черчилль впоследствии назначил его на важный пост, он в сущности пожертвовал другом, посчитав, что тот наносит ущерб его политической репутации. Это было несправедливо по отношению к Даффу Куперу, чрезвычайно умному и талантливому человеку и смелому политику, но для Черчилля важнее всего были интересы правительства, и Куперу пришлось уйти.

Проявлять подобную беспощадность было легче, когда ее жертвами становились люди, не входящие в число близких друзей. Наглядным примером может служить жестокость, проявления по отношению к бельгийскому королю Леопольду III. После поражения на Западном фронте в 1940 году Черчиллю понадобился козел отпущения, на эту роль идеально подошел бельгийский монарх, сдавшийся немцам 28 мая, в день, когда началась эвакуация из Дюнкерка. Черчилль обвинил лично Леопольда в капитуляции, 4 июня заявив в Палате общин: «Вдруг, без каких-либо предварительных переговоров, без всяких уведомлений и даже без консультаций с министрами, король Леопольд на свой страх и риск направил полномочного посла к германскому командованию и приказал своим войскам сложить оружие, тем

самым полностью обнажив наш фланг и поставив под угрозу возможные пути для нашего отступления».

На самом деле Черчилль заблаговременно получил предупреждение от своего друга, адмирала Роджера Кийза, отвечавшего за связь с королем Бельгии, и, по словам Кийза, не высказал возражений. Как несколько раз подчеркивал Кийз:

Бельгийская армия на момент капитуляции более не была боеспособной, но, наоборот, находилась на грани полного развала. Король Леопольд неоднократно предупреждал о том, что его войска находятся на пределе своих сил, а также о своем страхе перед надвигающейся катастрофой. Он не мог обратиться за советом к своим министрам, поскольку те бежали из страны 25-го числа, после тщетных попыток убедить его покинуть армию и присоединиться к ним. Восточный фланг Б.Э.В. был обнажен еще до капитуляции; и британский верховный главнокомандующий [лорд Горт], поняв 25 мая, что бельгийцы находятся на грани катастрофы и что единственный способ спасти Б.Э.В. — это эвакуировать их, бросив бельгийского короля на произвол судьбы, начал с этого момента предпринимать самостоятельные действия по обеспечению прохода к морю, не сообщая королю Леопольду о своих намерениях.

Но когда речь зашла об интересах государства, превращение короля в козла отпущения стало абсолютной политической необходимостью, и Леопольд провел остаток жизни, неся на себе клеймо несправедливого обвинения Черчилля. Он был чуть ли не единственным представителем королевских домов Европы, кроме не-

мецких, кого не пригласили на свадьбу принцессы Елизаветы в 1947 г.

Еще одним примером беспощадности, проявленной Черчиллем в тот период времени, был приказ о том, что раненых следует эвакуировать с берегов Дюнкерка в последнюю очередь⁴⁰. Это, конечно, было абсолютно разумно с военной точки зрения, поскольку Англии для защиты были нужны здоровые, годные к военной службе солдаты, и первоначально считалось, что удастся доставить на родину только 45 000 человек, и все же это был чрезвычайно жестокий приказ. Или когда он в июне 1940 г. получил разрешение военного кабинета использовать иприт в случае, если немцы совершат высадку в Южной Ирландии, поскольку, хотя ударные войска будут снабжены противогазами, у тысяч лошадей, которые придут вместе с ними, их наверняка не окажется. Газ также планировалось, в случае вторжения, применять против немцев на южном побережье Англии, что привело бы к непредсказуемым последствиям для гражданского населения приморских городов и тех, кто жил дальше в глубь острова, если бы ветер дул в том направлении. Руководить — значит выбирать, и иногда решения, которые был вынужден принимать Черчилль, были страшными. Но он никогда не сомневался.

Гитлер, безусловно, был куда более безжалостным чем Черчилль. Леденящим кровь примером того была казнь храбрых армейских офицеров, организовавших заговор против него в 1944 г. Они были повешены на крюках в тюрьме Плётцензее в Берлине, пока не задохнулись до смерти. Гитлер приказал: «Я хочу, чтобы они были повешены, вздернуты как мясные туши». Некоторые из них мучились долгих двадцать минут, пока не задохнулись.

Но, несмотря на то, что в данном случае Гитлер демонстрирует всю мстительность, на которую он способен,

документы, хранящиеся в федеральном архиве в Берлине — в здании которого, между прочим, располагался отряд «Лейбштандарт СС», обеспечивавший охрану фюрера, личные телохранители Гитлера, — свидетельствуют, что он мог быть удивительно великодушен по отношению к тем, кто был верен ему, но совершил какой-то проступок. Гитлер любил находиться в обществе людей, имевших, по выражению Альберта Шпеера, «изъяны в узоре». Гаулейтер Карл Ханке сказал о нем: «Хорошо, если подчиненные совершают ошибки и понимают, что начальство знает о них. Вот почему фюрер так редко менял своих помощников. С ними ему было проще работать. Почти у каждого был свой изъян; это помогало держать их в узде». Безнравственное поведение, отдаленное родство с евреями или недавнее членство в партии считались «изъянами в узоре».

Для осуществления задач, которые ставил Гитлер, особенно для воплощения в жизнь «Окончательного решения еврейского вопроса», принятого 20 января 1942 г. на Ванзейской конференции, было важно, чтобы его высокопоставленные приспешники были абсолютно аморальными личностями. Альберт Шпеер отмечал способность Гитлера подмечать личностные изъяны у своих помощников:

Он знал тайные людские пороки и желания, знал, что они считают своими добродетелями, знал скрытые стремления и мотивы, лежащие в основе их любви и их ненависти, знал, как им можно польстить, знал, в чем они доверчивы, знал все это... инстинктивно, на уровне чувств, в таких вопросах интуиция никогда его не подводила.

Тот факт, что он презирал своих приближенных, значил очень много. В преступлениях, которые он наме-

ревался совершить, Гитлеру нужны были аморальные, большей частью малообразованные, предельно преданные сообщники, и когда он находил того, кому он мог доверять — как, например, Бруно Геше, начальник его личной охраны, — он полагался на него много дольше того времени, когда от этого человека следовало избавиться.

В материалах нацистской партии и СС имеются свидетельства о том, что Геше был хроническим алкоголиком. В 1938 г. он обещал Гиммлеру, что будет воздерживаться от алкоголя в течение трех лет. Однако в 1942 г. Геше снова так напился, что угрожал офицеру СС пистолетом. Гиммлер снова наложил трехлетний запрет на употребление спиртного и отправил Геше на Восточный фронт. В документах федерального архива есть свидетельства того, что Гитлер не предал своего телохранителя. После того, как Геше был ранен, он — алкоголик и неблагонадежный человек — тем не менее, был снова приближен к Гитлеру. Это произошло незадолго до того, как Геше снова вернулся к старым привычкам. 20 декабря 1944 г. Гиммлер написал ему:

1. Вы снова угрожали своему товарищу пистолетом, находясь в состоянии опьянения, и произвели несколько беспорядочных выстрелов.

[...]

4. Я даю вам возможность служить в дивизии «Дирлеванге» и, возможно, смыть позор, который вы навлекли на себя и на СС в целом, показав себя в боях с врагом.

5. Я жду, что вы будете полностью воздерживаться от употребления алкоголя всю оставшуюся

жизнь. Если ваша сила воли настолько разрушена алкоголем, что вы не способны принять такое решение, я жду, что вы подадите прошение уволить вас из рядов СС.

Геше в результате был уволен из отряда личной охраны фюрера только за четыре месяца до конца войны — и это после того, что о нем много лет было известно, что он хронический алкоголик. Снисходительное отношение к нему со стороны Гитлера объяснялось тем, что он был, как это называли нацисты, «старым солдатом, закаленным в многолетней борьбе»: он вступил в Нацистскую партию еще в 1922 г. Единственный из старых товарищей Гитлера по партии, сумевший продержаться рядом с фюрером так долго.

Глава люфтваффе Герман Геринг может служить еще одним, куда более известным примером неразумной верности Гитлера своим друзьям. Заядлый охотник, Геринг проводил столько же времени в своей загородной резиденции, Каринхолле, сколько и в министерстве авиации. Как командующий немецкими ВВС, Геринг был настоящим бедствием. Он снова и снова обещал больше, чем мог исполнить. В Дюнкерке большая часть попавших в окружение войск союзников смогла переправиться через Ла-Манш, несмотря на заверения Геринга, что люфтваффе покончат с ними без посторонней помощи. Он также обещал, что ни один английский бомбардировщик не достигнет границ Германии; если же ему это удастся, заявлял он, то его будут звать герр Майер. По мере того как все большее число немецких городов превращалось в руины, немцы все чаще называли (правда, между собой) Геринга «герр Майер».

Во время битвы за Сталинград заверения Геринга о том, что он сможет обеспечить снабжение попавшей в

кольцо 6-й армии силами ВВС, подвигли Гитлера на то, чтобы отдать приказ оставаться на месте, когда еще оставалась возможность вырваться из окружения. В действительности по воздуху удалось перебросить лишь малую долю обещанных боеприпасов. Любой ответственный руководитель снял бы такого неудачливого работника с должности, но только не Гитлер. Как и Геше, Геринг был членом Нацистской партии с 1922 г.; он был тяжело ранен в пах во время «Пивного путча». Это и его личная преданность Гитлеру значили для Гитлера больше, нежели череда его грубых просчетов на посту главнокомандующего. Только в последние дни войны Гитлер отвернулся от Геринга, и то только потому, что поверил, что Геринг собирается занять его место. Для Гитлера верность лично ему и нацистской идеологии была важнее профессиональной пригодности и эффективности.

Гитлер хранил преданность своим соратникам до тех пор, пока мог полагаться на их верность ему. Он отказывался признавать, что одной только преданности не достаточно. Лидер, подобный Черчиллю, мог подчинить почти все — будь то его идеологические соображения и личные чувства — одной цели, которую он поставил перед самим собой и перед страной: победе.

Назначение Гитлером Иоахима фон Риббентропа на такой важный пост в Рейхе, как министр иностранных дел, являлось еще одним примером его стремления иметь рядом с собой человека с «изъяном в узоре», а не сильного профессионала. В отличие от Геринга и Геше Риббентроп пришел в политику довольно поздно, вступив в Нацистскую партию только в 1932 г., и его членский номер был прискорбно длинным — 1 119 927. Приставку «фон» он получил, заплатив дальней родственнице за то, что та усыновила его при живых родителях. (Впоследствии он отказался от выплат.)

Несмотря на время, проведенное в США до Первой мировой войны, Риббентроп сильно недооценивал мощь Америки на момент объявления Германией войны в декабре 1941 г. Этот просчет накинуд петлю ему на шею так же, как это сделал американский солдат, добровольно вызвавшийся нести службу в Нюрнберге четырьмя годами позже. Когда союзные власти пытались выяснить у тетки его местонахождение в мае 1945 г. и спросили, у кого из друзей он мог бы укрыться, она честно ответила, что у него нет друзей. Его невежество, некомпетентность и полное отсутствие морали должны были лишить его возможности занять пост министра иностранных дел даже в Третьем рейхе, но для Гитлера все это значило меньше, чем его преданность. Процедура его казни через повешение, проходившая в специально переделанном для этого спортивном зале в Нюрнберге, была проведена крайне неумело: прошло 10 минут, прежде чем он умер.

Помимо нежелания избавляться от неподходящих людей по причине их верности, одна из причин неуспеха Гитлера в качестве лидера заключалась в том, что он отправил в отставку нескольких своих лучших командиров за их мнимое предательство. Родоначальник «блицкрига» Гудериан был отстранен от командования в период русской кампании в 1941 г. и вновь назначен на высокий пост только в 1943 г. Эрих Манштейн, автор блестящей операции «удар серпа» во Франции, отправлен в отставку в 1944 г. Один из крупнейших военачальников Гитлера, фельдмаршал Герд фон Рундштедт отправлялся не менее четырех раз в отставку и вновь призывался в армию. Рано или поздно почти каждый высокопоставленный генерал отстранялся от командования, поскольку Гитлер не доверял немецкой армии. В ходе войны не менее тридцати пяти фельдмаршалов и генералов были отправлены в отставку, чаще по причине недостаточной

лояльности, чем за кажущуюся или действительную некомпетентность.

Черчилль тоже любил окружать себя теми, у кого имелись «изъяны в узоре». Его лучший друг, с которым он был близок до самой его трагической смерти в возрасте 58 лет в 1930 г., Ф. Е. Смит, лорд Биркенхед, был запойным алкоголиком. Макса Бивербрука многие считали жуликом. У Брендана Брэкена также было темное прошлое, и его подозревали в том, что он намеренно не опровергает необоснованные слухи о том, что является незаконным сыном Черчилля. Аверелл Гарриман состоял в связи с женой сына Черчилля, но не подвергся общественному осуждению благодаря покровительству со стороны семьи Черчилля. Кроме того, существует огромная разница между тем, как понимали «изъяны в рисунке» Гитлер — для которого они были основанием для шантажа — и Черчилль, относившийся к ним снисходительно, зная, что люди, ближе всего подошедшие к нравственному совершенству, часто бывают невыносимыми занудами. Человек мог оставаться в окружении Черчилля, будучи виновным почти во всех грехах, кроме трусости или умышленной глупости.

Гитлер проявлял к глупости удивительную снисходительность, куда большую, чем Черчилль. Хотя никто из них не учился в университете, Черчилль прекрасно ладил с учеными, тогда как Гитлер относился к ним с презрением. Из 50 рейхслейтеров и гаулейтеров, составлявших элиту нацистского руководства, только 10 имели университетское образование. И хотя некоторые посещали университет хотя бы какое-то время, большинство не продвинулось дальше средней школы.

Хотя большинство генералов горячо поддерживало нацистскую политику экспансионизма, Гитлер сомневался в их идеологической и личной преданности и

потому прибегал к откровенному подкупу. Конечно, в военной истории не редки случаи, когда генералов награждают особо — после войны. Предок Черчилля, герцог Мальборо получил от благодарного народа имение Бленхейм, а герцог Веллингтон — Стратфилд Сэй. Наследники адмирала Нельсона получали от государства 5000 фунтов ежегодно, и эти выплаты прекратились, только когда премьер-министром стал Клемент Эттли.

Но Гитлер был щедр по отношению к генералам и когда война все еще продолжалась. Многие генералы и фельдмаршалы получили чеки на 250 000 рейхсмарок — около полумиллиона долларов по сегодняшнему курсу, которые были подписаны лично фюрером. Другим достались огромные участки земли и великолепные дома. Генерал Гейнц Гудериан получил в качестве подарка от фюрера поместье Глубокое в Польше. Хотя данный факт должен свидетельствовать о щедрости Гитлера, на самом деле он говорит о тех ухищрениях, на которые тому приходилось идти, чтобы обеспечить верность своих соратников, вплоть до наглого подкупа.

Глубокое принадлежало польскому аристократу, служившему во время Первой мировой войны в германской армии в качестве адъютанта генерала Гинденбурга. Несмотря на это нацисты бросили его самого в тюрьму, а семью отправили в концлагерь. Генерала Гудериана по-видимому не слишком заботила судьба законного владельца имения, подаренного ему Гитлером. После войны он неустанно твердил о своем отвращении к нацизму, но как-то очень кстати забыл о том, что без тени сомнения принимал участие в осуществлении жестокой оккупационной политики Гитлера. Когда офицеры, организовавшие заговор против Гитлера, пришли к Гудериану с предложением присоединиться к ним, он отказался.

А когда заговор провалился Гудериан предпочел стать членом печально известного «Суда чести», организованного против них, который приговорил их к смерти за нарушение клятвы, данной фюреру. Поместье в Польше должно было повлиять на его решение сохранить верность. Несмотря на все послевоенные заявления немецких офицеров, что они сражались за честь своей родины, на самом деле очень часто все дело оказывалось в деньгах. Подарки, которые Гитлер делал своим генералам, сегодня бы назвали «золотыми наручниками». Эти дары и награды должны были заставить людей хранить верность, хотя истинная преданность не продается и не покупается.

В британской армии происходили другие крайности. После войны лорд Аланбрук оказался в таком бедственном положении, что вынужден был выставить дом на продажу и перебраться в примыкающий к нему домик садовника. Страстно увлекавшийся орнитологией Аланбрук был даже вынужден продать свои книги о птицах. Он, однако, не был подавлен ухудшением своего материального положения, поскольку не ожидал, что государство преподнесет ему большое поместье. Он прожил свою жизнь в соответствии с моральным кодексом, в котором ничего не говорилось о финансовом вознаграждении.

У Черчилля не было причин сомневаться в преданности своих генералов делу, за которое они сражались, но это не значит, что он всегда был уверен в их профессиональной компетентности. Черчилль часто пытался вмешиваться в действия командующих в процессе проведения боевых операций. Например, в августе 1940 г. он лично составил директиву главнокомандующему в Ближневосточном регионе, в которой излагались мельчайшие тактические подробности и даже содержались

инструкции по развертыванию войск вплоть до батальонного уровня. Несколько раз в ходе «Войны в пустыне» Черчилль посылал командующих в поспешно и плохо подготовленные наступления, которые часто заканчивались плачевно — по крайней мере, до тех пор, пока решительные генералы, как, например, Гарольд Александер и Бернард Монтгомери, не научили его доверять им.

Александеру летом 1942 г. было поручено командование в Ближневосточном регионе, а Монтгомери был назначен командующим Восьмой армией, которая противостояла Африканскому корпусу Эрвина Роммеля. До сих пор англичане переживали только унижительные поражения, наносимые им «Лисом пустыни», и Черчилль страстно желал добиться хоть какого-то успеха. Так же как в случае с прежними генералами, руководившими боевыми действиями в ходе «Войны в пустыне», например, Окенлеком и Уэйвеллом, он попытался вмешаться в действия Монтгомери и Александера и поторопить их «захватить или уничтожить» Африканский корпус Роммеля «как можно скорее». На что Александер хладнокровно, но достаточно доходчиво посоветовал премьер-министру не вмешиваться. Как показало сражение при Эль-Аламейне, Монтгомери тоже не подвел его.

Сражение при Эль-Аламейне стало не только переломным моментом в войне, но изменило самого Черчилля, как военного лидера. Он, наконец, научился доверять своим полевым командирам и позволил им делать свою работу без постоянного вмешательства с его стороны. Ему, конечно, непросто было перестать вмешиваться. Он сам был солдатом, учился в Королевском военном училище в Санджерсте и видел много боев, последние — в Первую мировую войну. Он сам бы с удовольствием командовал, всегда и везде. Еще до того, как достигнуть

двадцатипятилетнего возраста, он написал две книги — «История Малакандского полевого корпуса» и «Речная война», в которых старался помочь британскому верховному командованию своим советом относительно действий в Индии и Судане.

Черчилль не был таким же выдающимся военачальником, как его предок Мальборо. Его выдающиеся лидерские качества иногда страдали из-за недостаточной рассудительности.

Очень часто его военную мысль определял романтический взгляд на войну как на приключение, нежели реалистичная оценка военных аспектов. Одним из его любимых планов, к примеру, было вторжение в оккупированную нацистами Европу через Норвегию, — идея, к которой он постоянно возвращался на протяжении всей войны. Каждый раз начальники штабов были вынуждены готовить подробные оперативные планы только для того, чтобы доказать, что подобное предприятие обречено на провал.

Интересно наблюдать, как развивались стили руководства Черчилля и Гитлера в ходе войны: если Черчилль все меньше и меньше вмешивался в повседневные аспекты военных действий, то Гитлер, наоборот, все в большей степени прибегал к микроменеджменту. Это происходило в основном потому, что победы немецкой армии, одержанные в первые два года войны, заставили Гитлера поверить в свой непогрешимый военный гений. Тогда как поражения англичан напоминали Черчиллю, что он как раз таковым не является.

С тех пор как немецкая армия была остановлена у ворот Москвы, Гитлер все больше занимался оперативными и даже тактическими вопросами, которые должны были бы решаться командующими действующих армий. Это был отказ от принципа «тактики поручений», кото-

рая позволила добиться таких успехов в ранних «молниеносных» кампаниях.

У Гитлера была такая преувеличенная вера в себя, что, когда он однажды насвистывал какую-то классическую мелодию и секретарь заметил, что он фальшивит, фюрер резко ответил: «Я не фальшивлю. Это композитор ошибся в этом пассаже»⁴¹. Кроме того, Гитлер забыл о том, что часто именно инициатива отдельных военачальников являлась залогом его первых побед.

По мере того как война на Востоке затягивалась, Гитлер все больше входил в роль командира дивизии, нежели главнокомандующего. Когда он сосредотачивался на спорах с командирами боевых частей, занятыми выполнением операций где-то в тысячах километрах от Берлина, то на время забывал про мрачную действительность. «Недавно я отменил атаку, которая позволила бы нам продвинуться на четыре километра вперед, — хватался он на одном из штабных совещаний, — потому что мне показалось, что операция не стоит той цены, которую бы мы за нее заплатили». Если бы у Гитлера был такой же бесстрашный и неподкупный цербер, как Аланбрук, он бы никогда не смог вмешиваться в принятие таких решений, но сам характер нацистского государства делал это невозможным. Ситуация настолько ухудшилась, что к 1945 г. генерал Гюнтер Блюментритт жаловался на то, что от Гитлера

поступил план... в мельчайших деталях. В нем указываются конкретные дивизии, которые должны участвовать в операции... Был подробно обозначен сектор, в котором должна осуществляться атака, и были перечислены все дороги и населенные пункты, через которые следовало продвигаться войскам. Весь план был разработан в Берлине на

основании крупномасштабных карт, а с генералами... не только не посоветовались, но и не спросили одобрения.⁴²

Контраст с принципами «тактики поручений», так хорошо послужившей Гитлеру на Западном фронте в 1940 г., не мог быть более явным.

В то время как Черчилль упрощал процесс принятия решений, Гитлер действовал по принципу разделяй и властвуй, добиваясь таким образом того, что никто кроме него не имел всеобъемлющего видения стратегической ситуации в Германии. Вытекающие из этого разделение командования и размытость сфер ответственности делали практически невозможным достижение эффективного военного лидерства, что и доказал день «Д». «Атлантический вал», система укреплений, созданная Гитлером в Нормандии, должна была предотвратить вторжение союзников на континент. Она, конечно, была прорвана англо-американским десантом, но эта неудача явилась в первую очередь результатом не недостатка вооружения, а неэффективного лидерства. Через 4 года после «молниеносной» победы над Францией в германской системе командования царил полная неразбериха.

Лидерские приемы, которые помогли Гитлеру укрепить образ харизматичного лидера с непререкаемым авторитетом в мирный период, оказались бесполезными во время войны, когда он отошел от рационального — хотя и циничного и бесчестного — процесса принятия решений раннего периода. Именно так обстояли дела в ноябре 1942 года: в этом месяце одновременно произошло два события — уход Роммеля в отставку после сражения у Эль-Аламейна и окружение германской армии под Сталинградом. Гитлер начал интерпретировать вновь получаемую информацию, особенно если она была разо-

чаровывающей, в соответствии с уже сформированными им представлениями и надеждами. Свидетельства того, что его стратегия провалилась, были сведены к минимуму, и он отказывался принимать тот факт, что война проиграна, даже когда получили сообщение от Альберта Шпеера, в котором прямо говорилось: «Война проиграна»⁴³. 20 июля 1944 г. гитлеровская оппозиция в Германии, наконец, приняла решение о необходимости совершения серьезной попытки покушения на его жизнь.

Сопrotивление Гитлеру

Второй миф времен Второй мировой войны касается принятия либерального закона. Поскольку помимо обвинений в создании концентрационных лагерей (в англо-бурскую войну), притеснении Веймарской Германии (как убедительно доказывает в своей книге «Экономические последствия мира» экономист Мейнард Кейнс) и, конечно, так называемой «геноцидной» бомбардировке Дрездена и Гамбурга, теперь также высказывается мнение, что Британия виновна еще и в том, что не оказала активной поддержки немецкому Сопrotивлению, в результате чего его члены сочли попытку свергнуть Гитлера невозможной.

Публикация в 1966 г. книги выдающегося немецкого историка Иоахима Феста «Заговор против Гитлера» позволила развить эту теорию даже в еще большей степени, нежели более ранние работы Патрисии Михан «Ненужная война» (1992) и Клеменса фон Клемперера «Немецкое Сопrotивление против Гитлера» (1993). Герр Фест недвусмысленно обвиняет британское правительство в «отсутствии гибкости, враждебности, слепоте и политической недалекновидности, которые, в сущности, говорят о союзе с Гитлером». Он утверждает, что «на-

цистские пропагандисты и представители союзников объединили свои усилия, фактически создав коалицию, направленную на дискредитацию германского Сопrotивления. Несколько рецензентов книги критиковали Черчилля и министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена за то, что они не оказали большей поддержки заговорщикам, а в редакционной статье в «Times» даже утверждается, что «мы тоже желаем, чтобы наша военная летопись была пересмотрена» в свете нашей «ошибочной политики», которую можно объяснить только тем, что «британские лидеры вели несправедливую войну».

Хотя и далекие от проявления преступной близорукости и глупости, Черчилль и Иден озвучивали беспорочные с политической точки зрения основания для того, чтобы придерживаться политики «полной тишины» в отношении германского Сопrotивления. Как признает Фест, Михан и Клемперер, в Германии не существовало единого движения Сопrotивления, с которым бы британское правительство могло иметь дело. Коммунистическая, христианская и военная оппозиция гитлеровскому режиму действовали, почти не пересекаясь между собой. Даже внутри этих групп, которые действительно могли представлять реальную физическую угрозу жизни Гитлера, существовали большие разногласия относительно планируемого результата. Например, граф Гельмут фон Мольтке, высказывая идеи относительно устройства послевоенной демократии, говорил только о введении выборов в местные советы, но не в национальный парламент. Клаус фон Штауффенберг и Карл Гёрдлер хотели, чтобы Германия вернулась к своим границам 1939 г., которые, естественно, включали ремилитаризованную Рейнскую область и Судетскую часть Чехословакии. Другие, например, политик Ульрих фон Хассель,

считали, что вернуться следует к имперским границам 1914 г., хотя те и включали значительную часть Польши, в борьбу за независимость которой в 1939 г. в войну вступили Франция и Англия. Еще одним поводом для разногласий была Эльзас-Лотарингия.

Кроме того, после июня 1941 г. Англия уже не могла единолично предпринимать шаги к заключению мира. Сначала в войну оказался втянут Советский Союз, а затем после декабря 1941 г. и Соединенные Штаты, поэтому было совершенно исключено, чтобы Англия вступила в переговоры с кем-то из немцев за спиной своих союзников, особенно после того, как в январе 1943 г. президент Рузвельт выдвинул настойчивое требование безоговорочной капитуляции Германии, как неперемennого условия мира. Как написал в своей автобиографической книге «Общение с диктаторами» один из сотрудников немецкого отдела министерства иностранных дел, сэр Фрэнк Робертс: «Если бы Сталин решил, что мы находимся в контакте с немецкими генералами, чьей главной целью было защитить Германию от России, он вполне мог поддаться искушению снова попытаться прийти к соглашению с Гитлером».

Точка зрения британского правительства была вкратце изложена сэром Д'Арси Осборном, английским посланником в Ватикане, который, когда папа Пий XII сообщил ему, что группы германского Сопротивления «подтвердили свое намерение, или стремление, приложить усилия к смене правительства», ответил: «Почему бы им самим не заняться этим!» Вызывает также вопрос то, какую реальную помощь могли оказать союзники. Материально-техническая поддержка в виде поставки бомб и ружей едва ли требовалась германским военным, а моральная была слабой помощью с практической точки зрения. Любые обещания относительно позиции

союзников по отношению к постгитлеровской Германии зависели только от ее политической системы, которая могла включать даже высокопоставленных нацистов. В любом случае, для любой германской группы оппозиционеров, которая бы попыталась сформировать постгитлеровское правительство, опираясь на поддержку простых немецких патриотов, поддержка или влияние союзников, стать о нем известно, обернулись бы катастрофой.

Британское командование и правительство имели достаточный опыт общения с прусскими офицерами в период 1914–1918 гг., чтобы убедиться в их стремлении к демократии. Для них прусский милитаризм был почти так же непривлекателен, как и нацизм; немцы, придерживающиеся национал-консервативных идей, почти ничем не отличались от тех, кто исповедовал национал-социализм. Можно понять, почему Иден сказал, что участники июльского «бомбового» заговора «имели свои причины так поступить, и ими, безусловно, не двигало стремление помочь нашему делу», как бы жестоко теперь это ни звучало.

Поскольку немецкий генералитет представлял собой некое однородное целое, нежели группу соперничающих и часто враждебно настроенных друг против друга индивидуумов, их участие в одной из самых жестоких военных кампаний в истории было всеобщим. В 1939 г. в Польше вермахт являлся соучастником преступлений, совершаемых СС, а к 1941 г. он творил их уже самостоятельно. Поражения на Восточном фронте и июльский «бомбовый» заговор едва ли являлись случайным совпадением. Можно простить британскому правительству подозрение, что, если бы Россия потерпела поражение, или если бы высадка союзников в Нормандии месяцем раньше провалилась, то под человека, за которым германский народ беспрекословно следовал в период пер-

вых бескровных и потому таких оптимистичных побед 1938–1942 гг., не была бы подложена бомба.

Хотя заговорщики несомненно были, по выражению Черчилля, «храбрейшими из храбрейших», остается неясным, выступали ли сторонники Сопротивления от имени значительной части немецкого населения даже в тот день, 20 июля 1944 г. Если бы Гитлер погиб в результате «бомбового» заговора, ему на смену пришлось бы, скажем, не неохристианское демократическое правительство, а, скорее всего, Генрих Гиммлер, стоявший во главе СС. Учитывая, что Борман был не более чем бюрократом, а влияние Геббельса основывалось в основном на поддержке покойного Гитлера, Гиммлер задействовал бы всю имевшуюся у него громадную поддержку и, вероятнее всего, стал бы новым фюрером. Мало что изменилось бы и в случае, если бы нацистский трон унаследовал заместитель фюрера Герман Геринг. Историк Питер Хоффман писал, что «Геринг объединил бы всю нацию, апеллируя к *volkisch* и национал-социалистическим идеалам и поклявшись следовать заветам фюрера и удвоить силы для того, чтобы сокрушить врагов». Если бы Геринг или Гиммлер заняли место фюрера и не совершили множества стратегических ошибок, которые допустил Гитлер, нацистская Германия, возможно, просуществовала бы дольше. Кроме того, простой немецкий солдат, вне всяких сомнений, продолжал бы упорно сражаться, чтобы защитить родину (и честь матери) от неистовства Красной Армии.

В случае проигрыша Германии в войне убийство Гитлера могло способствовать созданию идеалистической *Dolchstosslegende* (легенды о предательском «ударе в спину»). Несомненно, посыпались бы утверждения, что Гитлер готовился применить абсолютное секретное оружие, которое бы уничтожило армии союзников, ко-

торые он целый год специально заманивал на территорию Германии, и потому был убит кучкой аристократов, либералов, христиан и космополитов, о чьем вероломстве свидетельствует их сотрудничество с британской разведкой. Это служило бы мощным поводом для реваншизма в Германии многие годы.

В своей книге «Последние дни Гитлера», 1947 г., выдающийся историк Хью Тревор-Ропер назвал германское Соппротивление «созданием столь же сказочным, как кентавр и гиппогриф». Но помимо вопроса, являлось ли оно на самом деле столь масштабным и влиятельным, как утверждают его послевоенные защитники, или же было раздуто после войны так же, как это произошло с движением французских партизан «маки», остается еще тот факт, что англичане имели все основания подозревать, что их контакты в Соппротивлении являются двойными агентами. В ноябре 1939 г. два офицера М16 были похищены в городе Венло на голландско-германской границе агентами гестапо, выдававшими себя за участников Соппротивления. Фест не упоминает об этом инциденте, но Михан признает, что он имел «серьезные и длительные последствия», заставив министерство иностранных дел, по вполне понятным причинам, с подозрением относиться к будущим попыткам установить контакт.

В этом ключе становится понятным и спонтанное заявление постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Алека Кадогана: «Как обычно, немецкая армия хочет, чтобы мы спасли ее от нацистского режима». Гёрделер, обещая устранить Гитлера в декабре 1939 г., попросил взамен Данциг, колониальные уступки и беспроцентный кредит в размере 500 миллионов фунтов стерлингов. Кадоган отреагировал на это так же иронично: «Мы поставляем товар, а Германия дает нам

долговые расписки». Министр с ним согласился. Невиллу Чемберлену в Германии мерещились «гитлеровские якобиты», а лорд Галифакс жаловался: «Немцы хотят, чтобы мы делали для них их же революции». Судя по книге герра Феста, с тех пор мало что изменилось.

«Убийство, — сказал Бенджамин Дизраэли всего через две недели после смерти Авраама Линкольна в 1865 г., — никогда не меняло мировую историю». Прав ли он? Учитывая пагубное влияние гитлеровского руководства на немецкий народ в период с 1933 по 1945 г., оправданно ли было убить его? Документы, обнаруженные в Государственном архиве в Кью в 2000 г., свидетельствуют, что операция «Фоскли» разработанный британской разведкой план покушения на Гитлера, была хорошо продумана, но так и не осуществлена по решению сверху.

Вопрос о том, повлияло бы убийство Гитлера на ход войны, возвращает нас к старому спору о том, что именно движет историю — «грандиозные, беспристрастные силы», как называл их Т. С. Элиот, столь мощные, что люди, какими бы влиятельными они ни были, оказываются всего лишь щепками на волнах истории, или выдающиеся личности, которые, как полагал Томас Карлейль, своей волей определяют человеческие судьбы. Если бы Наполеон был убит при осаде Акры, или если бы Гитлер погиб от сибирской язвы или пули снайпера в результате операции «Фоксли», стал бы мир другим?

Послевоенные американские правительства, или, по крайней мере, их разведывательные ведомства, по-видимому, придерживаются теории о «великой личности», оправдывая ею покушения на жизнь Фиделя Кастро — громкая история с взрывающимися сигарами — и бомбежки с целью уничтожения полковника Каддафи в 1986 г. и Саддама Хусейна в 1991 г. Хотя в Америке

жертвами наемных убийц стало неслыханное число президентов (четверо) и других общественных деятелей, таких как Мартин Лютер Кинг, Хьюи Лонг, Роберт Кеннеди и Малкольм Икс, американцы по-прежнему остаются самой наивной нацией, одобряющей карательные действия, направленные конкретно на вражеского лидера, — метод, который Веллингтон, услышав в начале битвы при Ватерлоо предложение выстрелить из пушки прямо в Наполеона, осудил как неджентльменский. В отличие от американцев англичане всегда действовали очень осторожно; говорят, что британский политик Джулиан Амери поставил крест на своей карьере, предложив М16 устранить возмутителей спокойствия в британских колониях.⁴⁴

Убийство как политическая стратегия приводит к очень разным результатам, когда осуществляется в обществах с представительной демократией со сложившейся иерархией власти и странах с феодальным, племенным или диктаторским строем. Если убийство президента — Мак-Кинли или Джона Кеннеди — или премьер-министра — Спенсера Персиваля — приводит к плавному его замещению вторым лицом государства, которое обычно демонстративно придерживается того же политического курса, то в случае, когда убитый лидер олицетворяет собой целое государство, последствия могут быть совсем иными. Сложно избежать соблазна, если кажется, что война будет короткой, а кардинальной смены правительства можно добиться путем устранения конкретной личности, как это произошло в случае с Саддамом Хусейном.

Убийства Жан-Поля Марата, царя Александра II, эрцгерцога Франца Фердинанда, адмирала Дарлана, Рейнхарда Гейдриха, Хендрика Фервурда, Бенigno Акино, отца Ежи Попелушко и генерала Зия уль-Хака

все до одного имели далеко идущие политические последствия — хотя зачастую и противоположные тем, на которые рассчитывали их организаторы, поскольку произошли в странах с антидемократическим режимом. Убийства же императрицы Елизаветы Австрийской, короля Италии Умберто I, Жана Жореса, Махатмы Ганди, президента Южного Вьетнама Зьема, Улофа Пальме, Индиры Ганди и Раджива Ганди, произошедшие в государствах с представительским институтом власти, согласно типичному для Дизраэли огульному обобщению, таковых последствий не имели.

Довольно безопасно предполагать, что внезапная смерть Гитлера от рук агентов Управления особых операций, какой бы блестящий вариант операции «Фоксли» в духе Джеймса Бонда ни был выбран для исполнения, изменила бы ход войны, но вот к лучшему или к худшему? Войну должны были выиграть союзники, но также необходимо было, чтобы она была проиграна целиком и полностью Гитлером. Его самоубийство в бункере после полного краха надежд и мечтаний должно было стать последней главой в этой истории, необходимым условием создания той честной, демократической, миролюбивой Германии, которую мы знаем сегодня.

До июня 1944 г. Германия наносила гораздо больший урон союзникам, чем они ей. Но перемирие, достигнутое на основе ложного допущения, будто война была развязана и велась по воле одного человека, а не при одобрении и поддержке немецкого народа, вряд ли привело бы к установлению в Европе столь длительного и прочного мира, в условиях которого мы сегодня живем.

Нация, которая за 75 лет, начиная с 1864 г., участвовала не менее чем в пяти завоевательных войнах, должна была обладать особым воинственным инстинктом, сжигавшим ее душу. Только ужасы и унижения 1944–

1945 г. могли положить этому конец. Если бы немцы не испытали тех страшных бедствий, сумев каким-то образом избежать периода «нулевых лет» благодаря операции «Фоксли», они не были бы теми мирными демократами, какими мы знаем их сегодня. Страшная финальная сцена «сумерек богов» должна была быть разыграна, и в бункере под звуки канонады приближающейся Красной Армии Геббельс читал в переводе Гитлеру «Историю Фридриха Великого» Томаса Карлейля. Риббентроп, Кальтенбруннер, Штрайхер, Розенберг и прочие могли быть повешены в Нюрнберге, но Гитлер должен был умереть от той руки, которая бы сделала его поражение абсолютным, — от своей собственной.

День «Д»: возмездие Гитлеру

Задолго до наступления дня «Д» Гитлер получал противоречивые сообщения о времени и месте вторжения, поступавшие от трех своих разведывательных служб, соперничавших друг с другом. В соответствии с проповедуемым Гитлером принципом «разделяй и властвуй», германская армия и Министерство иностранных дел имели собственные разведывательные органы, так же как и возглавляемые Гиммлером СС, одним из подразделений которых была Служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst), или сокращенно СД. Каждая из этих трех организаций действовала совершенно независимо друг от друга и часто представляла противоречивые данные и отчеты. Англичане и американцы, наоборот, имели Объединенный комитет разведывательных служб, которые обменивались между собой всей поступающей информацией, в результате чего Черчилль получал скоординированные данные, позволявшие более точно прогнозировать ситуацию.

Еще более серьезным для Германии был тот факт, что многие части, действовавшие на территории, подконтрольной отвечавшему за оборону Франции фельдмаршалу фон Рундштедту, не подчинялись ему напрямую. Зенитные и парашютно-десантные войска находились в подчинении командующего люфтваффе Геринга. Войска СС подчинялись только Гиммлеру. Одной группой армий руководил Роммель, а Рундштедт, хотя номинально и считался его командиром, не имел полномочий непосредственно отдавать ему приказы. Две танковые дивизии, находившиеся в резерве, находились в прямом подчинении верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), которое, в свою очередь, действовало только по личному приказу Гитлера. Это в значительной степени мешало Рундштедту эффективно осуществлять переброску войск в первые часы операции по высадке союзников на континенте 6 июня 1944 г.

Рундштедт немедленно приказал танковым дивизионам, находившимся в резерве, быстро двигаться к побережью, чтобы сбросить союзников в море прежде, чем они сумеют закрепиться на побережье Ла-Манша, и тут же получил выговор от главнокомандования сухопутных войск вермахта (ОКН) за то, что перед тем, как предпринимать какие-то действия, не получил на то разрешение Гитлера. Танковым резервам приказано было остановиться. Но фюрер не хотел давать разрешение и только к полуднюотреагировал на столь важные новости. Неправда, что он спал, он просто медлил с принятием решения. К тому времени, как он его принял, союзники уже закрепились на побережье и благодаря превосходству в воздухе сделали продвижение танков в тот день практически невозможным.

Данное Черчиллем обещание драться на побережье оказалось выполненным, но бои шли не под Брайтоном

или Дувром, а на пляжах Нормандии, получивших в процессе подготовки вторжения в Нормандию кодовые названия «Juno» (Юнона), «Omaha» (Омаха), «Sword» (Меч), «Gold» (Золото) и «Utah» (Юта). Теперь освобождение Европы от нацистского ярма было лишь вопросом времени. Но, чем хуже для Германии становилось положение дел на фронтах, тем больше Гитлер начинал контролировать каждую деталь, тем самым только усугубляя и без того катастрофическую ситуацию. Это был отказ от принципа «тактики поручений», которая позволила добиться таких успехов в ранних «молниеносных» кампаниях.

После того как битва за Одон лишила немцев шанса расколоть силы противника, нанеся удар по их позициям под Байё, Рундштедт сообщил ОКВ, что битва за Нормандию полностью проиграна. Фельдмаршал Кейтель спросил в отчаянии: «Что же нам делать?» Ответ Рундштедта был грубым: «Заключать мир, тупицы». Он был отстранен от командования, и на его место был назначен фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Через несколько дней Роммель отправил Гитлеру письмо: «Наши войска героически сражаются по всему фронту, но неравная битва подходит к концу. По моему мнению, вам следует сделать необходимые выводы». Клюге поддержал Роммеля: «К сожалению, фельдмаршал прав».

Однако Гитлер не последовал их совету, особенно когда в результате провалившейся попытки покушения 20 июля 1944 г. вскрылся широкомасштабный заговор против него внутри верховного командования. Ответом на это стала безжалостная чистка в армии: 160 офицеров были казнены, из них как минимум два фельдмаршала и семнадцать генералов. Роммелю не оставалось иного выбора, как принять яд.

«Бомбовый» заговор ослабил позиции Гитлера вне чисто политической сферы. Генерал Вальтер Варлимонт

из оперативного штаба ОКН, который был ранен при взрыве, вспоминал потом:

Теперь стало совершенно ясно, что Гитлер слабый человек. Ранения, полученные им 20 июля, были незначительны, но казалось, что шок выпустил наружу все зло, присущее его натуре, как в физическом, так в психологическом смысле. Он появился в комнате карт, согнувшись и шаркая ногами. Его стеклянный взгляд узнавал только тех, кто стоял ближе всех к нему. Ему придвинули стул, и он рухнул на него, согнувшись почти вдвое, голова бессильно висела между плеч. Когда он указывал на какое-то место на карте, рука его дрожала. По малейшему поводу он требовал, чтобы «виновные» были повешены.

Одна характерная особенность внешнего облика фюрера все же осталась, и это был его широко растраженный взгляд. Военный адъютант, видевший Гитлера всего за несколько дней до самоубийства, вспоминал, что хотя в остальном он казался «слабым и дряхлым стариком... только его глаза вспыхивали неопишущим блеском... а взгляд, когда он посмотрел на меня, был необычайно пронзителен».

Варлимонт отмечал, что покушение на жизнь Гитлера заставило того после июля 1944 г. еще больше не доверять генералам, что не удивительно, а их в свою очередь практически лишило желаний возражать: «Его советники производили на непосредственного наблюдателя тревожное впечатление, будто они руководствовались теперь не здравыми соображениями военного порядка, а чувством еще более полного, если такое возможно, преклонения ученика перед учителем». В ре-

зультате Гитлер полностью отказался от «тактики поручений», которая так помогала ему в Польше, Норвегии, Голландии и Франции (по крайней мере, до тех пор, пока он не отдал роковой приказ остановить движение танков перед Дюнкерком). Впоследствии Варлимонт так вспоминал об этом периоде после июля 1944 г.:

Гитлер внедрил... свой гибельный способ руководства, в приказном порядке провозгласив принцип, согласно которому единственной обязанностью всех командиров, даже самых высокопоставленных, является безоговорочное и неукоснительное выполнение его приказов. Перед лицом врага офицеры некомандного состава и рядовые солдаты не имели права обсуждать разумность или вероятную успешность атаки, приказ о которой отдан командиром подразделения; точно так же верховный главнокомандующий вермахта не должен разделять ответственность за свои решения с командующими армий. Им запрещалось подавать в отставку в случае несогласия с его распоряжениями.⁴⁵

И что еще хуже, чудесное спасение Гитлера от смерти только усилило его веру в судьбу. Варлимонт вспоминал:

Он был достаточно самоуверен, чтобы считать, что 20 июля его спасло «Провидение», и теперь ждал, что другие «чудеса» обеспечат новый поворот в войне, хотя раньше с презрением обрушивался на тех лидеров из вражеского стана, кто позволял себе выступить с подобными заявлениями.

Черчилль тем временем использовал чудесное спасение Гитлера как возможность обрушиться на того с

самыми сокрушительными обвинениями. В прошлом он называл Гитлера «этот кровавый беспризорник» и отчасти приписывал победы союзников в Африке «военной интуиции ефрейтора Гитлера. Нельзя было не заметить и там присутствие незримой направляющей руки. Той же самой тупой, бесчувственной силы». Он также не любил сравнивать Гитлера с Наполеоном, считая, что «не надо оскорблять великого императора и воина, сопоставляя его с жалким любителем митингов и мясником». Теперь, в сентябре 1944 г., Черчилль превзошел в насмешках даже самого себя. Выступая в Палате общин, он сказал:

Когда 20 июля Гитлер избежал предназначенной ему бомбы, он описывал свое спасение, как перст providения. С чисто военной точки зрения я считаю, что мы можем согласиться с ним. Ведь, конечно, было бы большим несчастьем, если бы союзники на заключительных этапах борьбы были лишены того сорта воинственного гения, при помощи которого ефрейтор Шикльгрубер в столь значительной мере содействовал нашей победе.

Как это часто бывало с едкими высказываниями Черчилля, это замечание, хоть в том и не было необходимости, было совершенно справедливым. Три чуда произошли с Англией в ходе войны, и все три были результатом серьезных ошибок со стороны Гитлера: приказ о приостановлении продвижения танков в район Дюнкерка от 25 мая 1940 г.; вторжение в Россию 22 июня 1941 г.; и объявление немцами войны Соединенным Штатам 11 декабря 1941 г. Ни одно из этих решений не имело никакого отношения к Черчиллю, но все вместе они послужили его цели. И все они были приняты на основании сообра-

жений одного человека. Лидерство — в данном случае катастрофически неумелое лидерство Гитлера — сыграло здесь решающую роль. По-настоящему великие лидеры понимают, насколько важно прислушиваться к людям, которые не согласны с ними. И если Черчилль вступал в дискуссию, Гитлер попросту душил ее на корню. И потому в итоге, несмотря на то, что тоталитарные государства хорошо умеют начинать войны, демократии куда лучше умеют их выигрывать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения истории Уинстона Черчилля можно считать творцом злополучной Галлиполийской кампании или автором ксенофобских речей, но сегодня, вспоминая его в период благодушной старости, мы называем его Черчиллем Всея Европы.

Radio Times, ноябрь 2001 г.

Средняя школа им. Уинстона Черчилля в Хараре, Зимбабве, будет переименована в Среднюю школу им. Джосии Тонгогары в честь командующего повстанческой армией при президенте Мугабе... Начальная школа Уоррен-парк станет Начальной школой имени Ченджераи (Гитлера) Хунзви, обесмертив память главного палача режима.

Daily Telegraph, февраль 2002 г.

В школьном видеофильме о войне Черчиллю отведено 14 секунд

Газетный заголовок, 2001

Что будут говорить про Адольфа Гитлера и Уинстона Черчилля спустя долгое время после того, как мы все

умрем? Пока живы люди, потерявшие родных на войне, развязанной Гитлером, пока мы живем в мире, политические границы которого были очерчены после победы над Гитлером, невозможно оценивать их абсолютно объективно. Так какими же обычные люди будут воспринимать Гитлера и Черчилля в 2145-м или 2245 г., когда хронологически они будут так же далеки для наших потомков, как сегодня далеки для нас такие исторические личности, как Наполеон и Веллингтон?

Большинство из нас наивно полагает, что Гитлер всегда будет казаться еще одним Владом Цепешем, Атилой Бичом Божьим или Иваном Грозным — то есть не более чем исполненным ненависти кровожадным тираном. Как заметил сэр Джон Киган: «Он принадлежит к компании Чингисхана, Тамерлана, Сталина и Мао Цзэдуна, бесчеловечных маньяков, страдающих манией величия. Все они состоят в союзе с дьяволом, во что «людям Писания» нетрудно поверить. Да упокой, Господи, их души»¹. Хотя в 1950-х гг. в некоторых ревизионистских биографиях или телевизионных документальных фильмах иногда предпринимались попытки реабилитировать фюрера, кажется, что мнение потомков в целом осталось неизменным. Но кое-кто из авторитетных философов, например американский историк Джон Лукас, не так в этом уверен. Лукас назвал целый ряд областей, в которых ревизионизм в отношении Гитлера уже набирает обороты (правда, надо признать, что довольно медленно), и он опасается, что со временем их станет гораздо больше. В конце концов, Наполеон за 20 лет завоевательных войн оставил на полях Европы свыше 6 миллионов убитых, но сегодня у него нет недостатка в почитателях среди интеллигенции и писателей.

Лукас полагает, что Гитлера следует признать «величайшим революционером двадцатого столетия», пре-

восходящим даже Ленина своей способностью обуздать и затем направить в нужное русло недовольство масс, и что его идеи национального превосходства по-прежнему могут представлять угрозу в будущем. Больше всего он опасается того, что если западная цивилизация начнет постепенно разрушаться и, наконец, исчезнет, это будет грозить опасностью будущим поколениям. С усилением невежества репутация Гитлера имеет все шансы повыситься в глазах обычных людей, которые могут начать воспринимать его как некое подобие Диоклетиана, последнего жесткого создателя имперского порядка.² К счастью, такое развитие событий едва ли является делом ближайшего будущего, и если западная цивилизация когда-нибудь исчезнет, репутация Адольфа Гитлера вряд ли окажется среди первейших забот наших правнуков. Черчилль сам сказал что-то в этом духе, выступая в Палате общин 25 июня 1941 г.: «Если мы выиграем, никто нас не осудит. Если проиграем, судить будет некому».

Во вступительной части я попытался определить разницу между харизматичным типом лидера, к которому относился Гитлер, и вдохновляющим — Уинстон Черчилль. Когда мы наблюдаем за фокусником, показывающим трюки на детском празднике, половина из нас смотрит на его руки, пытаясь понять, как он это делает, а остальная часть публики просто наслаждается действием, испытывая приятное чувство искреннего удивления. Прирожденные скептики отдадут предпочтение вдохновляющему лидеру, а недоверчивые последуют за харизматичным. Потому в политике скептицизм является здоровой реакцией, которую следует поддерживать и поощрять.

Правда заключается в том, что Гитлер имел гораздо большую власть над воображением и психикой людей,

нежели Черчилль. Гитлер запряг два самых мощных, хотя и недобрых, человеческих чувства — зависть и негодование — в свою колесницу и сумел проделать благодаря им поразительно долгий путь. После поражения Германии и Австрии в Первой мировой войне и их, как им казалось, униженного положения в результате Версальского договора было до умиления просто внушить германскому народу неистовую жалость к самому себе. На самом деле Гитлер просто был одним из огромного числа противоборствующих ультраправых политиков, пытавшихся добиться именно этого.

И наоборот, психологии Черчилля не были свойственны ни зависть, ни негодование. Писатель Джон Джулиус Норвич вспоминает поход в кино с родителями, Даффом и Дианой Купер, и Уинстоном Черчиллем: «Помню, фильм был про ирландских крестьян, и он то и дело повторял: «Бедная лошадь». А в конце заявил: «Зависть — самый бесплодный из всех пороков». Зависть немцев в 1918 г. к державам-победителям, их колониям и богатствам, но главное, к самому факту их победы сделала их легкими жертвами для Адольфа Гитлера.

Эксперименты Аша и Милгрэма

«Искусство лидерства, — писал Тони Блэр, — заключается в умении сказать «нет», а не «да». Говорить «да» очень легко»³. Проводившиеся несколько лет назад в Америке два знаменитых эксперимента — Аша и Милгрэма — демонстрируют, насколько просто людям говорить «да», и позволяют сделать очень тревожные выводы относительно нашей оценки склонности человека к подчинению. В ходе эксперимента, проводившегося в 1963 г. психологом Стэнли Милгрэмом, добровольцев

(испытуемых) просили протестировать человека (актера), привязанного к стулу, электродами, подсоединенными к запястьям. Испытуемому сообщалось, что эксперимент проводится с целью проверки влияния боли на память человека. Актеру, игравшему роль другого испытуемого, предлагалось запомнить текст, и если он повторял его правильно, испытуемый ничего не предпринимал. Если же он запинался или ошибался, испытуемому, согласно условиям эксперимента, следовало щелкнуть переключателем на реостате, чтобы наказать его ударом тока. Напряжение тока возрастало по мере увеличения ошибок.

На самом деле никакого воздействия током не было, и актер просто делал вид, что кричит от боли. Однако испытуемые не знали этого, и не менее 65% из них слепо подчинялись полученным инструкциям, продолжая постепенно увеличивать напряжение до отметки 450 В, которая обозначалась, как смертельно опасная. Крики боли не мешали им продолжать эксперимент. Как писал Брайан Мастерс в своей автобиографии «Переходя на личности», эксперимент Милгрэма «вне всякого сомнения, показал, что робкие, добропорядочные люди, если дать им шанс, способны превратиться в настоящих монстров»⁴.

К таким же тревожным выводам привел эксперимент Аша, в процессе которого троим испытуемым показывали три линии на экране и спрашивали, какая из них самая длинная. Так же, как и в эксперименте Милгрэма, двое из испытуемых на самом деле были экспериментаторами. В каждом случае было совершенно очевидно, какая из линий самая длинная; правильный ответ не вызывал сомнений, даже для человека с очень слабым зрением и низкими умственными способностями. После первых двух этапов, в ходе которых все участники дава-

ли правильные ответы, двое экспериментаторов начинали указывать на одну и ту же линию, которая явно была короче остальных. Сначала испытуемый протестовал и отстаивал правильный ответ, но затем поразительно быстро соглашался с мнением остальных. Эксперименты Милгрэма и Аша показывают, насколько легко заставить людей поступать жестоко и — что вызывает не меньшее беспокойство — не доверять тому, что они видят собственными глазами.⁵

Заставить людей совершать ужасные преступления, как это делал Гитлер в период Второй мировой войны, и затем отрицать очевидные факты, оказывается, не так трудно, как кажется на первый взгляд. В своей монографии, посвященной анализу действий полицейских печально известного 101-го резервного батальона немецкой полиции порядка, ответственных за смерть тысяч людей, убитых в Польше в процессе осуществления «окончательного решения еврейского вопроса», историк Кристофер Браунинг из Принстонского университета рассказывает, как уважаемые граждане Гамбурга, являвшиеся представителями рабочего и среднего класса, стали профессиональными убийцами. Очевидно, что давление коллектива и природная склонность к подчинению и чувству товарищества — в большей степени, нежели антисемитизм или преданность нацизму — превратили совершенно обычных людей в «многократных убийц».⁶

Эти предостережения столь же актуальны сегодня, как и в 1941–1945 гг., стоит только вспомнить, что происходило в 1990-х гг. в Руанде или бывшей Югославии. Как такие цивилизованные люди, как немцы, могли оказаться соучастниками самого жестокого преступления за всю историю человечества? Основной вывод, сделанный Браунингом — о том, что причины куда более глу-

бокие, чем просто антисемитизм, заставили членов 101-го резервного батальона чинить зверства на территории Польши, подверг критике историк Дэниэл Гольдхаген в своей противоречивой книге «Добровольные палачи Гитлера», 1996 г.

Гольдхаген утверждал, что солдаты 101-го батальона, не отбравшиеся специально по причине их горячей верности нацизму, а вступавшие в него в основном из-за нежелания идти служить за границей, убивали еврейских женщин, стариков и детей «ради удовольствия», потому что им было «весело» во время «охоты на евреев», в ходе которой их «демонологический антисемитизм» трансформировался в «массовое стремление убивать евреев». Антисемитизм, подчеркивает автор, настолько глубоко проник в культуру, общественное сознание и историю Германии, что Гитлер и Холокост стали попросту неизбежными результатами этого. Все, что требовалось Гитлеру, как лидеру, это обеспечить необходимые условия для совершения геноцида.⁷ В начале 1940-х гг. появились идеальные условия — как пишут в детективных романах — мотив, возможность и способ. Хотя в 1920–1930-х гг. в Германии евреи были гораздо лучше интегрированы в общество, нежели в других странах Европы, как отмечал Киган, «в 1918 г. кайзеровский рейх контролировал все *штетлы* в Европе, но ни причинял вреда их обитателям». Был ли, таким образом, прав Мильтон Гиммельфарб, когда пришел к своему памявному заключению: «Не было бы Гитлера, не было бы Холокоста»? И было ли лидерство Гитлера ключевым фактором трагедии?

101-й батальон являл собой срез германского общества, и никого из солдат не принуждали убивать евреев или принимать участие в зверствах. Браунинг полагает, что в Холокосте не было ничего типично немецкого,

кроме, возможно, преувеличенного уважения к власти и готовности подчиняться приказам со стороны исполнителей преступлений и того, что, помимо сравнительно небольшого числа нацистских фанатиков, мало, кто из немцев одобрял происходившее «на востоке». Однако никто открыто и не возмущался; подавляющее большинство немцев оставались безучастными и не хотели знать подробностей. Но когда прозвучал непосредственный призыв помочь в осуществлении геноцида, от 80 до 90% мужчин, призванных в 101-й батальон, молча согласились. Преодолев первоначальную брезгливость они «превратились в умелых и жестоких палачей». Только 12 из 500 полицейских батальона отказались участвовать в расстреле 1800 евреев в лесу в окрестностях польского города Юзефув 13 июля 1942 г. В течение оставшихся 17 часов, пока длилось кровопролитие, прерывавшееся на перекуры и обед, еще примерно 45 человек покинули место казни, сославшись на разные причины. Оставшиеся 85% продолжали расстреливать женщин и детей в упор, хотя им было прекрасно известно, что, в случае, если они откажутся, им не грозит никакое наказание. «Сначала мы стреляли, куда придется, — вспоминал один из участников расстрела. — Если целились слишком высоко, череп взрывался. В результате мозги и осколки костей летели во все стороны. Поэтому нам было приказано упирать конец штыка в шею».

Основываясь на материалах допросов 1960-х гг., можно попытаться понять психологию убийц. Эти материалы представляют собой холодящее кровь, но очень убедительное чтение, на основе которого власти анализируют мотивы мужчин, которые в силу целого ряда довольно сложных психологических причин позволили себе убивать с целью геноцида. Большая часть из этих причин — свойственные военному времени ожесточе-

ние, «сегментация», «рутинизация», стремление быть как все и тому подобное — не ограничивается пределами нацистской Германии. Мы гордимся собой при мысли, что Холокост никогда бы не мог произойти в Англии, но на самом деле в 1935–1945 гг., несомненно, нашлось бы достаточно тех, кто отправлял бы людей в газовые камеры, если бы они были построены в Аргайлле, Кардиффе или в окрестностях Лондона.

Умение брать на себя ответственность

Лидеры берут на себя ответственность. Когда что-то шло не так, Черчилль, не задумываясь, брал вину на себя. Выступая на закрытых заседаниях парламента, он с готовностью признавал свои ошибки. Гитлер же, напротив, когда война приняла нежелательный для него оборот, постоянно обвинял в этом других: сначала генералов, а потом и весь германский народ, который он считал недостойным своего гения. Эта разница в подходе в должной мере проявлялась в бесстрашном желании Черчилля появляться на пострадавших от бомбежек улицах по всей Англии с тем, чтобы поднять моральный дух нации, чего Гитлер практически никогда не делал в Германии. Наоборот, фюрер передвигался в автомобиле с закрытыми шторками окнами. Одной из ошибок Гитлера было стремление дистанцироваться от страданий своего народа, который вплоть до 1944 г. преклонялся перед своим вождем. Страх, что его образ окажется связанным с текущими неудачами и поражениями, заставлял его отказываться от позирования перед камерой — возможности, которую Черчилль никогда не упускал. Когда 8 сентября 1940 г. Черчилль заплакал при виде превратившейся в руины улицы в рай-

оне лондонского Ист-Энда, одна из местных жительниц услышала, как кто-то произнес: «Посмотрите, его это правда волнует», и толпа сразу же повеселела.⁸ Спасало, конечно, то, что Черчиллю действительно было безразлично, и он, в отличие от Гитлера, не считал людей расходным материалом, необходимым для воплощения его глобального замысла. К несчастью для себя, Гитлер не имел рядом с собой никого, кто мог бы изменить его образ мыслей. Успешные лидеры окружают себя конструктивно настроенными оппонентами: у Черчилля был Аланбрук, у Сталина — генерал Алексей Антонов, у Рузвельта — генерал Джордж Маршалл. Гитлер, конечно же, не мог получить объективного совета, не имея никого рядом с собой.

За всю войну Гитлер очень мало путешествовал, если не считать посещений своей ставки «Волчье логово» в Восточной Пруссии и четырех поездок во Францию — один раз на встречу с Рундштедтом, один раз в Париж, чтобы позлорадствовать у памятника в Компьене, один раз к маршалу Петэну и Пьеру Лавалю в Монтуар и один раз, чтобы встретиться с генералом Франко в Андайе. Он и до войны не слишком любил путешествовать и ни разу не бывал в Англии, Америке, Африке или на Дальнем Востоке. Некоторых из его стратегических ошибок — особенно объявление войны Америке в декабре 1941 г. — вероятно, можно было бы избежать, если бы он в молодости больше был склонен к приключениям и имел бы возможность узнать, каков на самом деле мир за пределами Германии. Черчилль, наоборот, путешествовал больше, чем любой другой премьер-министр в истории: за первые четыре военных года он проехал не менее 110 000 миль, проведя 33 дня в море и 14 дней в воздухе. Это дало ему понимание глобальной стратегии войны, полностью отсутствовавшее у Гитлера.

Знать, когда надо уйти

Частью лидерского искусства является понимание, когда следует сказать «стоп», но подобно всем премьер-министрам двадцатого столетия, кроме лорда Солсбери и Гарольда Вильсона, Уинстон Черчилль оставался на своем посту слишком долго. Как и многие его предшественники, он слишком легко верил словам о собственной незаменимости, несмотря на тот факт, что звучали они из уст все меньшего числа людей. Когда летом 1954 г. старый друг и коллега-журналист сказал Черчиллю: «Многие из ваших друзей из Консервативной партии говорят, что для партии было бы хорошо, если бы в скором времени вы подали в отставку», премьер-министр взглянул на него, затем оглядел «Коммонс Бар», где они сидели, и только потом ответил: «Знаете, когда я смотрю на это место и думаю обо всем, что меня так долго связывает с палатой, мне кажется, что это отличный паб. И когда я смотрю на все эти лица в Палате общин, я спрашиваю себя, почему я должен покинуть его прежде, чем кто-то скажет: «Вам пора!» более настойчиво, чем те из моих друзей, с кем вы разговаривали»⁹.

Черчиллю нужно было последовать примеру Цинцинната или Гарибальди и покинуть политическую арену в момент своего триумфа в 1945 г. Он мог удалиться в Чартвелл и возводить там стены, писать книги, заниматься живописью и пожинать лавры. Поскольку к 1945 г. самая важная страница в истории главной войны двадцатого столетия совершенно очевидно уже была перевернута, и его «золотая осень», второй срок на посту премьер-министра в 1951–1955 гг., с его примирением с лейбористами, застоем в политической системе, неудачами во внешней политике и общей атмосферой ностальгии и самодовольства, был совсем не тем, что требовалось измученной и обнищавшей Британии. Так же, как

Рональд Рейган в конце своей карьеры в Рейкьявике, но с гораздо меньшим успехом, Черчилль надеялся на встречу с русскими, которая бы принесла ему непривычное прозвище «миротворец». Но в отличие от Рейгана он не выступал от имени сверхдержавы, и его мечтам не суждено было осуществиться.

Когда Черчилль и член Центрального совета Консервативной партии Реджинальд Молдинг сели писать речь для выступления на партийной конференции 1947 г., до последнего понемногу стало доходить, что Черчилль не читал, как следует, «Промышленную хартию», основную декларацию политики партии по вопросам экономики. Тогда Молдинг подготовил для него краткую справку, в которой изложил ее основные положения, касающиеся централизации, повышения уровня занятости, усиления влияния профсоюзов, отказа от денационализации, равной заработной платы для женщин, повышения расходов на профессиональное обучение, создания объединенных производственных советов и партнерских связей между промышленностью, правительством и профсоюзами. Черчилль сказал, что он со многим не согласен. «Ну, сэр, — отвечал незадачливый спичрайтер, предвидя трудности и начиная волноваться, — все это было одобрено на партийной конференции». «Что ж, — ответил Черчилль, — тогда пусть остается».

Пребывание на посту премьер-министра в 1951–1955 гг. было не лучшим моментом в жизни Черчилля. Когда он вернулся на Даунинг-стрит, то принес с собой целую кучу красных этикеток «Сделать сегодня», которыми во время войны привык помечать важные документы. Они были положены в ящик стола и так остались там навсегда. Невнимательность к деталям, отсутствие интереса к внутренним делам страны и экономическим вопросам и полное нежелание заниматься политикой,

являлись основными проблемами «золотой осени» премьер-министра. Примечательным признаком склеротичного характера всего периода пребывания Черчилля на посту премьер-министра в этот раз может служить тот факт, что даже когда у него летом 1953 г. случился инсульт, кабинет сделал вид, что ничего не произошло. В тех редких случаях, когда премьер-министр вмешивался в дела своих подчиненных, он только усугублял ситуацию.

Попытка потакать становящимся все более воинственными профсоюзам только «подкармливала крокодила» и привела к усилению инфляции, растущей с ростом заработной платы. Канцлер казначейства Р. А. Батлер позвонил Черчиллю по телефону накануне Рождества 1954 г., и тот сообщил ему, что проблема угрозы забастовки железнодорожников решена. «На чьих условиях?» — обеспокоенно поинтересовался Батлер. «На их, конечно, дружище!» — ответил довольный собой премьер-министр. Если это и был основной лейтмотив второго срока премьерства Черчилля, который не добавлял блеска его репутации, то его символом должен был стать огромный аудиофон, установленный в центре стола для заседаний кабинета министров, с тем чтобы восьмидесятилетний премьер-министр и несколько его даже более пожилых коллег еще со времен военного времени могли слышать, о чем идет речь. Ведь Черчилль находился в очень преклонном возрасте уже тогда, когда впервые занял пост премьер-министра в 1940 г.

Когда Черчилль наконец подал в отставку в апреле 1955 г., у его преемника, Энтони Идена, не оказалось достаточно времени на то, чтобы войти в курс дела прежде, чем разразился Суэцкий кризис. «Многие скажут, что я должен был уйти на покой после войны и превратиться в эдакого старейшину, — говорил он молодому

ученому Р. В. Джонсу в 1946 г., — но как я мог? Я боролся всю свою жизнь и не могу сейчас сдать!»¹⁰ Но дело было в том, что сражаться теперь предстояло совсем с другими врагами; вместо захватывающей битвы с Гитлером в 1945 г. его ждали куда менее интересные противники в лице низкоквалифицированных рабочих, экономики, страдающей от чрезмерного регулирования, и становящихся все более воинственными профсоюзов. Свое место в истории, завоеванное вместе с победой над нацизмом, Черчилль мог потерять, поддавшись пагубной тенденции, характерной для премьер-министров XX столетия, находиться на своем посту слишком долго в ущерб себе и своей партии. Но как писал Черчилль в «Савроле»: «Его натура была «страстной, возвышенной и смелой». Жизнь, которую он проживал, была его единственным выбором, и он должен продолжать до конца».¹¹

Черчилль в роли историка

Первое, что сделал Черчилль, наконец выйдя в отставку, опубликовал свой труд по англо-американской истории, над которым он с перерывами работал не один десяток лет. Лидеры, желающие оставить свой след в истории, должны быть не только великими ораторами, но и великими писателями, и полученная Черчиллем Нобелевская премия по литературе была им вполне заслужена. «В принципе мне хотелось бы написать «Историю англоязычных народов», рассказывающую об их корнях, конфликтах, неудачах и примирении, за 20 000 фунтов», — писал Уинстон Черчилль Ньюману Флауэру, управляющему директору издательства «Кассель и Ко.» 30 октября 1932 г. Он предполагал, что работа над проектом должна была занять 4–5 лет. Однако в результате великих перемен в жизни не только Черчилля, но и

самых англоязычных народов этот четырехтомный труд был опубликован только через 25 лет.

Именно в первые несколько месяцев долгого периода пребывания во внутренней оппозиции партии тори, впоследствии названного «годами пустынного одиночества», Черчилля посетила идея написать книгу, «целью которой было бы подчеркнуть значение общего наследия народов Великобритании и Соединенных Штатов Америки, как средства укрепления дружбы между ними». Это был чрезвычайно дальновидный шаг, так как уже через каких-нибудь 10 лет этим двум странам вместе с их доминионами и колониями суждено было вступить в бой ради спасения цивилизации.

Хотя для написания книги существовали веские политические причины, непосредственным толчком к началу работы над ней стали соображения финансового порядка. Невероятный транжира, не получивший в наследство ни гроша, Черчилль, живя на широкую ногу, полагался на свое перо и парламентское жалование, и теперь, будучи вынужденным выйти из «теневого кабинета» Консервативной партии из-за разногласий по вопросу независимости Индии, он понимал, что в ближайшее время не следует ожидать назначения на министерский пост. В данном случае ему, чтобы вернуться в правительство Ее Величества, потребовалась война, охватившая всю Европу.

Таким образом, написанная им «История» с самого начала задумывалась как бестселлер; как он писал одному из своих помощников, оксфордскому историку Киту Фейлингу, «захватывающее повествование, рассказывающее о драматических и важных эпизодах, и ни в коем случае не дающее глубокой оценки». Книга должна была стать не очередной скучной околонучной историей британского народа и его кровной родни по всему миру, а динамичным литературным повествованием, начинаю-

щимся с рассказа о вторжении в Англию в 55 г. до н.э. Юлия Цезаря и заканчивающимся победой англичан в Англо-бурской войне в 1902 г.

Хотя Черчилль в работе над книгой прибегнул к помощи целого ряда ведущих специалистов в области истории, которые должны были знакомить его с теми историческими периодами, о которых он ничего не знал, и вообще упрощать процесс исследования и написания книги, это было его детище — о чем исчерпывающим образом свидетельствуют аннотации ко многим пробным изданиям. В 1937 г., сообщая Клементине об их плачевном финансовом положении, он писал, что «История» «требует прочтения огромного количества материала и его обдумывания, если я хочу создать нечто, достойное такой грандиозной темы» Оставшиеся 15 000 фунтов должны были быть выплачены только после представления рукописи, что, как он надеялся, должно было произойти в декабре 1939 г.

Конечно, распространение нацизма в следующие два года все чаще заставляло его отвлекаться от работы над книгой, но Черчиллю удивительным образом удавалось находить время для самых разных дел, и, отдавая много сил кампании против политики умиротворения Гитлера, найти минутку для литературного творчества. Когда в августе 1938 г. над Чехословакией начали сгущаться военные тучи, Черчилль написал лорду Галифаксу, что «совершенно погряз в древних бриттах, римлянах, англах, саксах и ютах, всех тех, с кем, как я думал, я покончил, закончив школу». Но, возможно, работа над «Историей» была не более чем поводом, чтобы отвлечься, ибо, как он писал одному из друзей во время Мюнхенского кризиса: «Так приятно в эти тревожные дни погрузиться на тысячу лет в прошлое, чтобы не думать о веке двадцатом».

Надежда, что средства, полученные от публикации книги, составят примерно треть его доходов в 1939 г., означала, что работа над ней поглощала в тот год большую часть времени, оставшегося от занятий политикой. Команда историков, одни из которых получали плату за свою работу, другие нет, продолжала помогать ему самыми разными способами — от написания статей и чтения лекций в Чартвелле до проверки точности изложения фактов. К моменту окончательной публикации «Истории» в нее входили несколько самых выдающихся специалистов в своей сфере. Главным помощником Черчилля был Ф.У. (ныне сэр Уильям) Дикин; Морис Эшли, А. Л. Роуз, Аса (ныне лорд) Бриггс, Дж. Н. (позднее сэр Джек) Пламб, Г. М. Янг, Алан (ныне лорд) Буллок и несколько других в высшей степени уважаемых ученых также в разное время и каждый по-своему вносили свою лепту в работу над книгой. Эти историки, вспоминал Эшли, пытались по мере сил сдерживать «неукротимого» Черчилля, стараясь, чтобы все его написанное подтверждалось историческими фактами.

«В общих чертах, — писал Черчилль Эшли в апреле 1939 г., — темой является увеличение свободы и законности, возникновение прав личности, подчиненность государства фундаментальным и моральным концепциям неустанно развивающегося общества. Англоязычные народы были авторами этих идей, затем гарантами их воплощения, а теперь должны быть готовы защищать их с оружием в руках. При этом я осуждаю тиранию, в какой бы форме и в какой бы части мира она ни проявлялась. Все это, конечно, применимо и к сегодняшнему дню». Однако, несмотря на то, что в последние месяцы мира, Черчилль по многу часов тратил на то, чтобы воплотить свои принципы «в дне сегодняшнем», он каким-то образом умудрялся найти время для работы над «Историей»,

так что в тот сентябрьский вечер 1939 г., когда Германия вторглась в Польшу, он вносил последние правки в последнюю главу четвертого тома.

Ясно было, что срок сдачи готовой рукописи должен был быть отложен, но даже начавшаяся война не помешала его работе над книгой. «Странная война» застала Черчилля, который тогда занимал пост первого лорда Адмиралтейства, в попытках завершить многотомный труд. Ф. У. Дикин вступил в 63-й Оксфордширский противотанковый полк, но также в свободное время (которого становилось все меньше) правил гранки, а Алан Балок готовил статью о Канаде на сто тысяч слов. «Я надеюсь, вы сможете закончить на этой неделе, поскольку вопрос очень важный, и давление очень велико», — писал Черчилль Дикину из Адмиралтейства 6 октября 1939 г. К 1940 г. Черчилль был в шаге от воплощения своего замысла, так же как и Гитлер, и, став в мае премьер-министром, он положил «Историю» в стол до конца войны, хотя права на экранизацию были проданы великому венгро-американскому продюсеру Александру Корде за 50 000 фунтов.

Только в последнюю неделю 1945 г. — к тому времени Черчилль спас цивилизацию, но проиграл всеобщие выборы — он смог продолжить работу над своей «Историей». К тому времени англоязычные народы уже, конечно, вписали новые славные главы в свою историю, но было решено не добавлять к первоначальному объему еще один том, посвященный этим событиям. Черчилль взял с собой гранки книги на борт «Queen Elisabeth», на котором он отправлялся в Америку, чтобы произнести знаменитую речь о «железном занавесе», но стоило ему вернуться, как очередной крупномасштабный проект снова заставил его отложить публикацию «Истории».

Черчилль считал своим долгом написать 6 томов военных мемуаров и воспользовался для воплощения этой идеи годами, проведенными в оппозиции, вновь обратившись за помощью к Дикину. Работа началась в 1946 г., а последний том, «Триумф и трагедия», также опубликованный «Кассел и Ко», был напечатан только в 1954 г., к тому времени Черчилль снова занимал пост премьер-министра после победы Консервативной партии на всеобщих выборах 1951 г. И снова история перешла дорогу «Истории».

Как это ни странно, но, видимо, именно инсульт, подорвавший здоровье Черчилля летом 1953 г., способствовал возвращению к работе над проектом. Врач Черчилля лорд Моран рекомендовал премьер-министру «заняться чем-нибудь, что вас успокоит», на что Брендан Брэкен, бывший министр правительства консерваторов и близкий друг Черчилля, сказал: «Почему бы тогда не закончить «Историю англоязычных народов»? По счастливому стечению обстоятельств Брэкену принадлежал журнал «History Today». Он был основан в 1951 г., а его соиздателем являлся друг Брэкена и бывший помощник личного секретаря министра информации Алан Ходж. Ходж был исключительно одаренным человеком; ему было всего 25 лет, когда — после учебы в Ливерпульской университетской школе и Ориэл-Колледже в Оксфорде — он начал писать авангардные стихи и в 1940 г. совместно с Робертом Грейвсом приступил к работе над «Долгим уикендом».

Совместно работая над журналом с писателем и поэтом Питером Квеннеллом (чрезвычайно продуктивное сотрудничество, продлившееся до самой смерти Ходжа в 1979 г.), Ходж осуществлял, как было написано в некрологе в «Times», «разумное руководство, для которого был свойственен академический, творческий и здравый

подход». Вместе с Квеннеллом он в 1960 г. издал также иллюстрированную историю Англии и Америки, «Общее прошлое». Коллеги и друзья Ходжа часто сокрушались, что он в силу своей природной скромности довольствуется совместными проектами, вместо того чтобы заниматься самостоятельным творчеством, которое могло бы прославить его имя. Лучшим примером тому стало его согласие возглавить команду историков, помогавших Черчиллю на последнем этапе его работы над «Историей англоязычных народов».

Ходж быстро собрал группу ученых и историков, среди которых было несколько тех, кто уже помогал Черчиллю до войны. «Мне придется нести по яйцу в год, — заявил Черчилль Морану, — один том за двенадцать месяцев — не так уж много».

В возрасте 79 лет, оправившись после инсульта, Черчилль приступил к подготовке книги к публикации. Но, перечитывая уже готовые гранки, он понял, что хочет внести значительные изменения в книгу. Грандиозные события, произошедшие в мире после 1939 г., заставили его по-новому взглянуть на историю, и ему захотелось более широко отразить ее уроки, чем это было сделано в первоначальном варианте книги. «Ранее после вступительных глав все последующие располагались в соответствии с эпохой правления короля, имя которого упоминалось в заголовке, — писал Черчилль Ходжу. — Так, как нас учили в школе. И это, несомненно, не соответствует масштабу и характеру исследования. Нам следует использовать имя монарха в названии главы только в том случае, если оно символизирует великую эпоху или поворотный момент в истории».

Такие вехи в истории, как Великая хартия вольностей, Столетняя война, «становление парламента» и войны Белой и Алой розы, теперь требовали более при-

стального рассмотрения, нежели простое перечисление монархов, поскольку, по словам Черчилля: «Мы описываем ход событий, ведя повествование, которое, по нашему замыслу, должно быть увлекательным и непрерывным. В первую очередь нас интересуют социальные и политические изменения, которые они за собой влекли, в особенности те, которые мы наблюдаем и сегодня». Рассказывая своему другу, лорду Бивербруку, о пересмотре своего грандиозного труда в свете Второй мировой войны, Черчилль пошутил: «Вообще мне кажется, что на своем веку я пережил больше трудностей, выпадавших на нашу долю, чем кто-либо еще, хотя я и должен признать, что сожалею о том, что люди научились летать».

Если в последний раз Черчилль работал над гранками в 1939 г., в ночь, когда Гитлер вторгся в Польшу, то теперь он вернулся к ним всего через два дня после того, как во второй раз покинул пост премьер-министра в 1955 г. На этот раз никакие мировые катаклизмы не могли бы помешать его работе. В 1953 г. он получил Нобелевскую премию по литературе, и вполне заслуженно, и как он признавался друзьям, эта книга должна была стать его последним литературным трудом. В 1955 г., уже будучи прикованным к постели в Чартвелле, Черчилль в разговоре с историком А.Л. Роузом признался, что «перечитал «Историю», написанную им до войны, и остался недоволен ею. Однако найдутся люди, которые станут читать ее из-за его «известности».

Так и случилось; первый тираж «Истории англоязычных народов», вышедшей в «Кассель и Ко.», насчитывал не менее 130 000 экземпляров, а через месяц было допечатано еще 30 000. Каждое последующее издание становилось все толще, особенно когда тома — которые были опубликованы в 1956–1958 гг. — начали получать превосходные рецензии от историков, таких, как

С. В. Веджвуд, Дж. Х. Пламб, профессор Майкл Ховард и профессор Д. С. Сомервелл, ученых, чьи критические суждения не зависели от славы или величия Черчилля. Даже такой известный бунтарь, как А. Дж. П. Тейлор, написал в отзыве на первый том, «Рождение Британии», что «это один из самых мудрых, самых увлекательных трудов по истории из всех когда-либо написанных».

Черчилль полностью заслуживал того массового одобрения критиков, которое вызвали первые публикации всех четырех томов его книги, а затем и все последующие. Их следует читать как самостоятельные произведения, каждое из которых является как великим литературным сочинением, так и — или возможно даже в большей степени — безупречно точным историческим исследованием. Педанты могут найти высказывания, в которых присущее Черчиллю врожденное богатство и чувство языка или талант рассказчика порой заставляли его переступить грань между правдой и мифом — так, например, он упоминает (с пояснениями) о том, как Альфред Великий сжег лепешки — но книги ничуть не становятся от этого хуже.

Место Черчилля в истории

«История, — заявил Уинстон Черчилль в ноябре 1940 г. в речи по случаю смерти Невилла Чемберлена, — с ее мерцающей свечой, ковыляет по дороге прошлого, пытаясь восстановить произошедшие события, оживить их эхо, зажечь бледным пламенем страсти прошедших дней». Черчилля, вероятно, порадовал бы тот интерес со стороны историков, который они проявляют к нему и его репутации. Никогда не бежавший от споров при жизни, он, несомненно, получил бы огромное удовольствие, отражая нападки тех, кого сегодня называют «ревизионистами».

В каком-то смысле любой исторический труд есть не что иное, как пересмотр подлинной версии событий, и в течение нескольких лет после его смерти в 1965 г. все, кто писал о Черчилле, просто старались восстановить равновесие, нарушенное обилием хвалебных отзывов, обрушившихся на него в 1950-х — начале 1960-х гг. Однако в последующий период, и особенно в последнее десятилетие, в общем хоре стали раздаваться новые, в высшей степени критические голоса. По отношению к Черчиллю и его свершениям они звучат резко, агрессив-но и иногда откровенно оскорбительно.

Все это на удивление мало повлияло на людское восприятие образа военного премьер-министра. У англоязычных народов, кажется, раз и навсегда сложился свой взгляд на триумф Черчилля, который не в силах изменить никакие исторические дебаты. «У Черчилля есть критики, — написала «Sunday Telegraph» по случаю пятидесятилетия Победы, — но никто из них не смог серьезно повлиять на мнение публики о нем». Сегодня его популярность остается по-прежнему велика. Количество людей, приезжающих в его дом в Чартвелле, неуклонно растет с тех пор, как он был открыт для публики через год после его смерти; в 2002 г. был назван в его честь один из американских военных кораблей, впервые, начиная с XVIII в., англичанин удостоился подобной чести (хотя, конечно, он был почетным гражданином Америки); а если говорить о более прозаичных вещах, то недавно пара принадлежавших ему домашних туфель была продана за 10 000 долларов на аукционе. В ноябре 2002 г. он с легкостью возглавил список «Величайших британцев», набрав в ходе проводимого каналом ВВС опроса 447 423 голоса, а в 1999 г. только в самый последний момент уступил Уильяму Шекспиру звание «Человека Тысячелетия», и это пора-

жение он перенес бы куда легче, чем результаты всеобщих выборов 1945 г.

Скандал, спровоцированный покупкой государством в 1995 г. архива Черчилля на средства, собранные в розыгрыше Британской Национальной Лотереи, еще раз доказал его неослабевающее превосходство над остальными героями национального пантеона, а также то, что обе стороны участников спора о необходимой степени интеграции Британии в Европейский Союз пытаются завладеть его политическим наследием. Когда Йорг Хайдер, потенциальный фюрер Австрии, назвал Черчилля таким же военным преступником, как Гитлер, это привлекло к себе гораздо больше внимания, чем его куда более актуальные заявления о расширении Евросоюза. Когда участники беспорядков написали коммунистические и анархические лозунги на памятнике Черчиллю на Парламентской площади 1-го мая 2000 г., это вызвало волну негодования со стороны общественности.

В общепринятом, по крайней мере, неакадемическом смысле ревизионизм в отношении Черчилля является излишним. Подобно другим национальным идолам, таким, как Линкольн, Вашингтон и Наполеон — или его собственные противники, Ганди и де Голль, — Черчилль окружен таким ослепительным ореолом славы, что никакие разоблачающие его книги не способны причинить сколько-нибудь ощутимого вреда его репутации. Их, конечно, продолжают писать, но они оказывают такое же воздействие на общественное мнение, как канцелярская кнопка, воткнутая в шкуру громадного слона. Черчилль подвергся процессу, который в «Моих великих современниках» он назвал «мучительным разбирательством со стороны истории», и был признан не подлежащим привлечению к ответственности. Только в некоторых исто-

рических, журналистских и несколько экстравагантных научных кругах этот вердикт считается спорным.

Первая группа критических замечаний по отношению к Черчиллю носит идеологический характер. Начиная со стоящего на либеральных позициях писателя Клайва Понтинга и заканчивая правым радикалом Дэвидом Ирвингом, эти люди пытаются использовать различные аспекты карьеры Черчилля в своих собственных целях. Изображая его как развратную или даже порочную личность, часто выдергивая цитаты из контекста и приписывая ему мотивы столь коварные, что они могли бы шокировать даже самого Черчилля, эти идеологи стремительно теряют симпатии и переполняют чашу терпения беспристрастных читателей. Если Черчилль вызывает столь сильную неприязнь со стороны представителей обоих полюсов политического спектра, мы можем справедливо предположить, что он не мог быть уж настолько плох.

В 2001 г. почитатели Уинстона Черчилля вздохнули с облегчением. Четырнадцать лет с момента публикации первой книги Дэвида Ирвинга о Черчилле они ждали, какие еще грязные факты сумеет раскопать крайне правый историк среди сотен архивных документов, к которым он имел доступ, однако с выходом 1063-страничного гимна ненависти, название которого по иронии судьбы звучит как: «Война Черчилля», стало ясно, что ему не удалось нанести ни одного серьезного удара по репутации Черчилля как военного лидера.

Конечно, в ход пошли все старые обвинения: что Черчилль был грубым, лживым алкоголиком, скрывшим от американцев намерение японцев атаковать Перл-Харбор, что он стоял за убийством союзника англичан, польского лидера генерала Сикорского, хотел сровнять Рим с землей, и так далее, и тому подобное. Было предъ-

явлено даже несколько новых, столь же беспочвенных обвинений; если верить книге Ирвинга, Черчилль был эксгибиционистом, которому нравилось обнажаться перед представителями иностранных государств, который выдал нацистам факт взлома англичанами их секретных шифров и хотел, чтобы М16 устранила другого союзника Британии, генерала де Голля.

Было выдвинуто еще с десяток новых обвинений, большинство которых звучали бы смехотворно, если бы не отстаивались так яростно с помощью 160 страниц примечаний, которые их якобы подкрепляли. Но когда, например, Ирвинг заявил, что королева Елизавета (покойная королева-мать) поддерживала предложенный Гитлером в 1940 г. мирный договор и что доказательства этого находятся в ящике № 23 с документами лорда Монктона в Бодлианской библиотеке в Оксфорде, я вспомнил из собственного опыта, что именно этот ящик никогда не предоставляется историкам. Как и следовало ожидать, Бодлианская библиотека официально подтвердила мне, что Дэвид Ирвинг не только не открывал ящик, но даже не видел его.

Многие из утверждений Ирвинга полностью противоречат друг другу. Если Черчилль «неизменно ставил интересы Соединенных Штатов выше интересов своей страны и империи», почему же тогда он предупредил американцев о готовящемся нападении на Перл-Харбор? Или если скандальные выводы господина Ирвинга относительно Освенцима верны — что там систематически не убивали евреев, почему Черчилля следует призвать к ответу за то, что он не отдал приказ бомбить это место? Господин Ирвинг в своей книге постоянно пытается свести концы с концами, и у него постоянно ничего не выходит.

Несмотря на заголовок, Ирвинг не видит ни одной подкупающей черты в человеке, который обладал достаточной

смелостью, чтобы победить Адольфа Гитлера. Лучшие шутки Черчилля превратились не более чем в «колкости». Настоятельная необходимость встретиться с Рузвельтом в начале 1942 г., после Перл-Харбора, чтобы скоординировать общую военную стратегию в отношении Германии и Японии, объясняется «желанием премьер-министра устроить междусобойчик на высшем уровне». Его обвиняют в том, что он выиграл войну «вопреки самому себе». И всякий раз, когда доказательства выдвигаемых Ирвингом обвинений подробно изучаются кем-то, кто был в том же архиве и держал в руках те же подлинные документы, его смехотворные утверждения оказываются фикцией.

Выдернутых из контекста цитат не перечесать. Ирвинг заявлял, что Черчилль хотел «устранить» де Голля, тогда как на самом деле Черчилль рекомендовал коллегам в правительстве подумать, следует ли «устранить де Голля, как политическую силу, и поставить перед парламентом и Францией этот вопрос». Вся теория Ирвинга относительно Перл-Харбора также основывается на очевидно ошибочном толковании записей в дневнике сэра Алека Кадогана.

Если господин Ирвинг действительно посвятил, как утверждает его издатель, двадцать семь лет работе над «Войной Черчилля», значит, он зря потратил половину отпущенного ему времени. Ибо длинный поток глупых, подлых, бездоказательных инсинуаций привел в результате к созданию довольно низкосортного чтива. Вместо того, чтобы пытаться восстановить свою репутацию историка, погубленную в 2000 году в результате судебного процесса по делу о клевете, инициированного по иску Ирвинга против Деборы Липштадт и издательства Penguin Books и проигранного им, он написал книгу, которая способна убедить только самых радикальных конспирологов крайне правого толка.

Когда Ирвинг пишет, что в жилах Черчилля текла «частица еврейской крови, хотя и сильно разбавленная», его поведение просто оскорбительно. Когда он заявляет, что у Черчилля «были двойственные причины вести эту разрушительную войну», он игнорирует несколько десятков лучших речей, когда-либо произнесенных на английском языке, которые в 1939–1945 гг. объясняли Англии и всему миру в абсолютно бескомпромиссной манере, что для дальнейшего существования и процветания человеческой цивилизации необходимо, чтобы нацизм был искоренен раз и навсегда.

Когда Ирвинг безосновательно утверждал, что герцог Виндзорский был вынужден в августе 1940 г. покинуть Португалию под «нажимом» англичан, он попросту несет чушь. «Шокирующее» заявление Ирвинга о том, что Черчилль сквозь пальцы смотрел на любовные приключения своей невестки Памелы Гарриман, основано на неспособности верно оценить нравы, царившие во времена Черчилля в высшем обществе. Якобы высказанное Черчиллем желание «увидеть Рим в огне» полностью опровергается его посланием Рузвельту: «Мы должны проинструктировать наших пилотов соблюдать всю возможную осторожность, чтобы избежать попадания в папские покои в Риме».

Второй составляющей ревизионизма в отношении Черчилля является критика, волна которой, судя по всему, ширится в либертарианских и изоляционистских кругах Америки. В книге Патрика Бьюкенена «Республика, а не империя», 1999 г., Черчиллю отказывается в месте в раю, а в одной только получасовой речи на недавней исторической конференции историк из Университета штата Нью-Йорк, Ральф Раико, сумел выдвинуть против него не менее тридцати двух обвинений. Я убедился, что выжившие после ночных бомбежек Лондона имеют

что возразить на заявление господина Раико о том, что Гитлер вовсе не собирался бомбить их город, а значит, Черчилль зря настаивал в 1930-х гг. на создании сильных ВВС. По утверждению Раико, Черчилль втайне был социалистом, сторонником этнической чистки, военным преступником и «ставленником» Сталина. «Жестокий убийца и беспринципный политикан, — так отзываясь о нем Раико в одной из статей в поддержку своих тезисов, — обожествление которого подрывает нравственные основы в политике и истории». Должен признать, что американские либертарианские ревизионисты редко бывают сдержанными.

Хотя и будучи англичанином по происхождению, известный противник религии Кристофер Хитченс писал для американского журнала «The Atlantic Monthly» в апреле 2003 г., обвинив Черчилля в бесчеловечности, невоспитанности, склонности к манипулированию, недееспособности по причине алкоголизма, ограниченности и ошибочном суждении относительно всего, кроме нацизма. Он даже обвинил Черчилля в «плебействе и паникерстве» из-за «постоянных призывов» в 1930-х гг. к перевооружению, как будто можно быть «паникером», когда речь идет об Адольфе Гитлере. В своей девяностостраничной проповеди, озаглавленной «Медали за поражение», Хитченс заявлял, что «не так уж сложно представить, как королевские ВВС помогают вермахту на Кавказе». На самом деле для любого, кто не является одержимым спорщиком, невозможна сама попытка *pater les Churchillians*. Только неправильная трактовка протоколов военного кабинета могла позволить Хитченсу утверждать, что в 1940 г. «Черчилль не раз содействовал проведению переговоров с Гитлером», в то время как на самом деле он выступал «против» подобных переговоров. Хитченс объясняет сопротивление Черчилля

германскому превосходству «исключительно честолюбием», тем самым игнорируя все, что было им написано, сказано и осуществлено на политической арене в поддержку идеи политического равновесия в Европе за более чем сорокалетний срок. Даже Адольф Гитлер признавал преданность Черчилля теории баланса сил, которую он сам считал устаревшей, но не отрицал.

Обвиняя Черчилля в том, что тот отдал приказ бомбить Французский флот у Орана, Хитченс игнорирует тот факт, что англичане не могли быть уверены в том, что Виши не передаст флот Гитлеру. Мы должны быть благодарны, что Черчилль, а не необычайно доверчивый Хитченс, был ответственен за безопасность Британии в 1940 г. И когда затем писатель утверждает, что «хроникеры либо предпочитают упоминать об этом вскользь, либо, если есть такая возможность, совсем обходить молчанием» эпизод в Ороне, он — неожиданно для столь эрудированного полемиста — пишет очевидную чушь. Этот эпизод обсуждался сэром Мартином Гилбертом (на менее чем 27 страницах), Роем Дженкинсом, Джоном Киганом, Джоном Лукасом, Джоном Чармли, Джозефом Лашем, Филипом Гедаллой, Бэзиллом Лидделом Гартом, Уильямом Манчестером, Джоном Рамсденом, Джефффри Бестом, Норманном Роузом, А.Л. Роузом, автором этой книги и, конечно, самим Черчиллем во втором томе его мемуаров.

Более того, отставка Черчилля вовсе не являлась «затянувшимся унижением жаждущего славы и поклонения» человека, а четыре тома его «Истории англоязычных народов» получили широкое одобрение историков и, как мы видим, продолжают печататься и через сорок лет после первого выхода в свет. Стоит только Хитченсу упрекнуть Черчилля в том, что тот умышленно подверг в 1915 г. американский линкор «Луизитания» опасности с

целью вовлечь Соединенные Штаты в Первую мировую войну, как возникают сомнения, а верит ли сам Хитченс в эти смехотворные утверждения.

Черчилль часто шутя говорил, что уверен в том, что история будет к нему благосклонна, потому что он сам ее пишет. Однако прискорбно, что о нем самом так много пишут люди, из-за своей необъективности потерявшие право называться историками и заимствующие друг у друга свои беспочвенные теории. Многие из цитат, которые господин Раико использует, дабы проиллюстрировать свои обвинения, имеют сноски, указывающие на то, что они заимствованы у Ирвинга и Понтинга; а Бьюкенен восторженно цитирует уже самого Раико. Некоторые из необоснованных утверждений Хитченса явно принадлежат Ирвингу. Почти невозможно поверить, что эти люди движимы искренним стремлением к исторической правде, а не нападают на Черчилля ради эпатажа (и увеличения продаж), оскорбляя столь значимую фигуру в англо-американской политической культуре.

Черчилль является мощным магнитом для всех, кто верит в теории заговора. Едва ли не каждый год выходит очередная книга, в которой его обвиняют в заманивании Рудольфа Гесса в Шотландию, осведомленности о готовящейся атаке на Перл-Харбор или другом столь же абсурдном преступлении. Его обвиняли в подготовке биржевого краха 1929 г. (в результате которого он потерял состояние); автор одной из статей в «Philadelphia Inquirer» утверждал, что если бы Черчилль «был чуть мудрее в 1911 г. или 1919 г., то не случилось бы ни Второй мировой войны, ни Корейской, ни Вьетнамской, ни войны в Персидском заливе, не произошло бы стремительного роста потребления наркотиков, ни громадного (американского) дефицита бюджета»; некоторые писатели до сих пор заявляют, что он позволил разрушить

Ковентри, лишь бы не допустить утечки информации о том, что англичанам удалось взломать секретные коды «Энигмы». Нет нужды говорить, что Интернет открыл для ревизионистов Черчилля совершенно новые возможности для галлюцинаций, и теперь они могут загрязнять киберпространство еще более абсурдными фантазиями. Превосходный журнал «Finest Hour», издаваемый Международным обществом Черчилля, на протяжении многих лет коллекционирует и систематически опровергает это и десятки других подобных необоснованных утверждений¹².

Третьим и очень влиятельным источником ревизионизма в отношении Черчилля является пресса. Редакторы газет с готовностью подтвердят, что истории про Черчилля обеспечивают изданию значительные тиражи, тем более что покойный не может привлечь к ответственности за клевету. И в результате в уважаемых газетах мы читаем истории, которые, будь они написаны при жизни Черчилля, принесли бы ему сотни тысяч фунтов по мировым соглашениям. В некоторых недавних статьях утверждается, что Черчилль был наркоманом, который активно помогал своей невестке наставлять рога его сыну. Якобы он отдал приказ убить Муссолини, а потом пытался скрыть компрометирующие документы, касающиеся секретного англо-итальянского мирного соглашения, к заключению которого, как утверждают, он так стремился. Нам говорят, что Черчилль редко курил сигары, но ему нравилось появляться на публике с зажженной сигарой, чтобы «подчеркнуть свою мужественность».

По утверждению отдельных ревизионистов, он также был плагиатором, оппортунистом, милитаристом, лицемером, фантазером, истинным создателем нацизма — очень хитроумным — кошмарным военным стратегом

и патологическим лжецом. Кое-кто даже написал книгу, которая необъяснимым образом, по ее собственной оценке, была отнесена к нон-фикшн, категорически заявляя, что Черчилль помог Мартину Борману бежать из Берлина в 1945 г., а потом подыскал ему дом в часе езды от Лондона, в котором тот должен был с комфортом прожить остаток своих дней.¹³ Аванс, предложенный автору этого бреда, по имеющимся сведениям, составил около четверти миллиона фунтов, хотя говорят, что он так и не был выплачен полностью, поскольку содержащиеся в книге обвинения не выдержали проверки. Не далее как в сентябре 2002 г. посол Саудовской Аравии в Лондоне Гази Алгосаиби выступил в «The Spectator» с заявлением, что в 1917 г. Черчилль приказал войскам стрелять по суфражисткам — обвинение, которое было полностью опровергнуто через две недели Международным обществом Черчилля.¹⁴

Все, что остается делать историкам, когда они сталкиваются с таким явным абсурдом, это сохранять спокойствие, обращаться к подлинным документам и наиболее авторитетным источникам — обычно это восьмитомная биография сэра Мартина Гилберта и четырнадцать томов примечаний к ней, изучать исторический контекст и имеющиеся доказательства и устанавливать правду, как это делается в суде. В 99 случаях из 100 обвинения в адрес Черчилля не подтверждаются.

Конечно, это не означает, что Черчилль вне критики. Совершенно очевидно, что, учитывая столь долгую и богатую событиями карьеру, в ходе которой ему дважды довелось перейти из одной партии в другую и неоднократно приходилось принимать важные решения, его взгляд на некоторые вопросы вполне обоснованно подлежит сомнению. Как при жизни Черчилля, так и после его смерти видные ученые и ответственные политики и жур-

налисты критиковали Черчилля по разным вопросам, таким, как осада Сидней-стрит в 1910 г., Галлиполийская катастрофа, отделение Ирландии, возвращение к золотому стандарту, всеобщая забастовка, независимость Индии, династический кризис, политика целеуказания для бомбардировочной авиации, стратегия «мягкого подбрюшья» 1943 г., настойчивое требование безоговорочной капитуляции Германии, отказ помочь участникам «июльского» заговора, официальное признание Великобританией вины СССР в массовом убийстве польских офицеров в Катыни и предложение бомбить Освенцим. Эта критика была и остается вполне справедливой, хотя автор данной книги уверен, что почти в каждом из этих случаев Черчилль делал правильный выбор, демонстрируя таким образом лучшую способность к принятию решения, чем большинство его современников. Однако то, что происходит сейчас, являет собой не обоснованный и честный спор, а череду резких и враждебных нападок на патриотизм и доброе имя Черчилля.

Несомненно, наиболее обоснованные критические замечания в адрес Черчилля, способные замутичь его столь незапятнанную репутацию, принадлежат доктору Джону Чармли, профессору Морису Коулингу и покойному Алану Кларку, которые в широком смысле слова создают то, что можно было бы назвать британской национальной консервативной критикой. В январе 1993 г. Чармли опубликовал книгу «Черчилль: Конец славы», за которой в 1995 г. последовал «Великий альянс Черчилля. Англо-американские особые отношения 1940–1957». Обе эти работы представляли собой тщательно аргументированный и хорошо написанный анализ личной ответственности Черчилля за крах британского влияния в двадцатом веке. В адрес Черчилля также выдвигаются обвинения в том, что он помешал герою Чармли, Невил-

лу Чемберлену, успешно довести политику умиротворения до намеченного результата, а именно изнуряющей войны между Германией и Советским Союзом, в ходе которой оба противника бились бы, пока не зашли в тупик, не истощили бы силы друг друга и, таким образом, больше не угрожали бы Англии или Западу.

Черчилля также обвиняют в предательстве интересов Британской империи в пользу Соединенных Штатов из-за его наивной и несколько преувеличенной убежденности в ее послевоенной слабости, а также из-за того, что он позволил социализму проникнуть в страну с заднего хода. Такой взгляд глубоко ошибочен, поскольку в данном случае причина перепутана с результатом и совсем не учитываются ограниченные возможности выбора, имевшиеся у Черчилля в 1945 г. Тем не менее националистически настроенные тори прилагают значительные усилия к тому, чтобы сбросить этого великого человека с его пьедестала на Парламентской площади.

Поэтому следует более внимательно рассмотреть утверждение о том, что Британии следовало заключить мир с нацистской Германией в 1940–1941 гг. Профессор Коулинг, наоборот, считает, что Британии вообще не следовало вступать в войну в 1939 году. Не то что спасти империю, просто не участвовать в войне до самого конца было одинаково губительно, как для самой Британии, так и для будущего цивилизованной, мирной, демократической Западной Европы, которая существует с 1945 г. Какую бы выгоду ни сулил этот трусливый мир, она была бы минимальной, недолговечной и стоила бы слишком дорого.

Еще до похода Непобедимой армады 1588 г. Британия противостояла господству любой континентальной державы, стремившейся заполучить контроль над портами Франции, Голландии и Бельгии на побережье

Ла-Манша, откуда в дальнейшем можно было осуществить вторжение на южное побережье Англии. Король Испании Филипп II, Людовик XIV, Наполеон Бонапарт и кайзер Вильгельм II — все они один за другим терпели сокрушительное поражение в битве за Ла-Манш. Позволить Гитлеру в 1940 г. завладеть этими портами значило подвергнуть себя опасности на не один десяток лет с перспективой астрономических расходов на оборону и необходимости постоянно находиться в состоянии повышенной боевой готовности остаток десятилетия, а может быть, и дольше.

Если бы Англия не вступила в войну, Гитлеру, вероятно, не было бы нужды нападать на юге весной 1941 г. на Югославию и Грецию. Как уже говорилось выше, он смог бы начать вторжение в Россию шестью неделями раньше, перебросив свои дивизии из Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Африки, а также пустив в дело ожидавшие своего часа в резерве части в Германии и Польше. Вермахту и без того удалось подойти почти вплотную к Москве, взять Сталинград и захватить Ленинград в суровое кольцо блокады. Если бы немцы сумели отбросить русских за Урал, Гитлер стал бы хозяином Европы от Бреста до Свердловска. Вместо этого союз Англии с Россией позволил союзникам — после того как Гитлер опрометчиво объявил войну Соединенным Штатам — поставить Красной Армии 5000 танков, 7000 самолетов, 51 000 джипов и 51 миллион пар сапог — весомый вклад в окончательную победу.

Историк, генерал-майор Джон Страусон спрашивает, о каких переговорах о мире могла идти речь в 1941 г.:

Сохранила бы Англия оба своих флота, военный и торговый, и полную свободу передвижения по морю? Отказалась бы Италия от своих африкан-

ских колоний? Были бы Греция и Албания свободны? Ушли бы Роммель и Африканский корпус из Ливии? Имела бы Англия возможность сохранить свои вооруженные силы — к 1941 г. — на необходимом уровне и задействовать их там, где она, а не Гитлер, сочтет нужным? Что сказала бы Англия Франции, странам Бенилюкса, Дании, Норвегии и Польше? Согласился бы Гитлер — при условии жестких наблюдательных мер за исполнением соглашения — прекратить разработку «оружия возмездия», реактивных самолетов, подлодок нового поколения — и ядерного оружия? Было бы, после покорения всей Восточной Европы, включая Россию, снова заявлено, что он не имеет дальнейших территориальных притязаний? Гарантировал бы он Британской империи неприкосновенность? Или весь этот достигнутый в результате переговоров мир — если на минуту допустить, что он вообще мог быть заключен — оказался бы очередным Амьенским миром, временным соглашением между Великобританией и Францией в 1802–1803 гг., в период действия которого Наполеон лихорадочно готовился к возобновлению военных действий?¹⁵

Уже сама по себе постановка этих вопросов свидетельствует о невозможности достижения успеха в переговорах о мире, не говоря уже об опасностях, грозивших миру в случае, если бы Гитлеру позволено было стать хозяином Европы.

Столь же губительным для надежд Британии на долгосрочную независимость стало бы развитие событий, при котором Сталин разгромил бы Гитлера, и Красная Армия хлынула бы на запад до Берлина и дальше, а во Франции и Германии не оказалось англо-американ-

ской армии, способной помешать ей двигаться дальше. Контроль со стороны Сталина над портами на побережье Ла-Манша в той же мере угрожал независимости Великобритании в конце 1940-х — начале 1950-х гг., как и контроль со стороны Гитлера.

Добавим к этому тот факт, что Гитлер (хотя и урывками) проводил собственные исследования в области ядерного оружия, тогда как Сталин узнал об успехах союзников в этой сфере от своих шпионов на Западе, и необходимость участия Англии в стремительно надвигающейся войне была очевидной. Какой бы диктатор ни получил, возможно, не на один год, контроль над Европой, Англии пришлось бы распрощаться с надеждой на долгую и подлинную независимость. Генри Киссинджер однажды саркастически высказался по поводу многолетней войны между Ираном и Ираком: «Жаль, что и те, и другие никак не могут проиграть». Риск, что война между нацистской Германией и Советским Союзом может привести к какому-то иному результату, нежели взаимное поражение, был слишком велик, для того чтобы британское правительство могло взять его на себя в 1940 г.

Более того, если бы Англия согласилась с условиями Гитлера после эвакуации британских экспедиционных войск из Дюнкерка, исчезло бы основание для того, чтобы вынудить Соединенные Штаты принять стратегию «приоритета Европы». В период «молниеносной войны» и Битвы за Англию Америка упорно сопротивлялась попыткам убедить ее в ценности такого союзника, как Великобритания. Хотя после войны Англия действительно оказалась в долгу у Америки, она была бы не в лучшем финансовом положении, если бы на протяжении многих лет вынуждена была оставаться в боевой готовности, ожидая, когда Гитлер внезапно решит аннулировать

свой мирный договор и снова напасть. В конце концов, фюрер нарушал все соглашения, которые он когда либо заключал.

Кроме того, к моменту эвакуации из Дюнкерка война на море шла вот уже девять месяцев; моряки гибли, суда, перевозившие эвакуированных детей в Канаду, подвергались торпедированию, и Англия была в бешенстве. Заключение явно позорного мира нанесло бы сокрушительный удар по гордости и национальному достоинству империи и, несомненно, привело бы к серьезным волнениям внутри страны, фатальным для чувства национального единства, позволившего оппозиционным партиям войти в правительство Черчилля в мае 1940 г. Подрыв морального духа Великобритании и ее союзников внутри империи был бы слишком высокой ценой за возможность избежать угрозы «молниеносной войны»; единственными политическими силами внутри страны, которые бы выиграли в случае заключения мира, была бы Коммунистическая партия и Британский союз фашистов.

Что же касается обвинения, что Черчилль расправился со своим самым любимым детищем, то на самом деле после принятия в 1935 г. Акта об управлении Индией Британская империя уже далеко продвинулась на пути к самоуправлению. Вторая мировая война, несомненно, ускорила этот процесс, но к тому моменту, как Черчилль пришел к власти в мае 1940 г., золотые дни империи уже давно канули в прошлое. Если говорить более эмоционально, то что осталось бы Англии от ее имперской славы в результате выпрошенной у Гитлера передышки?

ЗаклЮчить в 1940 г. мир с Гитлером и отказаться, таким образом, от надежды, какой бы призрачной она ни казалась в то время, однажды освободить Европу от

нацизма означало бы обречь ее на «бездну нового мрачного Средневековья, на этот раз еще более зловещего и долгого благодаря бесславной науке». Вряд ли европейским евреям удалось бы пережить процесс истребления, начавшийся в Польше в сентябре 1939 г. как несистематический, но к 1942 г. уже полностью поставленный на отлаженные рельсы, если бы Гитлеру позволили безболезненно прибрать Европу к рукам, а союзники не осуществили вторжение в 1944, 1945 или последующих годах. Великие державы сейчас наслаждаются самым продолжительным периодом мира с момента возникновения в XVI в. национальных государств; было бы это возможно, если бы Гитлеру было позволено сохранить трофеи, завоеванные в результате победы в 1940 г.?

Черчилль понимал, что заключение мирного договора с Германией означало потерю им самим и его страной собственного достоинства. В речи по случаю смерти Чемберлена, Черчилль, образно упомянув об истории, которая с «мерцающей свечой» пытается «зажечь бледным пламенем страсти прошедших дней», вопрошал:

Зачем все это? Единственной путеводной звездой для человека является его совесть; единственным щитом для его памяти является честность и искренность его действий. Очень безрассудно ходить без этого щита, потому что мы слишком часто терпим крушения наших надежд и наших ожиданий. Но с этим щитом, как бы ни играла с нами судьба, мы всегда смело идем в строю чести.

Несмотря на неослабевающие усилия своих хулителей, Уинстон Черчилль по-прежнему идет в этом строю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. *Christopher Hitchens*, Atlantic Monthly, April 2002, p. 121
2. Daily Telegraph, 29 August 2002
3. Daily Telegraph, 12 February 2002
4. *Johnson*, Napoleon, p. 193
5. *Brian MacArthur* (ed.), The Penguin Book of Historic Speeches, 1995, pp. 300–1
6. *Churchill*, Savrola, p. 156
7. *Gilbert*, Winston S. Churchill, vol. 8, p. 369
8. *Rosebery*, Lord Randolph Churchill, p. 81
9. *A. N. Wilson*, Watch in the Night, p. 32
10. New York World, 6 February 1928

Гитлер и Черчилль к 1939 году

1. *Warlimont*, Inside Hitler's Headquarters, p. x
2. *Pearson*, Citadel of the Heart, p. 243
3. *Brendon*, Churchill, p. 126
4. *Irving*, Churchill: Triumph, p. 62
5. *Mosley*, Life of Contrasts, p. 47
6. *Brendon*, op. cit., p. 110
7. BBC History Magazine, May 2001, p. 7
8. Patrick Kinna in Sir Martin Gilbert's 1992 TV biography of Churchill
9. Ibid.
10. Letter from Ian Weston-Smith, 1 May 2001
11. *Churchill*, Savrola, p. 50
12. *Mary Soames*, 'Winston Churchill: the Great Human Being', 9th Annual Crosby Kemper Lecture, 21 April 1991, p. 7
13. *Churchill*, Savrola, p. 226
14. *Jablonsky*, Churchill and Hitler, p. 260
15. *Luke*, Hansel Pless, p. 73
16. *Hitler*, Mein Kampf, pp. 740–2
17. *Rhodes James* (ed.), Churchill Speaks, p. 603
18. Daily Express, 5 October 1938
19. *Grint*, Art of Leadership, p. 267
20. *Roseman*, Wannsee, p. 113
21. *Rauschnig*, Gespräche mit Hitler, p. 223
22. *Grint*, op. cit., p. 297
23. Spectator, 26 January 2002
24. The Times, 16 July 1998
25. *Irving*, Churchill: War Path, p. 20
26. *Churchill*, Savrola, p. 88
27. *Brendon*, op. cit., p. 143
28. *Jablonsky*, op. cit., p. 209

29. Observer, 5 August 1951
30. *Speer*, Inside the Third Reich, p. 151
31. Ibid, pp. 187–8
32. *Churchill*, Savrola, p. 79
33. *Gilbert*, Winston S. Churchill, vol. 4, pp. 446–7
34. *Prof. R. V. Jones*, 'Churchill as I Knew Him', 10th Annual Crosby Kemper Lecture, 29 March 1992, p. 10
35. *Speer*, op. cit., pp. 155–6
36. *Kershaw*, Nemesis, p. xvi
37. *Burleigh*, Third Reich, pp. 253–5
38. *Overy*, Interrogations, p. 38
39. *Waite*, Psychopathic God, p. 42
40. *Churchill*, Savrola, p. 99
41. *Stone*, Hitler, p. 86
42. *Irving*, Winston S. Churchill: Triumph, p. xviii
43. *Proctor, Robert N.*, 'The Anti-Tobacco Campaign of the Nazis', www.freerepublic.com
44. Time magazine, 9 January 1995
45. *Soames* (ed.), Speaking for Themselves, p. 390
46. Sunday Telegraph, 12 July 1998
47. *Jablonsky*, op. cit., p. 270
48. *Gilbert*, Winston S. Churchill, vol. 6, p. 166
49. Ibid., pp. 59–60
50. *Goleman, Boyatzis and McKee*, New Leaders, p. ix
51. *Colville*, Fringes of Power, p. 319

Гитлер и Черчилль к 1940 году

1. *Gilbert*, Winston S. Churchill, vol. 6, p. 216
2. *Keegan*, Second World War, p. 38
3. *Roberts*, Holy Fox, p. 201
4. *Smith* (ed.), Hostage to Fortune, p. 476
5. *Engel*, Heeresadjutant bei Hitler, p. 75
6. *Burdick and Jacobsen*, Halder War Diary, p. 85
7. *Frieser*, Blitzkrieg-Legende, p. 392
8. *Engel*, op. cit.
9. *Brendon*, Churchill, op. cit., p. 140.
10. *Hayward*, Churchill on Leadership, p. 73
11. *Spears*, Assignment to Catastrophe, p. 216
12. *Wheeler-Bennett* (ed.), Action This Day, p. 50
13. Ibid., pp. 52–3
14. Ibid., p. 20
15. Ibid., pp. 19–20
16. *Churchill*, Savrola, p. 307
17. *Hinsley and Simkins*, British Intelligence, vol. 4, p. 47
18. *Thompson*, 1940, pp. 134–8
19. *Kershaw*, Hitler Myth, pp. 13–14

20. *Jablonsky*, op. cit., p. 159
21. *Colville*, *Fringes of Power*, p. 382
22. *Churchill*, *Contemporaries*, p. 343
23. *Brendon*, *Churchill*, p. 156
24. *Kimball* (ed.), *Churchill and Roosevelt*, pp. 49–50
25. *Danchev and Todman* (eds), *Alanbrooke War Diaries*, p. xi
26. *Jenkins*, *Churchill*, p. 629
27. *Daily Telegraph*, 29 August 2002
28. *Trevor-Roper* (ed.), *Last Days of Hitler*, p. 95
29. *Ibid.*, p. 264
30. *Ibid.*, p. 505
31. *Ibid.*, p. 630
32. *Churchill*, *Savrola*, p. 22
33. *Gilbert*, *Winston S. Churchill*, vol. 4, p. 1103
34. *Colville*, op. cit., p. 180
35. *Ibid.*, p. 404
36. *Stafford*, *Churchill and the Secret Service*
37. *Richard Garnett's papers at Hilton Hall, Huntingdon*
38. *Garnett*, *Secret History of PWE*
39. *Gilbert*, *Winston S. Churchill*, vol. 7, p. 455
40. *Brendon*, *Churchill*, p. 147
41. *Jablonsky*, op. cit., p. 22
42. *Ibid.*, p. 256
43. *Ibid.*, pp. 241–2
44. Author's 1993 conversation with the late Lord Home, p. 184
45. *Warlimont*, op. cit., p. 463

Заключение

1. *John Keegan*, *Daily Telegraph*, 18 July 1998
2. *John Lukacs*, *Hitler of History*
3. *Mail on Sunday*, 2 October 1994
4. *Masters*, *Getting Personal*, pp. 57–8
5. *Bryan Appleyard*, 'Leaders of the Pack', *Sunday Times magazine*, 20 January 2002
6. *Browning*, *Ordinary Men*
7. *Goldhagen*, *Hitler's Willing Executioners*
8. *Jenkins*, op. cit., p. 635
9. *Willans and Roetter*, *Wit of Winston Churchill*, p. 106
10. *Jones*, op. cit., p. 11
11. *Churchill*, *Savrola*, p. 43
12. In order to subscribe to *Finest Hour*, contact www.winstonchurchill.org or write to PO Box 1257, Melksham, SN12 6GQ
13. *Creighton*, *Op. JB*
14. *Spectator*, 7 and 21 September 2002
15. *Strawson*, *Hitler and Churchill*, pp. 502–3

БИБЛИОГРАФИЯ

Все книги были изданы в Лондоне, если не указано иное.

- Adair, John*, The Effective Leadership Masterclass, 1977
- Addison, Paul*, Churchill on the Home Front, 1992
- Alldritt, Keith*, Churchill the Writer: His Life as a Man of Letters, 1992
- Ashley, Maurice*, Churchill as Historian, 1968
- Beevor, Antony*, Stalingrad, 1998
Berlin: The Downfall 1945, 2002
- Below, Nicholas von*, At Hitler's Side: The Memoirs of Hitler's Luftwaffe Adjutant 1937–1945, 2001
- Berlin, Isaiah*, Mr Churchill in 1940, 1949
- Best, Geoffrey*, Churchill: A Study in Greatness, 2001
- Bethell, Nicholas*, The War Hitler Won, 1972
- Birkenhead, Earl of*, Churchill 1874–1922, 1989
- Blake, Robert, and Louis, William Roger*, Churchill, 1993
- Brendon, Piers*, The Dark Valley: A Panorama of the 1930s, 2000
Winston Churchill: A Brief Life, 2001
- Browning, Christopher R.*, Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland, 1992
- Buchanan, Patrick J.*, A Republic, Not an Empire- Reclaiming America's Destiny (Washington DC), 1999
- Bullock, Alan*, Hitler: A Study in Tyranny, 1952
Hitler and Stahn: Parallel Lives, 1991
- Burdick, Charles, and Jacobsen, Hans-Ådolf*, The Haider War Diary 1939–42, 1988
- Burleigh, Michael*, The Third Reich: A New History, 2000
- Callaghan, Raymond A.*, Churchill: Retreat from Empire, 1984
- Carlton, David*, Churchill and the Soviet Union, 2000
- Carter, Violet Bonham*, Winston Churchill as I Knew Him, 1965
- Charmley, John*, Churchill: The End of Glory, 1993
Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57, 1995
- Churchill, Winston S.*, Savrola, 1900
Secret Session Speeches, 1946
Great Contemporaries, 1962
Thoughts and Adventures, 1990
- Clark, Alan*, Barbarossa: The Russian-German Conflict 1941–1945, 1965
- Cohen, Eliot A.*, Supreme Command: Soldiers, Statesmen and Leadership in Wartime (New York), 2002
- Colville, John*, Fringes of Power, 1985
- Coote, Colin* (ed.), Maxims and Reflections of Winston Churchill, 1947
The Other Club, 1971
- Cosgrave, Patrick*, Churchill at War: Alone 1939–40, 1974
- Cowles, Winston*, Churchill: The Era and the Man, 1953
- Cowling, Maurice*, The Impact of Hitler: British Politics and British Policy 1933–1940, 1977

- Creighton, Christopher*, Op. JB, 1996
- Danchev, Alex, and Todman, Daniel* (eds), War Diaries 1939–1945: Field Marshal Lord Alanbrooke, 2001
- Day, David*, Menzies and Churchill at War, 1986
- Eade, Charles* (ed.), Churchill by his Contemporaries, 1955
- Ehlers, Dieter*, Technik und Moral einer Verschwömg. Der Aufstand am 20. Juli 1944 (Bonn), 1964
- Engel, Gerhard*, Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943 (Stuttgart), 1974
- Evans, David*, Telling Lies about Hitler, 2002
- Fest, Joachim*, Plotting Hitler's Death: The German Resistance to Hitler 1933–1945, 1966
- Fraser, David*, Alanbrooke, 1997
- Frieser, Karl-Heinz*, Blitzkrieg-Legende der Westfeldzug 1940 (Munich), 1996
- Garnett, David*, The Secret History of P.W.E., 2002
- Gilbert, Martin*, Winston S. Churchill, 8 vols, 1966–1988
- Churchill's Political Philosophy, 1981
- Churchill: The Wilderness Years, 1981
- The Second World War, 1989
- Churchill: A Life, 1991
- In Search of Churchill, 1994
- Giuliani, Rudolf*, Leadership, 2002
- Goldhagen, Daniel*, Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust, 1996
- Goleman, Daniel, Boyatzis, Richard, and McKee, Annie*, The New Leaders: Transforming the Art of Leadership into the Science of Results, 2002
- Grint, Keith*, The Arts of Leadership, 2001
- Grunberger, Richard*, A Social History of the Third Reich, 1971
- Guedella, Philip*, Mr Churchill: A Portrait, 1941
- Hamann, Brigitte*, Hitler's Vienna: A Dictator's Apprenticeship, 1999
- Hardwick, Joan*, Clementine Churchill: The Private Life of a Public Figure, 1997
- Hart, B. H. Liddell*, History of the Second World War, 1970
- Hayward, Steven*, Churchill on Leadership, 1997
- Hinsley, F. H., and Simkins, C. A. G.*, British Intelligence in the Second World War, vol. 4, 1990
- Hitler, Adolf*, Mein Kampf, (Berlin: 162nd–163rd reprint, Eher Verlag), 1935
- Hough, Richard*, Winston and Clementine: The Triumph of the Churchills, 1988
- Irving, David*, Hitler's War 1942–1945, 1977
- The War Path: Hitler's Germany 1933–1939, 1978
- Churchill's War: The Struggle for Power, 1987
- Churchill's War: Triumph in Adversity, 2001
- Jablonsky, David*, Churchill and Hitler: Essays on the Political-Military Direction of Total War, 1994
- Jenkins, Roy*, Churchill, 2002
- Johnson, Paul*, Napoleon, 2002
- Keegan, John*, The Second World War, 1989
- Churchill's Generals, 1992

- Kemper III, R. Crosby* (ed.), *Winston Churchill: Resolution, Defiance, Magnanimity, Goodwill*, 1996
- Kershaw, Ian*, *The 'Hitler Myth': Image and Reality in the Third Reich*, 1989
Hitler 1889–1936: Hubris, 1998
Hitler 1936–1945: Nemesis, 2000
- Keynes, John Maynard*, *The Economic Consequences of the Peace* (New York), 1971
- Kimball, Warren F.* (ed.), *Churchill @ Roosevelt: The Complete Correspondence*, 3 vols, 1984
- Kraus, René*, *The Men Around Churchill*, 1971
- Lamb, Richard*, *The Ghosts of Peace 1935–1945*, 1987
- Lash, Joseph P.*, *Roosevelt and Churchill 1939–1941*, 1977
- Lawlor, Sheila*, *Churchill and the Politics of War 1940–1941*, 1994
- Lee, J. M.*, *The Churchill Coalition 1940–1945*, 1980
- Lipstadt, Deborah*, *Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory*, 1993
- Lord, Walter*, *The Miracle of Dunkirk*, 1982
- Lowenheim, Francis L., Langley, Harold D., and Jonas, Manfred* (eds), *Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence*, 1975
- Lukacs, John*, *The Hitler of History*, 1997
The Duel: Hitler vs Churchill 10 May–31 July 1940, 1990
Churchill: Visionary, Statesman, Historian, 2002
- Luke, Michael, Hansel Pless*; *Prisoner of History*, 2002
- MacArthur, Brian* (ed.), *The Penguin Book of Historic Speeches*, 1995
- Machtan, Lothar*, *The Hidden Hitler*, 2001
- Manchester, William*, *The Caged Lion: Winston Spencer Churchill 1932–1940*, 1988
- Martin, Sir John*, *Downing Street: The War Years*, 1991
- Masters, Brian*, *Getting Personal*, 2002
- Meehan, Patricia*, *The Unnecessary War: Whitehall and the German Resistance to Hitler*, 1992
- Megargee, Geoffrey P.*, *Inside Hitler's Command (Kansas)*, 2000
- Middlebrook, Martin*, *The Battle for Hamburg*, 2000
- Montague Browne, Anthony*, *Long Sunset: Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary*, 1995
- Moran, Lord*, *Winston Churchill: The Struggle for Survival 1940–1965*, 1966
- Moriarty, David*, *A Psychological Study of Adolf Hitler*, 1991
- Mosley, Diana*, *A Life of Contrasts*, 2002
- Overy, Richard*, *Interrogations: The Nazi Elite in Allied Hands 1945*, 2001
- Parker, R. A. C.*, *Churchill and Appeasement: Could Churchill Have Prevented the Second World War?*, 2000
- Parker, R. A. C.* (ed.), *Winston Churchill: Studies in Statesmanship*, 1995
- Pearson, John*, *Citadel of the Heart: Winston and the Churchill Dynasty*, 1991
- Pelling, Henry*, *Winston Churchill*, 1974
- Ponting, Clive*, *Churchill*, 1994
- Ramsden, John*, *The Age of Churchill and Eden*, 1995
Man of the Century: Winston Churchill and his Legend since 1945, 2002

- Rauschnig, Hermann*, Gespräche mit Hitler (New York), 1940
- Redlich, Fritz*, Hitler: Diagnosis of a Destructive Prophet, 2000
- Rees, Laurence*, The Nazis: A Warning from History, 1997
- War of the Century: When Hitler Fought Stalin, 1999
- Horror in the East, 2001
- Rhodes James, Robert*, Churchill: A Study in Failure 1900–1959, 1990
- Rhodes James, Robert* (ed.), Churchill Speaks 1897–1963; Collected Speeches in Peace and War, 1981
- Roberts, Andrew*, 'The Holy Fox': A Biography of Lord Halifax, 1991
- Eminent Churchillians, 1991
- Roberts, Frank*, Dealing with Dictators: The Destruction and Revival of Europe 1930–70, 1991
- Rose, Norman*, Churchill: An Unruly Life, 1994
- Rosebery, Lord*, Lord Randolph Churchill, 1906
- Roseman, Mark*, The Villa, The Lake, The Meeting: Wannsee and the Final Solution, 2002
- Sandys, Celia*, Churchill Wanted Dead or Alive, 1999
- Smith, Amanda (ed.), Hostage to Fortune: The Letters of Joseph P. Kennedy, 2001
- Soames, Mary* (ed.), Speaking for Themselves: The Personal Letters of Winston and Clementine Churchill, 1998
- Spears, E. L.*, Assignment to Catastrophe, vol. I: July 1939–May 1940, 1954
- Speer, Albert*, Inside the Third Reich, 1995
- Spotts, Frederic*, Hitler and the Power of Aesthetics, 2002
- Stafford, David*, Churchill and the Secret Service, 1997
- Stewart, Graham*, Burying Caesar: Churchill, Chamberlain and the Battle for the Tory Party, 1999
- Stone, Norman*, Hitler, 1980
- Strawson, John*, Hitler and Churchill in Victory and Defeat, 1997
- Thompson, Laurence*, 1940, 1966
- Thome, Christopher*, Allies of a Kind: The United States, Britain, and the War Against Japan 1941–1945, 1978
- Trevor-Roper, Hugh*, The Last Days of Hitler, 1947
- Trevor-Roper, Hugh* (ed.), Hitler's Secret Conversations 1941–1944, 1961
- Waite, Robert*, The Psychopathic God: Adolf Hitler, 1993
- Warlimont, General Walter*, Inside Hitler's Headquarters 1939–1945, 1964
- Watt, Donald Cameron*, How War Came: The Immediate Origins of the Second World War 1938–1939, 1989
- Wheeler-Bennett, John* (ed.), Action This Day, 1968
- Willans, Geoffrey, and Roetter, Charles*, The Wit of Winston Churchill, 1954
- Willmott, H. P.*, The Great Crusade: A New Complete History of the Second World War, 1989
- Wilson, A. N.*, A Watch in the Night, 1996
- Wilson, Thomas*, Churchill and the Prof, 1995
- Woods, Frederick*, Artillery of Words: The Writings of Sir Winston Churchill, 1992
- Young, Kenneth*, Churchill and Beaverbrook, 1966

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Адаир Джон, создатель теории лидерства 22
- Акино Симеон Кохуангко Бенигно III, политик, президент Филиппин 255
- Александр Гарольд? Британский военачальник, фельдмаршал 87, 244
- Александр II, русский император 255
- Амери Джулиан, британский политик 255
- Амери Лео, британский политик и журналист 148, 151, 152
- Антонов Алексей, советский военачальник, генерал армии 273
- Арент Бенно фон, немецкий театраль-ный художник 102
- Аристотель, древнегреческий философ 18
- Асквит Герберт, британский государственный и политический деятель 177
- Астор Нэнси, депутат Платы общин 46, 151

Б

- Баарова Лидия, чешская киноактриса, любовница Геббельса 135
- Баден-Пауэлл Роберт, британский военачальник, основатель скаутского движения 120
- Байерс Стивен, британский политический деятель 22
- Байрон Джордж Гордон, английский поэт-романтик 114
- Байрон Роберт, английский писатель 224
- Бакунин Михаил, русский мыслитель, революционер, анархист 14
- Бальфур Артур Джеймс, британский политический деятель 17, 59
- Бевин Эрнст, британский профсоюзный руководитель и государственный деятель 222
- Бейнбридж Саймон, британский историк 114
- Бенеш Эдвард, государственный и политический деятель Чехословакии 218
- Бёрли Майкл, британский писатель и историк 97
- Берлин Исайя, британский философ, писатель 82, 83
- Бест Джеффри, британский историк 293
- Бивербрук Макс, английский политик, писатель 241
- Бирбом Макс, английский писатель, художник-карикатурист 19
- Биркехед Фредерик Эдвин Смит, британский политический и государственный деятель 118
- Бисмарк Отто фон, первый канцлер Германской империи 132
- Блейк Роберт, британский историк 113
- Бломберг Вернер фон, немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал 32
- Блэр Тони, политик, премьер-министр Британии 18, 24, 41
- Блюментритт Гюнтер, немецкий офицер, военный историк 246
- Болдуин Стэнли, британский политик, член Консервативной партии Великобритании 47, 110, 116, 124
- Борман Мартин, государственный и политический деятель нацистской Германии 103, 128, 181, 209, 296
- Брайант Артур, британский историк и писатель 114, 204
- Браун Ева, жена Адольфа Гитлера 98, 106, 119, 122
- Браухич Вальтер фон, генерал-фельдмаршал германской армии 167, 168
- Брахер Карл Дитрих, немецкий политолог и историк 55
- Бриггс Аса, британский историк 113, 280
- Бруанинг Кристофер, американский историк 269
- Брук Алан, 1-й виконт Аланбрук, британский военачальник 178, 179, 196, 198, 201–205, 243, 246, 273
- Брум Генри, британский политический деятель 17
- Брэкен Брендан, британский политический и государственный деятель 118, 154, 229, 241, 282
- Буллок Алан, британский историк 12, 113, 280
- Бутби Роберт, британский политический деятель 151, 232

- Буш Джордж (младший), президент США 7, 8, 11, 41
- Бьюкенен Патрик, американский историк 291, 294
- В**
- Вагнер Рихард, немецкий композитор и теоретик искусства 40
- Ваджап Атал Бихари, индийский государственный и политический деятель 15
- Варлимонт Вальтер, немецкий военный деятель, генерал артиллерии 32, 259, 261
- Вашингтон Джордж, американский государственный деятель, первый президент США 287
- Веждвуд Сесили Вероника, британский историк и писатель 285
- Веллингтон Артур Уэлсли, британский полководец и государственный деятель 255
- Видеман Фриц, адъютант Гитлера, активист НСДАП 105
- Вильгельм II, германский император 179, 214, 299
- Вильгельм IV король Великобритании 22
- Вильсон Джеймс Гарольд, британский политик, премьер-министр Британии 28, 274
- Влад Цепеш 113, 265
- Водсворт Уильям, английский поэт-романтик 114
- Вуд Кингсли, британский государственный деятель 154, 158, 178
- Г**
- Гай Юлий Цезарь, древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель 23, 279
- Галахер Вилли, британский политический деятель 49
- Галифакс Эдуард Вуд, британский политический и государственный деятель 130, 142, 153–155, 157–160, 221, 254, 279
- Гальдер Франц, военный деятель Германии, генерал-полковник 164, 167
- Гаманн Бригитта, австрийский историк 72
- Гамильтон Ян Стэндиш Монтит, британский генерал 56
- Ганди Индира, индийский политический деятель, премьер-министр Индии 256
- Ганди Махатма (Мохандас Карамчанд), индийский политический и духовный лидер, основатель республики Индия 92, 256, 287
- Ганди Раджив, индийский политический деятель, премьер-министр Индии, сын Индиры 256
- Гарибальди Джузеппе, народный герой Италии, военный вождь Рисорджименто 274
- Гарнетт Дэвид, английский писатель и издатель 222, 226
- Гарриман Аверелл, американский промышленник, государственный деятель и дипломат 216
- Гастингс Макс, британский военный историк 216
- Гebbeльс Йозеф государственный и политический деятель Третьего рейха 66, 88–91, 99, 104, 120, 128, 132, 135, 136, 172, 257
- Гедалла Филип, писатель и историк 293
- Гейдрих Рейнхард, государственный и политический деятель нацистской Германии 70, 255
- Гейне Генрих, немецкий поэт, публицист 24
- Георг IV, король Великобритании 42
- Георг VI, король Великобритании 159
- Гёрделер Карл Фридрих, германский политический деятель, один из руководителей антигитлеровского заговора 249, 253
- Геринг Герман Вильгельм, политический, государственный и военный деятель нацистской Германии 32, 101, 103, 126, 127, 135–137, 168, 191, 238, 239, 252
- Гесс Рудольф, государственный и политический деятель Третьего рейха 57, 121, 122
- Геше Бруно, подполковник СС, член окружения Гитлера 237–239
- Гиббон Эдуард, английский историк 80
- Гилберт Мартин, английский историк и писатель, биограф У. Черчилля 293, 296
- Гиммельфраб Мильтон, американский социолог и публицист 270

- Гиммлер Генрих, политический и военный деятель Третьего рейха 99, 101, 105, 128, 224, 237, 252, 257
- Гинденбург Пауль фон, глава германского государства в Веймарской республике и Третьем рейхе 58, 242
- Гитлер Адольф, основоположник национал-социализма, глава Третьего рейха 6, 7, 9, 11–14, 24, 25, 30–40, 43, 44, 46, 54, 55, 57, 58, 60–77, 81, 83, 85, 88–105, 107–112, 116, 119–123, 125–128, 131–137, 140–143, 145, 146, 150, 158, 161–164, 166–169, 173, 179–182, 186, 189, 191–193, 197, 198, 200, 201, 206–219, 226, 235–243, 245–249, 252–254, 256–267, 270–273, 277, 281, 284, 287, 289, 290, 292, 293, 299–303
- Гладстон Уильям, английский государственный деятель и писатель 16, 17, 80, 110
- Годфри Джон, британский адмирал 198
- Голдуотер Барри Моррис, американский политик 24
- Голь Шарль де, французский военный и государственный деятель, генерал 118, 131, 287, 289, 290
- Гольдхаген Дэниэл, историк 270
- Гопкинс Гарри Ллойд, американский государственный и политический деятель 42
- Грейвс Роберт, писатель 282
- Григг Перси Джеймс, секретарь Черчилля 123
- Гринвуд Артур, британский политический деятель 157, 160
- Гриншпан Гершель, польский еврей, убийца Э. фом Рата 135
- Гудериан Гейнц, генерал-полковник германской армии 162–165, 240, 242, 243

Д

- Д'Арс Осборн Фрэнсис, британский посол в Ватикане 250
- Дагдейл Томас, министр сельского хозяйства Британии 21
- Далтон Хью, британский политический и государственный деятель 150, 154, 221

- Дарлан Франсуа, французский адмирал, один из сторонников режима Виши 255
- Дарре Рихард, министр сельского хозяйства Германии 126
- Даудинг Хью, британский маршал авиации 184, 185
- Делмер Денис Сефтон, британский журналист 224
- Дженкинс Рой, историк, биограф Черчилля 205, 293
- Джозеф Кит, британский политический деятель 24
- Джонсон Пол, британский историк 113
- Джулиани Рудольф Уильям Луис, мэр Нью-Йорка в 1994–2001 гг. 9
- Дизраэли Бенджамин, английский государственный деятель Консервативной партии Великобритании 16, 17, 254, 256
- Дикин Фредерик Уильям, британский писатель, публицист 280–282
- Диккенс Чарльз, английский писатель, романист 189
- Дилл Джон Грир, британский военачальник, фельдмаршал 183
- Диоклетиан, римский император 266
- Дитль Эдуард, немецкий генерал-полковник 140
- Додд Марта, публицистка, дочь американского посла в Берлине 96, 97
- Дрейк Френсис 82, 84
- Дуглас-Хьюм Алек, британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании 152

Е-Ж-З

- Елизавета Баварская, императрица Австрии 256
- Жорес Жан, деятель французского и международного социалистического движения 256
- Зия уль-Хак Мухаммед, президент Пакистана 255

И

- Иван IV Грозный, русский царь 265
- Иден Энтони, британский государственный деятель 28, 154, 183, 201, 249, 276

- Икс Малькольм, афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права человека 255
- Йодль Альфред, немецкий генерал-полковник 142
- Ирвинг Дэвид, историк, писатель 37, 38, 74, 288, 289, 290, 291, 294
- Исмей Гастингс Лайонел, британский военный и политический деятель 176, 231
- ### К
- Кадоган Александр, британский дипломат 41, 253, 290
- Кальтенбруннер Эрнст, государственный и военный деятель Третьего рейха, начальник Главного управления имперской безопасности СС 257
- Карлейль Томас, британский писатель, историк, философ 13, 14, 254, 257
- Карр Эдуард Халлет, британский историк 114, 222
- Кастро Фидель, кубинский государственный, политический, партийный деятель 113, 254
- Катилина, см. Лушич Сергей Катилина
- Кауард Ноэл английский драматург, актер, композитор и режиссер 88, 224, 226
- Квеннелл Питер, поэт, писатель 282, 283
- Кейнс Джон Мейнард, английский экономист 248
- Кейтель Вильгельм 142, 259
- Кеннеди Джозеф, американский бизнесмен и политический деятель 156, 190
- Кеннеди Джон Фитцджеральд, американский политический деятель, президент США 255
- Кеннеди Роберт Фрэнсис, американский политик 255
- Кершоу Йан, писатель, историк 14, 97, 105
- Киган Джон, военный историк, писатель 205, 265, 293
- Кийз Роджер, британский адмирал флота 147, 150, 151, 234
- Ким Ир Сен, основатель северокорейского государства и его глава 113
- Кинг Мартин Лютер, афроамериканский баптистский проповедник, борец за гражданские права афроамериканцев 255
- Киннок Нил Гордон, британский политический деятель 24
- Киссинджер Генри, американский государственный деятель, дипломат 301
- Китинг Пол, австралийский политический деятель 117
- Кларк Алан, историк 297
- Клемансо Жорж, французский политический и государственный деятель 49, 50, 181
- Клемперер Клеменс фон, историк, публицист 248, 249
- Клюге Гюнтер фон, германский военачальник, генерал-фельдмаршал 259
- Кокран Бурк, американский политик 80
- Колвилл Джон, личный секретарь У. Черчилля 41, 87, 88, 179, 215–218
- Кольридж Сэмюэл Тейлор, английский поэт-романтик 114
- Коннолли Сирил, британский критик 188
- Конфуций, мыслитель и философ Древнего Китая 22
- Корда Александр, кинорежиссер 5, 42, 281
- Костнер Кевин, американский актер 118
- Козн Элиот, американский ученый 9
- Криппс Стаффорд, британский политический деятель 42, 151, 2090, 210
- Кристиан Герда, секретарша Гитлера 112, 114, 115
- Критчли Джулиан, британский политик 159
- Кромвель Оливер, английский государственный деятель и полководец 23, 148
- Кроссман Ричард, британский политик, государственный деятель, писатель 224
- Крофт Генри Пейдж, британский политический и государственный деятель 147
- Кулондр Робер, французский посол 96, 97
- Купер Альфред Дафф, британский политический деятель 151, 232, 233, 267
- Купер Диана, супруга Д.А. Купера 267
- Кэстл Барбара, британский политик 159
- Кэш Билл, британский политический деятель 27
- ### Л
- Лаваль Пьер, французский политический и государственный деятель 273

- Ладен Осама бен, основатель и лидер международной исламской террористической организации «Аль-Каида» 6, 11, 16
- Лашем Джозеф, историк 293
- Ленин Владимир, русский революционер, советский политический и государственный деятель 13, 266
- Леопольд III, король Бельгии 233, 234
- Лёффнер Загфрид, пастор, сторонник нацистского «немецкого христианского движения» 72
- Лиддел Гарт Бэйзил, британский военный историк 293
- Линдеманн Фредерик, британский ученый, профессор 37, 93, 182
- Линкольн Авраам, американский государственный деятель 254, 287
- Ллойд Джордж Дэвид, британский политический деятель 45, 65, 106, 146, 150
- Лонг Хьюон 255
- Лоссберг Бернгард фон, военный деятель нацистской Германии 142
- Лукас Джон, американский историк 265, 293
- Луций Квинций Цинциннат, древнеримский патриций, консул, диктатор 274
- Луций Сергий Катилина, глава политического заговора в Древнем Риме 5
- Людендорф Эрих фон, германский военный деятель, генерал пехоты 58
- Людовик XIV, король Франции 299
- М**
- Мажино Андре, французский политический и военный деятель 143
- Макалпайн Алистер, британский политический деятель 22
- Мак-Кинли Уильям, президент США 255
- Макмиллан Гарольд, британский политический и государственный деятель 151, 174, 201
- Маколей Томас Бабингтон, британский государственный деятель, историк, поэт 80
- Манчестер Уильям, историк 293
- Манштейн Эрих фон, германский военный деятель, фельдмаршал 162, 163, 165, 240
- Мао Цзэдун, китайский государственный и политический деятель 265
- Марат Жан-Поль политический деятель Французской революции, врач, журналист 255
- Маргессон Дэвид, британский государственный деятель 155
- Марк Туллий Цицерон, древнеримский политик и философ, оратор 5
- Маркс Карл, немецкий философ, социолог, экономист, писатель 58
- Маршалл Джордж, государственный и военный деятель США, генерал армии 273
- Махтан Лотар, профессор Бременского университета 119–121, 123
- Мейджор Джон, премьер-министр Британии 22
- Мейз Поль, наставник Черчилля 214
- Меллор Дэвид, британский политический деятель 22
- Мельбурн Уильям Лэм, премьер-министр Великобритании 114
- Мидс Джонатан, писатель и критик 74
- Милгрэм Стэнли, психолог 267–269
- Мильх Эрхард, немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал 208
- Михан Патрисия, историк 248, 249, 253
- Модель Вальтер, германский военачальник, генерал-фельдмаршал. 127
- Мола Эмилио, испанский военачальник, генерал 23
- Моддинг Реджинальд, британский государственный деятель 275
- Молотов Вячеслав, советский политический и государственный деятель 191
- Монтгомери Бернгард Лоу, британский военный, фельдмаршал 6, 28, 87, 88, 118, 120, 204, 218, 244
- Монтегю-Браун Энтони, личный секретарь У. Черчилля 41, 42, 43
- Моргентау Генри, американский политический и государственный деятель 196
- Морис Эмиль, один из первых членов НСДАП, личный охранник и шофер А. Гитлера 55
- Моррисон Герберт Стэнли, британский государственный деятель 148, 149, 154
- Мортимер Реймонд, британский писатель, литературный критик 224

Мортон Дэсмонд, британский государственный деятель, друг Черчилля 50, 82

Мосли Диана, см. Фримен-Митфорд Диана
Мур-Брабазон Джон, британский авиатор и политик 145

Муссолини Бенито, итальянский политический и государственный деятель, публицист 12, 49, 87, 99, 102, 103, 111, 192, 295

Мушарраф Первез, военный, государственный и политический деятель Пакистана 16

Н

Нагиб Мохаммед, египетский военный и государственный деятель 23, 24

Наполеон I Бонапарт, французский император, полководец и государственный деятель 13, 23, 54, 84, 114, 132, 254, 255, 262, 265, 287, 299

Насер Гамаль Абдель, президент Египта, полковник, деятель панарабского движения 23

Нго Динь Зьем, президент Южного Вьетнама 256

Нейман Йозеф, друг Гитлера 72

Нельсон Горацио, английский флотоводец, вице-адмирал 82, 84, 132, 242

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, римский император 46

Никольсон Гарольд, британский дипломат, политик, историк 82, 151

Норвич Джон Джулиус, британский писатель 267

О

Окинлек Клод, британский военачальник, фельдмаршал 244

Оливье Лоуренс, киноактер 5

П

Палмерстон Генри Джон Темпл, английский государственный деятель 146

Пальме Улоф, шведский политик 256

Паттон Джордж Смит (младший), американский военный деятель, генерал 202, 204

Пауэлл Джон Энох, британский политический деятель 23, 24

Персиваль Спенсер, английский государственный деятель 255

Петэн Анри-Филипп, французский военный и государственный деятель, глава режима Виши 273

Пий XII, римский папа 250

Пим Джон, английский политический деятель 5, 23

Пирсон Джон, британский историк семьи Черчиллей 33

Питт Уильям Младший, британский государственный и политический деятель 146

Питт Уильям Старший, британский государственный и политический деятель 146

Пламб Джек, историк 280, 285

Пол Пот, камбоджийский политический и государственный деятель 113

Понтинг Клайв, британский историк, писатель 38, 85, 288, 294

Попелушко Ежи, польский католический священник 255

Прудон Пьер Жозеф, французский политик, публицист, экономист 14

Пруст Марсель, французский писатель, новеллист и критик 74

Р

Раико Ральф, историк 291, 292, 294

Райтер Мария (Мими), любовница Гитлера 39

Рамсен Джон, историк 293

Рамсфелд Дональд, американский политик 8

Распутин (Новый) Григорий, русский крестьянин, фаворит царской семьи, имел репутацию «святого старца» 11

Рассел Бертран, британский философ 71

Рат Эрнст фон, германский дипломат 135

Рафазль Фредерик, писатель 73

Рёдер Эрих, немецкий гросс-адмирал, главнокомандующий кригсмарине 186

Рейган Рональд, американский государственный деятель, президент США 8, 24, 64, 275

Рём Эрнст Юлиус, один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА 122

Риббентроп Иоахим фон, германский государственный деятель, дипломат 75, 87, 128, 141, 142, 191, 239, 240, 257

- Рифеншталь Лени (Хелена Берта Амалия), немецкий кинорежиссер и фотограф 12, 25, 200
- Робертс Фрэнк, сотрудник министерства иностранных дел США 250
- Робеспьер Максимиллиан, французский революционер, якобинец 24, 208
- Розбери Арчибальд Филипп Примроз, британский политический деятель 17, 21
- Розенберг Альфред Эрнст, немецкий государственный и политический деятель 257
- Ромили Джайл, племянник Черчилля 140
- Роммель Эрвин, немецкий генерал-фельдмаршал 6, 208, 211, 212, 215, 244, 247, 259, 300
- Роуз Альфред Лесли, британский историк 280, 284, 293
- Роуз Норманн, британский историк 293
- Рубаль Гели, племянница Гитлера 123
- Рузвельт Франклин Делано, американский государственный деятель, президент США 90, 100, 111, 173, 178, 193, 196, 197, 210, 250, 273
- Рундштедт Герд фон, немецкий генерал-фельдмаршал 167, 258, 259, 273
- Руссо Жан-Жак, французский философ, писатель, мыслитель 24
- С**
- Сайкс Кристофер, британский писатель 46
- Саймон Джон, британский государственный деятель 149, 152
- Сартр Жан-Поль, французский философ, писатель 114
- Саути Роберт, английский поэт-романтик 114
- Сикорский Владислав, польский военачальник и политик, глава правительства Польши в изгнании 288
- Синклер Арчибальд, британский политический и государственный деятель 146, 185
- Сквилл-Уэст Вита, писательница 82
- Смит Джон, британский политический деятель 24
- Солсбери Роберт Артур Сесил, британский политический деятель 17, 20, 274
- Сомервелл Джон, философ, социолог, общественный деятель 285
- Сомс Мэри, дочь У.Черчилля 50, 118, 210, 211
- Спирс Луис, британский военный и политический деятель 182
- Сталин Иосиф, советский политический, государственный, военный и партийный деятель 12, 13, 25, 46, 111, 113–115, 197, 206, 212, 250, 265, 273, 292, 300, 301
- Старк Фрея, британская исследовательница, питешественница 224
- Стоун Норманн, британский историк 27, 122
- Стрейчи Литтон, английский писатель и литературный критик 19
- Стэнли Оливер, британский политик 148
- Т**
- Тамерлан, тюркский правитель и полководец, один из величайших завоевателей 265
- Тейлор Алан Джон Персиваль, британский историк 285
- Тимошенко Семен, советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. 211
- Томас Хью, британский историк 113
- Торн Эндрю, британский генерал 214, 215
- Торп Джон Джереми, британский политический деятель 28
- Тревор-Ропер Хью, историк 253
- Троллоп Энтони, британский писатель 21
- Тьюринг Алан, британский историк 183
- Тэтчер Маргарет, британский политический и государственный деятель 24
- У**
- Уайльд Оскар, английский поэт, писатель, философ 88
- Уиллер-Беннет Джон, историк, писатель, официальный биограф британского короля Георга VI 224
- Уингейт Орд Чарлз, британский генерал 183
- Умберто I, король Италии 256
- Уэйвелл Арчибальд, британский фельдмаршал 244
- Ф**
- Фалькнехорст Николаус фон, германский военачальник, генерал 141

- Фейлинг Кит, историк 278
- Фервурд Хендрик, южно-африканский политик и социолог, премьер-министр ЮАР 255
- Фердль Вайс, немецкий актер 76
- Фест Иоахим, историк 248, 249, 253, 254
- Филипп II, король Испании 299
- Флауэр Ньюман, книгоиздатель 277
- Флеминг Ян, английский писатель 104
- Фокс Чарльз Джеймс, политический деятель, идеолог британского либерализма 114
- Фостер Джоуди, американский киноактриса 25
- Франк Анна, еврейская девочка, жертва нацизма, автор знаменитого «Дневника Анны Франк» 25
- Франко Франсиско Бааомонде, испанский военный и государственный деятель, диктатор Испании 12, 23, 89, 111, 221, 273
- Франц Фердинанд, австрийский эрцгерцог 255
- Фрейзер Антония, британский историк 113
- Фридман Мильтон, американский экономист 24
- Фридрих I Барбаросса, король Германии, император Священной Римской империи 58, 105, 132
- Фридрих II Великий, король Пруссии 58, 59, 132, 257
- Фримен Джон, британский политик, дипломат и журналист 42
- Фримен-Митфорд Диана, леди Мосли, британская аристократка, литературный критик 40, 41
- Фукуяма Фрэнсис, американский философ, политолог, писатель 19
- Фут Майкл Макинтош, британский политический деятель 26, 159
- Ханфштенгль Эрнст, партийный деятель Третьего рейха, пресс-секретарь НСДАП 88, 89, 90–94, 122
- Хассель Ульрих фон, немецкий дипломат, участник заговора против А. Гитлера 249
- Хаттерсли Рой, британский политик 159
- Хауптман Герхарт, драматург 96, 97
- Хвалковский Франтишек, министр иностранных дел Чехословакии 61
- Хезелтайн Майкл, британский политик и бизнесмен 27
- Хиллгарт Алан, британский военный, капитан 1-го ранга 221
- Хит Эдвард, британский политик, премьер-министр Британии 27, 28
- Хитченс Кристофер Эрик, американский журналист, публицист и писатель 292, 293, 294
- Хобарт Перси, британский военный деятель 183
- Хобсбаум Эрик, британский историк-марксист 113
- Ховард Майкл, писатель, ученый 285
- Хогг Квентин, британский политический деятель 151
- Ходж Алан, британский писатель 282, 283
- Хопкинс Гари Ллойд, американский государственный и политический деятель 42
- Хор Сэмюэль, британский политик, государственный деятель 130, 139, 140, 149, 150, 152, 158
- Хор-Белиш Лесли, британский государственный деятель 151
- Хоффман Питер, историк 252
- Хусейн Саддам, иракский государственный и политический деятель 7, 254
- Хэзлитт Уильям, английский писатель 114
- Х**
- Хадамовски Ойген, государственный деятель нацистской Германии, один из соратников Й. Геббельса 90, 91
- Хайдер Йорг, праворадикальный австрийский политик, националист 25, 287
- Хайек Фридрих Август фон, австрийский экономист и философ 24
- Ханке Карл, партийный деятель Третьего рейха 236
- Ц**
- Цезарь, см. Гай Юлий Цезарь
- Цинциннат, см. Луций Квинкий Цинциннат
- Цицерон, см. Марк Туллий Цицерон
- Ч**
- Чармли Джон, британский историк 293, 297, 298
- Чемберлен Невилл, британский государ-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- ственный деятель 63, 116, 131, 137, 144–146, 148–156, 158–161, 174, 175, 177, 254, 285, 298
- Черчилль (Хозьер) Клементина, супруга У. Черчилля 41, 44, 56, 106, 117–119, 203, 279
- Черчилль Джон, английский военный и государственный деятель 46
- Черчилль Рэндольф (младший), сын У. Черчилля 51, 86, 92, 93
- Черчилль Рэндольф Генри Спенсер, британский политический деятель, отец У. Черчилля 21, 44, 80
- Черчилль Уинстон Леонард Спенсер, британский государственный и политический деятель, военный (полковник), журналист, писатель 5, 7–10, 12, 19, 20, 23–28, 30, 31, 33–38, 40–47, 63–66, 77, 78, 80–88, 92–95, 100, 101, 106–108, 112, 116–119, 123–125, 129–134, 137–141, 143–145, 147, 150–157, 159–161, 169–190, 193, 196–221, 230–235, 239, 241–245, 247, 249, 252, 257, 258, 261–267, 272–298, 302, 303
- Чингисхан, полководец, основатель и первый великий хан Монгольской империи 113, 265
- Ш**
- Шахт Ялмар, германский государственный и финансовый деятель 125–127, 135
- Шекспир Уильям, английский поэт и драматург 286
- Шелленберг Вальтер, начальник внешней разведки службы безопасности 26
- Шинвелл Эммануэль, британский государственный деятель 151
- Ширер Уильям, американский журналист и историк 161
- Шоу Джордж Бернард, ирландский драматург, писатель, романист 88
- Шпеер Альберт, государственный деятель нацистской Германии 12, 72, 88, 90, 96, 102, 103, 107, 108, 121, 128, 208, 236, 248
- Шпитци Рейнхард, оберштурмбанфюрер СС, секретарь министра иностранных дел Германии 75
- Штауффенберг Клаус Шенк фон, немецкий военный, полковник вермахта, один из лидеров заговора против Гитлера 249
- Э**
- Эванс Ричард, британский историк 123
- Эдисон Пол, историк, писатель 53
- Эдуард VIII, король Великобритании 45, 81, 160
- Эйзенхауэр Дуайт Дэвид, американский государственный и военный деятель 197, 201, 202
- Эйткен Уильям Максвелл, лорд Бивербрук 118
- Эйхман Адольф, оберштурмбанфюрер СС, начальник отдела по «еврейскому вопросу» в Гестапо 25
- Эккарт Дитрих, политический и партийный деятель Третьего рейха 103
- Эллиот Томас, британский поэт 29, 30, 254
- Эмис Харди, королевский портной 228
- Энгель Герхард, адъютант А. Гитлера 169
- Эттли Клемент, британский политический и государственный деятель 26, 146, 158, 160, 242

Научно-популярное издание

12+

ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

ГИТЛЕР И ЧЕРЧИЛЛЬ

Эндрю Робертс

НАД РУССКИМ ИЗДАНИЕМ РАБОТАЛИ

Перевод с англ. *О.И. Сергеевой*

Зав. редакцией *О.В. Сухарева*

Ответственный редактор *Е.Р. Секачева*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Корректор *И.Н. Мокина*

Дизайн обложки *А.И. Орловой*

Компьютерная верстка *В.В. Брызгаловой*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

Подписано в печать 26.03.2015

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 20

Тираж 2000 экз. Заказ 8419.

ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,

Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaomprk.ru, www.olomprk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Серия: ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

ЧЕРЧИЛЛЬ И ГИТЛЕР

Уинстон Черчилль и Адольф Гитлер.
Два правителя, стоявших у власти двух столь разных государств. Эпоха правления каждого из них — как бы ее ни оценивали — сыграла определяющую роль в дальнейшем развитии Германии и Великобритании — двух непримиримых противников во Второй мировой войне.

Что это были за личности?
Какими были методы их правления?
Какую роль они сыграли в истории своих стран и всего мира в целом?

На примере двух известнейших лидеров XX столетия британский историк Эндрю Робертс рассматривает проблему лидерства как феномен мировой истории.

ISBN 978-5-17-086967-1

9 785170 869671 >

www.ast.ru